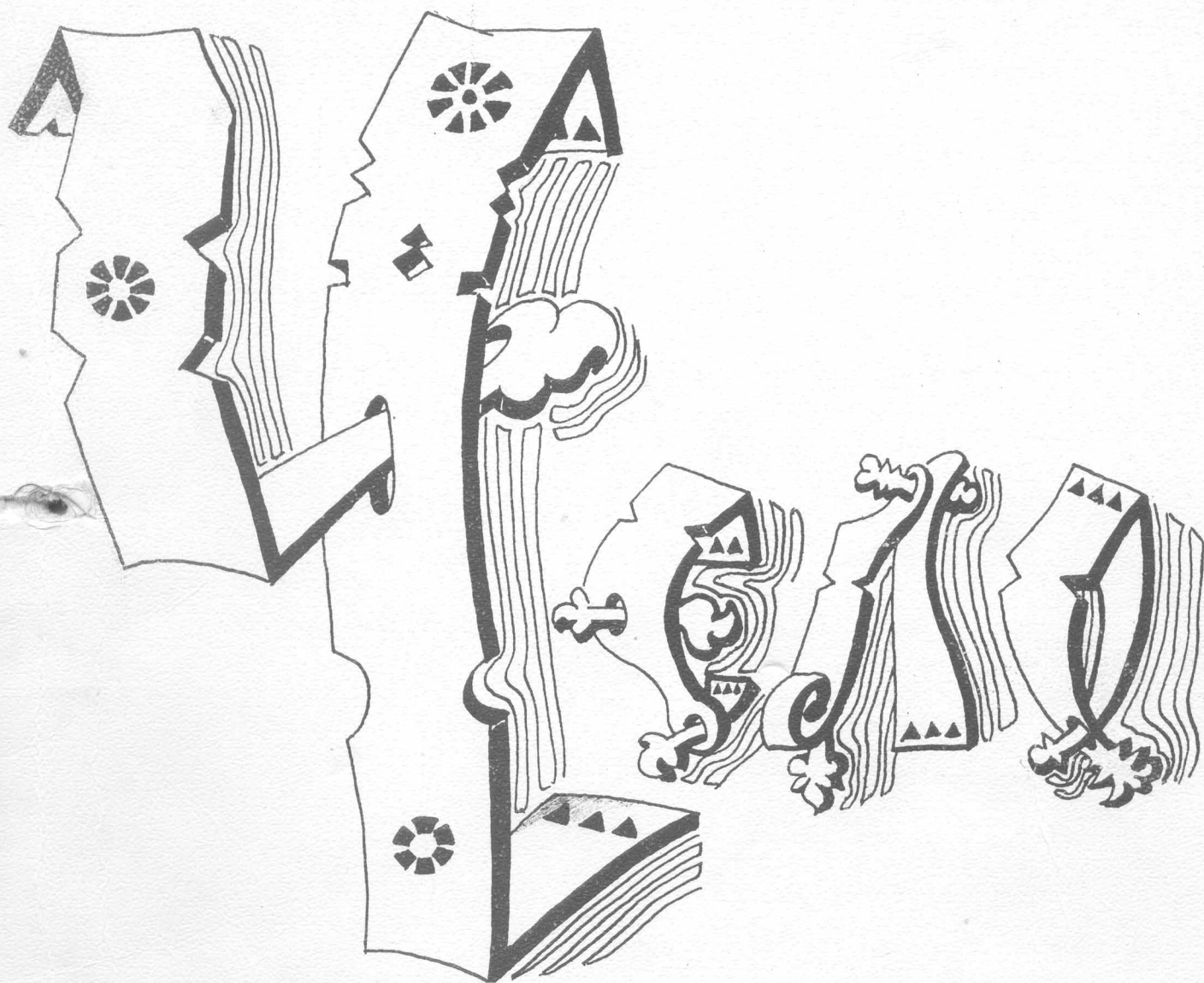
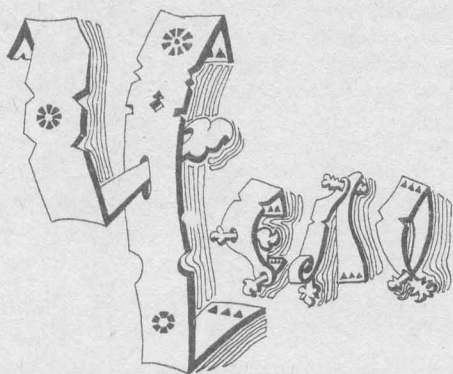

2 '96

АЛЬМАНАХ
УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
И НОВГОРОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

издается с 1995 года

№ 2 (9) 1996 год

СОДЕРЖАНИЕ

страница редактора

Тамара СИГАЛОВА. Ветка кипрея _____ 2

эхо в новгороде

Юрий ЛЕСМАН. Украшения древних новгородок
и древнерусская эзотика _____ 3
Петр ГАЙДУКОВ. Дубошин раскоп в Новгороде _____ 4
Андерес ШЁБЕРГ. Эпир - рунорезец Уппланда
и придворный проповедник Новгорода _____ 7
Василий ПУЦКО. Древние поручи из Хутынского монастыря _____ 11
Владимир ДРУЖИНИН. Сестра Спасской башни _____ 15
Владимир ХРАБРОВ. Город старый, город новый _____ 16

концепция

Георгий ШАБАНОВ. Воспринимающий ум
и его значение в нашей жизни _____ 21

родники

Ольга АНДРЕЕВА. Музыкальные инструменты в русских сказках _____ 23

имена в мастера

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО. Он был распахнут перед людьми _____ 27
Александр ШЕИН. Стихи _____ 28
Владимир СЫТЕНКО. Береста любит человеческие руки _____ 31
Владимир СКРИПКИН. Графика _____ 32
Алексей ПШАНСКИЙ. Березка _____ 36
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО. Вернисаж в Софии _____ 40

перо

Леонид БАРАНОВСКИЙ. Стихи _____ 41
Иван ИВАНОВ. Трансвааль, Трансвааль... _____ 45
Владимир КРАСНОВ. Рассказы _____ 56
Петр АЛЕШКОВСКИЙ. Рассказы _____ 60
Олег ШПАКОВСКИЙ. Рассказы _____ 63
Тамара СИГАЛОВА. Стихи _____ 65
Константин БУЗУЛУЦКИЙ. Стихи _____ 66
Андрей КОЛОДИН. Стихи _____ 67

за тридевять земель

Наталья МОРЫЛЕВА. Земля. Зеленая дыханием Сахары _____ 69

архив

Ирина САВИНОВА. Польская речь в Новгороде _____ 74
Павел ЛИЗУНОВ. Марфа Борецкая
и Николс-Горельский монастырь _____ 79

колокола

Валерий ДЕМИДОВ. Извечный источник вдохновения _____ 83

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Валерий БОЛЬШАКОВ,
Марина БУРЬЯК,
Петр ГАЙДУКОВ,
Владимир ГОРМИН,
Анатолий ДОНЧЕНКО,
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО,
Сергей ИСАЕВ,
Валерия КЛЕБАНОВА,
Сергей КОРКОНОСЕНКО,
Инна КУЗНЕЦОВА,
Александр НИКОНОВ,
Юрий ПОЛЯКОВ,
Эдуард РАНЕНКО,
Владимир СКРИПКИН
(художник),
Владимир СОРОКА,
Владимир ХРАБРОВ,
Валентин ЯНИН

ВЕТКА КИПРЕЯ

Я сегодня - о тех островках моей милой родины, которые еще сохранили ее первозданное дыхание и щемящую простоту Среднерусской полосы.

Валдай - одно из таких мест. И его великолепия коснулось жестокое дыхание времени - уже больше нет чистейших вод озер (многие из них получили зловещую дозу радиоактивности), а через девственные леса национального парка прокладывается никому в сущности не нужная железная дорога. Прекратить это безумие, видимо, невозможно, ибо оно из бесконечной череды безумий нашего века. Но "остановиться, оглянуться" просто необходимо, так же, как глотнуть свежего воздуха.

В это лето Валдай не очень радовал хорошей погодой. До самого конца июля шли занудливые дожди, но в лесах, так же щедро, как и в былые годы, выросли черника и грибы, земляника... В перерывах между дождями разногласия пели птицы, и местный кот Кеша, огромный, рыжий, жутко самостоятельный, несмотря на принадлежность хозяину своему, Евгению Николаевичу Кадрову, степенно и важно вышагивал по мокрым просекам. О Кеше можно написать полноценный роман, вот лишь немногие мои наблюдения, дополненные Евгением Николаевичем, директором базы отдыха "Волна". Кешу на базе и в ее окрестностях зовут "ваше благородие" за графскую поступь, неторопливые, изящные манеры. По просьбе хозяина он густым басом говорит "МА-МА", встает на задние лапы, прижимая передние к груди, а главное - зорко охраняет владения от посягательств местных котов. Расправы с котами, желающими полакомиться на кухне дома отдыха, Кеша устраивает крутые и потому полностью очистил территорию "Волны" от своих алчущих собратьев.

Рассказывал Евгений Николаевич о том, как Кеша неделями бродит по лесу даже в лютые морозы и всегда приходит домой "сытый и гладкий" - сам себе добывает пропитание на лесных тропах. Очень любит Кеша позировать перед фото- и кинокамерами, настораживает уши, когда о нем говорят, и благоволит к приезжим (особенно московским) кошкам, многим из которых дарит свою любовь и потомство...

А в самом Валдае-городе, наверное, самая большая прелесть - это музей колоколов, глаза разбегаются от великолепия: от крошечных колокольчиков - до огромных размеров. Моя московская коллега Надежда Автамонова из журнала "Очаг" была в восторге. Почти полдня бродили мы по Валдаю, вымокли до нитки, потом согрелись в крошечном кафе водкой и колбасой, прошагали шесть километров по лесной просеке под проливным дождем, прежде чем добрались до своего дома отдыха, потом долго отогревались в сауне. А к вечеру, когда немного распогодилось, сидели на берегу озера, слушали байки Валентины-администраторши про ее бесчисленные замужества, беседовали с местным мастером по бересте Мишей, от которого узнали, что если "плысти-плысти" по озеру-чаще, то приплывешь к острову любви, где "много счастливых девушек перебивало".

На Валдае родились слова, к которым композитор из Челябинска Татьяна Лоскутова подобрала музыку. И вот в холле дома отдыха - премьера нашего "Валдайского вальса", устроенная с легкой руки Евгения Николаевича.

Успех был неожиданный. Вальс исполняли хором, молодежь танцевала, а я чувствовала себя по-настоящему счастливой. Вот ноты и слова:

ВАЛДАЙСКИЙ ВАЛЬС

Сосны высокие небо скребут,
Вот и открылся валдайский уют:
Мокрой черники ладони полны,
Ласковый шум волны.

Припев:

Здравствуй, любимая, встретились вновь,
Объединила валдайская новь,

Ветка кипрея и ягоды бус,
Губ земляничный вкус.

Небо дырявое, как решето,
Ведь ожидали совсем мы не то,
Не огорчайся, не унывай,
Руки дождю подставляй!
Припев.
Это, конечно, июльский обман,
Но развернет Николаич баян,
Хочется верить, страдать и любить
И на Валдае жить.
Припев.

Сосны высокие небо скребут. Вот и открылся Валдайский уют. Мокрой черники ладони полны. Ласковый шум волны. Здравствуй, любимая, встретились вновь, объединила валдайская новь. Ветка кипрея и ягоды бус, губ земляничный вкус.

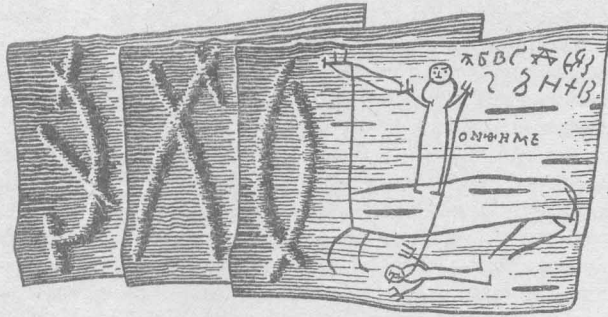
На заключительной археологической пятнице этого года, где Валентин Лаврентьевич Янин докладывал присутствующим о результатах очередного 64-го археологического сезона, я слушала откровения наших предков, заключенные в берестяных грамотах, и вспоминала Валдай. Что же останется будущим поколениям от нас, когда рукотворные дела наши уйдут под землю, и какой-нибудь индивидуум с компьютером, тщательно пролистав странички обветшавшего "Чела", прочтет и эти мои откровения. Узнает, что недалеко от Новгорода есть удивительное место, где высокие сосны скребют небо, а человек преображается, высвечивая в себе все лучшее. И, расшифровав ноты, исполнит этот наш вальс. Может быть, и танцевать не разучатся?

А быть может, будут долго мучить свои компьютеры расшифровкой видов оружия уничтожения людей в районе Кавказа и защищать диссертации на темы вандализма, жестокости и бесчеловечности XX века в России? Как же должны быть ответственны мы, сейчас живущие - перед потомками за каждое свое слово, деяние, за свои помыслы.

Мягко бьют в берег волны валдайских озер, безбрежным кажется покой России, надежда на ее прекрасное будущее не покидает. "Хочется верить, страдать и любить", заваривать чай листьями кипрея и молиться за мир и покой на земле нашей многострадальной.

Тамара СИГАЛОВА

Юрий ЛЕСМАН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Государственного Эрмитажа

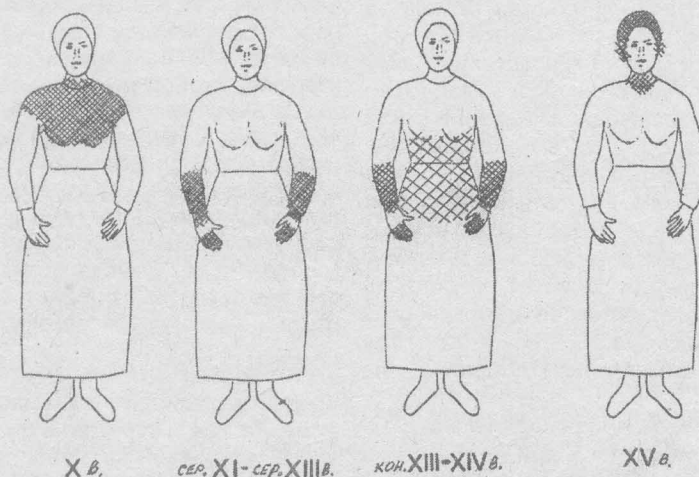
УКРАШЕНИЯ ДРЕВНИХ НОВГОРОДОК И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЭРОТИКА

Мы до обидного мало знаем о реальной живой культуре древней Руси. Приходится довольствоваться крохами, восстанавливая то, что можно, о древнерусской эротике. Конечно, без прямых письменных текстов и соответствующего изобразительного материала (а такой материал для древней Руси представлен лишь единичными граффити, да и то оставленными скандинавским гарнизоном, несшим в XII столетии службу на пограничной с Литвой полоцкой заставе у современной белорусской деревни Москвицы) реконструкции поддается лишь немногое. Но и эти, полученные косвенным путем данные, позволяют хоть краем глаза взглянуть на жизнь средневекового человека.

Обратимся к одежде древнерусских женщин. К сожалению, надежно датированных изображений слишком мало, а те, что есть, созданы под несомненным влиянием иконописного канона. Только одно древнерусское платье сохранилось почти полностью, от остальных остались лишь мелкие фрагменты ткани, соприкасавшиеся с металлическими украшениями, а также вышитые полоски (чаще всего от воротников). Об изменениях в X-XV веках кроя женской одежды не известно почти ничего. Лучше всего мы знаем собственно украшения, особенно стеклянные и металлические (чаще всего из сплавов меди и олова). Только они позволяют восстановить динамику происходивших процессов. Конечно, динамика обобщенная, точность датировок составляет в лучшем случае несколько десятилетий, но и это точнее, чем обычные при обсуждении древнерусского костюма даты "X-XIII века", если не шире "X-XV века". В самых общих чертах по набору украшений и их размещению в погребениях в ряде случаев удается реконструировать самые обобщенные особенности одежды. Однако украшения дают возможность взглянуть на

древнерусскую одежду и с иной точки зрения. Зададимся вопросом: для чего женщины носят украшения? Чаще всего археологи анализируют этнически- или социально-знаковую, а также религиозно-магическую их функцию, забывая об очевидной и основной. Женщины носят украшения для того, чтобы нравиться мужчинам, чтобы привлекать их внимание. Тогда очевиден следующий вопрос - к чему, к каким частям тела привлекалось преимущественное внимание? В русской одежде последних трех столетий выбор способов привлечь внимание к определенной части женского тела был богаче, чем в средневековье. Восемнадцатый век был сосредоточен на шее и особенно груди, так что глубина тогдашних декольте показалась бы современному обывателю просто непристойной. В двадцатом веке основное внимание мода уделила обнаженным ногам, так что девочек шестидесятих годов возмущенные бабушки провожали репликами "забыла юбку надеть". Обнажение - не единственное средство, вспомним полузабытые корсеты и кринолины или современные лосины. Все они используют эротический потенциал разных частей женского тела. Однако мужчины постепенно привыкают к виду почти обнаженной груди или бедра, их эротический потенциал исчерпывается, поэтому мода чередует свои акценты, обращая преимущественное внимание то на одно, то на другое. Так в последние годы возросла роль живота, который нередко обнажается, а пупок дополнительно акцентируется специальным украшением.

То немногое, что мы знаем о древнерусской одежде, не дает оснований предполагать ни существенных обнажений, ни одежды в обтяжку. В лучшем случае могла поясом подчеркиваться талия. И тут уместно вспомнить об украшениях. Их размещение в костюме может позволить нам

понять - какую часть своего одетого тела женщины X или XIII века считали наиболее привлекательной для мужчин, к чему они хотели (и могли) привлечь внимание наиболее броской частью своего костюма - украшениями. Уникальная коллекция украшений, полученная в результате многолетних раскопок в Новгороде, позволяет нам на большом, что важно для статистики, материале проследить динамику изменения набора украшений с середины X и почти до конца XV веков. Находки же аналогичных городским украшениям в сельских могильниках (городские кладбища, во-первых, плохо изучены и, во-вторых, вследствие более строгого следования христианской обрядности, бедны находками украшений) позволяют реконструировать место каждой вещи в костюме.

Вторая половина X века характеризуется решительным преобладанием украшений шеи, груди и плеч. В это время особой популярностью пользовались стеклянные бусы, которые в ожерельях дополнялись металлическими подвесками. Среди украшений из металла самую заметную группу составляют имеющие форму подковы пряжки (фибулы) и булавки, которыми скрепляли (и украшали) одежду на груди, шее или плече. Никогда позже ни фибулы, ни булавки не достигают таких размеров, а среди стеклянных бус, наряду с ожерельями из сотен мелких бисерин, встречаются гиганты до трех сантиметров в диаметре. В течение XI века носившиеся между шеей и грудью украшения постепенно теряют лидирующее положение и к концу XI века ведущую роль начинают играть украшения рук - браслеты и перстни. Особенно массовыми они становятся к середине XIII века, да и сами браслеты этого времени достигают в ширину пяти сантиметров, в отличие от обычных одного-двух. Преимущественно украшение рук сохраняется вплоть до рубежа XIV-XV веков, хотя в конце XIII - середине XIV веков появляется еще одна зона повышенного внимания - от груди до бедер. Здесь носили и пояса с металлическими пряжками и, особенно часто в это время, - различные подвески, самыми

массовыми из которых были крупные одно- или двухголовые бронзовые коньки с прикрепленными к ним на цепочках колокольчиками. В начале XV века происходят резкие, можно даже сказать кардинальные изменения - массовые металлические и стеклянные украшения почти исчезают из костюмов новгородок. Резко беднеет и сам набор украшений. Уже нет или почти нет браслетов, булавок и фибул для соединения одежды, почти исчезают бусы, различные подвески к костюму. Сохраняются универсальные по назначению пуговицы, а ведущую роль среди оставшихся играют украшения головы (серьги и тонкие булавки с шаровидными головками, похожие на современные французские булавки), а также крестики, которые при отсутствии иных украшений становятся крупнее и декоративнее. Одежда явно становится все более строгой и закрытой. Удлиняются рукава, закрывая сначала запястья, а затем и кисти рук, вследствие чего сначала браслеты вытесняются перстнями, а затем и среди перстней ведущую роль начинают играть простые бронзовые колечки, аналогичные привычным для нас обручальным и, по-видимому, выполнявшие ту же функцию.

Итак, мы получили возможность проследить, как менялось внимание к украшению разных частей женской одежды и, косвенно, как менялся эротический потенциал разных частей женского тела в глазах мужей-новгородцев, которые видели женщин в обществе. Во второй половине X - первой половине XI веков основной интерес привлекали шея и грудь, в XII-XIV веках - руки, особенно предплечья и запястья, хотя во второй половине XIII - первой половине XIV веков немаловажную роль играли талия и бедра (следует отметить, что, в отличие от XVII-XVIII веков, красивая женщина в то время не должна была быть очень полной). В XV веке, в условиях распространения более строгих аскетических православных требований к женской одежде, у новгородок не остается ничего, кроме лица, прически, головного убора и, с некоторыми оговорками, шеи, чем они могли бы, не нарушая приличий, привлечь внимание мужчин.

ДУБОШИН РАСКОП В НОВГОРОДЕ

Это исследование посвящено одному из самых маленьких раскопок Новгородской археологической экспедиции - Дубошину раскопу на Торговой стороне города. В 1960-70-х годах экспедиция проводила работы в разных местах Славенского конца, однако в археологическом плане этот важный район средневекового Новгорода изучен гораздо хуже двух других участков города - Неревского и Людина концов.

Раскопки еще ни разу не проводились здесь в месте древнейшего поселка на Славне, в основном они приходились на периферийные участки, заселение которых относится к XI-XII векам. Результаты этих работ изданы лишь частично в виде отдельных статей, а некоторые раскопки не опубликованы вообще. В связи с этим Новгородская экспедиция планирует продолжать подготовку к изданию материалов археологических раскопок в Славенском конце. В 1992 году монографически были изданы материалы Нутного раскопа в Славенском конце.

Работы на Дубошине раскопе проводились в 1977-1978 годах. Руководили ими Б.Д.Ершевский и В.Г.Миронова. Дендрохронологическая обработка

Петр ГАЙДУКОВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
института археологии
Российской академии наук

образцов дерева проведена А.Ф.Урьевой сразу же после раскопок. Она же датировала различные сооружения раскопа. В 1995 году все дендроматериалы были заново проверены Н.Б.Черных. Ею сделаны значительные коррективы предыдущих датировок.

Со времени работ на Дубошинском раскопе прошло 18 лет. Материалы его практически неизвестны. Краткая информация об этих работах публиковалась лишь в ежегодниках "Археологические открытия". Из находок опубликованы берестяные грамоты, найденные на раскопе, и свинцовая товарная пломба фландрского города Турне. Вместе с тем, на Дубошине раскопе собрано около 3000 предметов, характеризующих разные стороны жизни средневековых новгородцев.

Дубошин раскоп был заложен Новгородской экспедицией в июне 1977 года в связи с предполагавшимся в этом месте строительством жилого дома. Раскоп был разбит в 8,5 метрах от северной линии улицы Никольской, на пустом пространстве между жилыми домами. Он имел размеры 16х10 метров, т.е. площадь

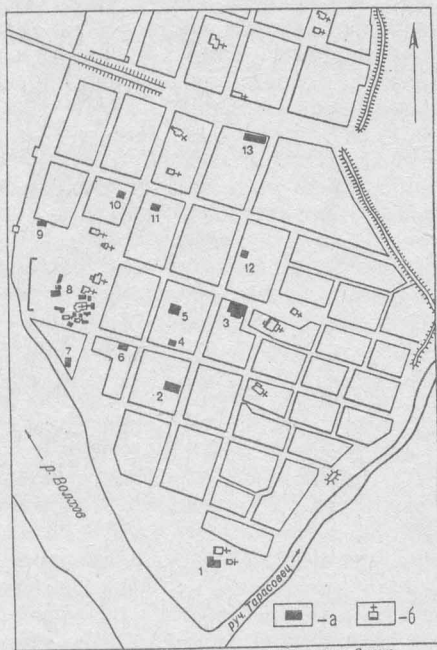

Рис. 1 План торговой стороны Новгорода с размещением раскопа в Славенском конце и южной части Плотницкого конца.

а - раскопы; б - церкви. 1 - раскоп на Славне (1932, 1934, 1936, 1937 гг.); 2 - Нутный (1979-1982 гг.); 3 - Ильинский (1962-1967 гг.); 4 - Дубошин (1977-1978 гг.); 5 - на ул. Кировской (1971-1974 гг.); 6 - Михайловский (1970 г.); 7 - Готский (1968-1970 гг.); 8 - раскопы на Ярославовом дворище (1937-1940, 1946-1948 гг.); 9 - Торговый (1971 г.); 10 - Буянный (1967 г.); 11 - Рогатицкий (1971 г.); 12 - Славенский (1968 г.); 13 - Федоровский (1991 г.)

раскопа составляет 160 квадратных метров. В 1977 году культурный слой был вскрыт до глубины 360 сантиметров (18 пласта), а в 1978 году раскоп был доведен до материка, который залегал на уровне 41 пласта (глубина 813-822 сантиметров). С 35 пласта (глубина 681-700 сантиметров) раскапываемая площадь была сокращена. Работы проводились лишь в южной половине раскопа на площади 80 квадратных метров.

Дубошин раскоп показал великолепную сохранность культурного слоя и остатков деревянных сооружений в этой части Славенского раскопа. Общая толщина культурных напластований составляет здесь 8 метров. Из них 2 метра приходится на верхний рыхлый сухой слой серой земли без органических остатков и 6 метров - на влажный, стратиграфически не нарушенный слой.

Дубошин раскоп располагался на малоизученной в археологическом отношении городской территории. В непосредственной близости от раскопа проводились лишь наблюдения за строительными работами с фиксацией остатков настилов деревянных мостовых. Ближайшие раскопы расположены следующим образом: Кировский раскоп находится в 100 метрах к северу, Михайловский - в 130 метрах к западу, Нутный - в 130 метрах к югу, Ильинский - в 200 метрах к северо-востоку.

Раскоп был назван Дубошиным по имени Дубошина переулку, который проходит примерно в 60-80 метрах к юго-востоку от раскопа. Строго говоря, его следовало бы назвать Славенским или Витковым, поскольку к этим улицам он расположен гораздо ближе.

В ходе работ на Дубошином раскопе было установлено довольно устойчивое деление исследуемой территории на две усадьбы - в юго-восточной и северо-западной части

раскопа.

Границей усадеб является линия оград, прослеженных с XII по XV века. Всего сохранилось семь частоколов, которые по диагонали пересекали раскоп и, вероятно, под углом подходили к мостовой Славной улицы, которая расположена примерно в 10-15 метрах юго-западнее раскопа.

При раскопках изучено 27 срубов, которые вместе с частоколами объединены в 18 строительных ярусов усадебной застройки, последовательно сменявших друг друга во всей шестиметровой толще культурного слоя. Древнейший (18-й) ярус датирован началом XII века, самый поздний (1-й) - 1415 годом. Ниже остатков деревянных сооружений 18 яруса находился культурный слой мощностью 15-25 сантиметров. В нем не было дерева, но были индивидуальные находки, а также кости животных и керамика. Этот древнейший слой можно рассматривать как доярусный, образовавшийся здесь еще до сооружения первых построек.

На основании всех имеющихся дендротат была составлена итоговая таблица датировки ярусов Дубошина раскопа. Имеется пять недатированных ярусов, даты для которых вычислены условно: путем деления количества лет между датированными ярусами на количество ярусов. На основании глубин залегания деревянных сооружений разных ярусов составлены "Переводные таблицы для привязки находок к ярусам". С использованием дат ярусов и "Переводных таблиц" составлена "Хронологическая таблица пластов и ярусов". Теперь по этим таблицам легко привязывать любые находки раскопа к ярусам застройки и датировать их.

Бревно древнейшего 18 яруса было датировано 1109 годом. Как уже упоминалось выше, под остатками деревянных сооружений 18 яруса залегал так называемый "доярусный слой", занимавший около 20 сантиметров. Как видно из "Хронологической таблицы пластов и ярусов", в XII веке на месте Дубошина раскопа образовалось 210 сантиметров культурного слоя (пласты 30-40). Следовательно, в это время в год нарастало около 2 сантиметров слоя. Если это так, то доярусный слой следует датировать первым десятилетием XII века, а начало образования древнейшего слоя - рубежом XI-XII вв.

Такая поздняя дата поначалу вызвала у меня удивление, поскольку сразу же после завершения работ датировка предматериковых слоев Дубошина раскопа была отнесена к 60-70 годам X века. Эта дата позже не была научно обоснована, но принята как данность и уже использовалась учеными как в общей обзорной работе по археологии Новгорода, так и в работах, рассматривающих древнейшее поселение в Славенском конце.

Полученные дендрохронологические датировки я пробовал дважды проверить имеющимися у нас археологическими материалами.

Для проверки хронологии древнейших 18 и 17 ярусов и доярусного слоя проанализируем датированные находки, что обнаружены в культурном слое соответствующих им нижних пяти пластов. В связи с незначительной вскрытой площадью мы имеем, к сожалению, всего восемь предметов с твердо установленной хронологией их бытования в Новгороде. В их состав входят различные вещи из железа, кости и глины. Датировки основаны, в основном, на работах Б.А. Колчина. Находок из железа пять. Это три ключа, топор и ладейная заклепка.

Два ключа относятся к навесным замкам. Такие замки применялись в Новгороде с X до середины XIII века. Третий

ключ принадлежит к нутряному цельнодеревянному замку с "желудями". Эти замки датируются X - началом XII веков. Топор по форме можно отнести к древнейшим новгородским топорам с опущенным лезвием и выемкой у шейки, которые датируются X - серединой XII веков. Ладейная заклепка, как топор и один из ключей, найдена в древнейшем слое. По сведениям Г.Е.Дубровина, основная масса заклепок в Новгороде найдена в слоях 10-20-х годов XII века. Кроме этого, около 20 процентов таких находок обнаружено в более поздних слоях: с 90-х годов XII по середину XIV века.

Найдено два двусторонних цельных роговых гребня. Их датировка - XI-XII века.

Находка из глины одна. Это яйцо-писанка, покрытая поливой. Такие предметы бытовали в Новгороде с 10 до 80-х годов XIII века.

Все перечисленные вещи бытуют очень долго, многие из них появились еще в X веке. Однако датировать древнейшие слои раскопа ни X, ни XI веками у нас нет оснований. Здесь не найдено ни одного предмета, который бы бытовал в это время, а в середине - конце XI века вышел из употребления. Нет лимонovidных и зонных бус, рубленого бисера, односторонних роговых гребней. По вещам мне кажется вполне возможным датировать древнейший слой Дубошина раскопа концом XI - началом XII веков. Эта датировка вполне увязывается с древнейшей дендродатой раскопа - 1109 год.

Правильность полученных дендродат можно попытаться проверить и при помощи распределения стеклянных браслетов, обнаруженных на раскопе. Уже давно выяснено, что они бытуют в разных районах Новгорода в одно и то же время. Более того, проведенные исследования Б.А.Колчина и М.Д.Полубояриновой показали, что середина XIII века - это время наибольшего преобладания этих украшений. На Неревском раскопе, к примеру, наибольшее количество браслетов (40 процентов) было найдено в слоях, отложившихся в 30-70-е годы XIII века. Именно эти годы являются временем расцвета производства и употребления стеклянных браслетов.

На Дубошином раскопе было обнаружено 452 обломка стеклянных браслетов. Они залегали в слоях, отложившихся с конца XII до середины XIV веков. Наибольшее количество обломков (85 процентов) найдено в слоях 12-10 ярусов (10-70-е годы XIII века). Ярко выраженной вершины на гистограмме распределения браслетов нет, однако некоторое преобладание материала все-таки имеется в 11 ярусе (1235-1256 годы). Если это так, то дендродаты от сооружений 10 яруса (12255 и 1256 годы) вполне согласуются с хронологией распределения стеклянных браслетов.

Таким образом, проверка дендродат археологическими материалами показала их надежность.

Имеется и еще одна возможность проверки хронологии Дубошина раскопа. В 1979 году в 80 метрах к востоку от раскопа на восточной стороне улицы Славной при археологических наблюдениях за строительными работами была замечена средневековая улица. Она была идентифицирована с Дубошиным переулком.

В шурфе, заложенном в этом месте, улица была вскрыта на длину 10 метров и исследована до материка. Толщина культурного слоя здесь достигала 385 сантиметров от современной дневной поверхности. Мощность средневекового влажного слоя, насыщенного органикой, составляла около 300 сантиметров. Во влажном слое было вскрыто 17 ярусов уличных настилов, 9 из которых получили дендрохронологические датировки. Древнейший (17) ярус датирован 1105 годом, ярус 5 - 1308 годом, ярусы 1-4 не датированы.

При сравнении хронологии Дубошина раскопа и шурфа 1979 года можно сделать несколько очень важных выводов.

Во-первых, следует признать окончательно установленным, что заселение этой части Славенского конца средневекового Новгорода произошло лишь в начале XII века. Древнейшие дендродаты этих двух участков очень близки: 1109 и 1105 годы.

Во-вторых, средневековый влажный культурный слой в шурфе был в два раза меньше, чем на раскопе. Это свидетельствует о том, что участок Дубошина раскопа, подобно Кировскому раскопу, пришелся на низкое, очень влажное место, неподалеку от ручья, заключенного в дренажную систему, который в источниках XVI века называется "трубой". Благодаря этому, культурный слой нарастал здесь более быстро, чем в других местах города. Шурф находится в 80 метрах к востоку от раскопа и материк там залегает на 3 метра выше. Судя по "Хронологической таблице пластов и ярусов", в XII веке на раскопе отложился культурный слой мощностью около 2210 сантиметров, в XIII веке - около 140 сантиметров, а в XIV веке - около 200 сантиметров. Подобная ситуация отмечается только на Кировском раскопе, где за XII век накопился слой более 160 сантиметров, а за XIII и XIV века - по 180 сантиметров. На Нутном раскопе, к примеру, в XI-XIII веках откладывалось примерно по 100 сантиметров культурного слоя за 100 лет, а в XIV веке - 140 сантиметров.

В-третьих, обращает на себя внимание очень близкая (почти идентичная) датировка четырех ярусов раскопа и шурфа, относящихся к XII-XIII векам. Это свидетельствует, на мой взгляд, о синхронности жизни ярусов застройки на обоих участках. Не исключено, что такую синхронность в этом районе придавали пожары, которые одновременно уничтожали застройку на усадьбах и мостовые и в одном, и в другом месте.

Итак, подводя итог рассмотрению хронологии Дубошина раскопа, следует считать окончательно установленным, что доярусный слой, который подстилал остатки деревянных сооружения яруса 18, начал откладываться на рубеже XI-XII веков, а сооружения яруса 1, залегавшие на глубине 2 метров от современной дневной поверхности, датируются началом XV века.

В будущем еще предстоит проанализировать и ввести в научный оборот богатую вещевую коллекцию Дубошина раскопа. В основу датировок этой коллекции и будут положены материалы, представленные в настоящей работе.

Автором предлагаемой вниманию читателей статьи является известный шведский славист профессор славянских языков Стокгольмского университета Андерс Шёберг (1926-1990).

Круг его научных интересов был довольно широк: от первых памятников славянской письменности (в том числе новгородские граффити и берестяные грамоты) до современного русского языка.

Его языковедческие статьи, основанные на материалах Новгородского оккупационного архива 1611-1617 гг., хранящегося в Швеции и частично изданного его учениками, познакомили с этим архивом широкие круги славистов в Швеции и за ее пределами.

Особый интерес Андерс Шёберг проявлял к истории русско-шведских культурных связей. Им были написаны статьи о переводчиках русского

языка в Швеции, первых шведских изданиях книг на русском языке, а также о русских церковных колоколах в Швеции. Отмечая, что культурные связи между нашими странами имеют глубокие корни (давние традиции), он стремился представить взаимовлияние и взаимообогащение двух культур во всем их многообразии, показать импульсы, исходящие не только из Швеции на Восток, но и получаемые ею с Востока. Именно этой теме посвящена данная статья, написанная в увлекательной, почти детективной форме исторического расследования.

Перевел на русский язык и подготовил материал Геннадий Коваленко, заведующий отделом истории Новгорода С.-Петербургского филиала Института российской истории АН России

АНДЕРС ШЁБЕРГ

ЭЛИР – РУНОРЕЗЕЦ УППЛАНДА И ПРИДВОРНЫЙ ПРОПОВЕДНИК НОВГОРОДА

Когда свеи в XI веке отправлялись на Восток, их путь пролегал из Стокгольма или Рослагена через Финский залив, через Ладогу, по реке мимо Новгорода и дальше – на Киев и, быть может, – Миклагорд (Константинополь). Можно было также следовать через Рижский залив и по речной системе тащить лодки до Днепра, затем по нему вниз до Константинополя. В непосредственной близости к югу от Киева было девять порогов, и благодаря одному из греческих императоров мы знаем, что все девять имели скандинавские названия.

Находясь в Уппланде, в богатейшей в смысле рунических надписей местности Швеции, вы имеете возможность непосредственно видеть и изучать рунические надписи. Не знаю, осознаем ли мы, какими замечательными историческими памятниками являются наши рунические камни.

Они уникальны, поскольку одновременно являются историческими документами, хранящимися более тысячи лет, памятниками письменности, отражающими историю развития языка, и художественными документами, передающими дух и красоту наших предков. Иностранцы удивляются тому, что, имея такие памятники, мы

не выставляем их полностью в музеях. Многие рунические памятники подписаны, совсем как произведения искусства нашего времени.

Похоже, что рунорезцы хотели сохранить свои имена для потомков. Мы знаем более 60 рунорезцев только из Уппланда и Сёдертёрна. Но гораздо меньше имеем сведений о том, что это были за люди. В некоторых случаях можно что-то определить по самим надписям.

В них может быть сказано, что скальд Турбьерн или скальд Грим высекли эти руны. В других случаях рунорезцами могли быть священники или монахи. По крайней мере один рунорезец из Уппланда был в действительности епископом Уппсалы или Сигтуны, это Асмунд Коресон, который жил до конца 1050-х гг.

Шведская история XI века, на который приходится почти все рунические надписи Уппланда, покрыта мраком. Большинство из того, что мы знаем, имеет три источника. Бременский епископ пытался подчинить себе Швецию в церковном отношении. Его соратник (помощник) Адам Бременской жил одно время в Дании и собирал сведения о Швеции, и около 1070 года описал Уппланд. Другим важным источником являются исландские саги, которые содержат сведения по истории Норвегии, Швеции и Дании. Наиболее известен Снорри Стурлассон, который жил в начале XIII века.

Третьим и наименее использованным источником являются русские летописи, которые начали вести в начале XII века. Летописи сообщают много сведений по истории Швеции X и XI веков. В том числе рассказывают и о викингах, ездивших через Новгород и Киев в Константинополь. Шведское государство имело живейшие контакты с Киевской Русью (с Новгородом и Киевом) уже в начале XI века.

Это было связано с тем, что дочь шведского короля Олава Шётконунга в 1019 году вышла

замуж за Ярослава, который тогда был князем в Новгороде. Олав Шётконунг был первым христианским королем Швеции, крещеным, по некоторым данным, в Хусабу в 1000 году. Ингегерд уехала на Русь, вокруг ее замужества возникло много разногласий, поскольку она была помолвлена с норвежским королем. Помолвку устроил двоюродный брат ее отца ярл Вестерётланда Рагвальд. Улоф не одобрял этой помолвки с норвежским королем Олавом, которого позднее называли Святой. Он вынужден был довольствоваться сводной сестрой Ингегерд - Астрид.

Когда Ингегерд прибыла в Новгород, она потребовала, чтобы ее родственник ярл Рагвальд, прибывший вместе с ней, занял здесь то положение, что имел в Швеции, то есть стал своего рода губернатором. Получив в собственность территорию, по ее имени названную Ингерманландией, она сделала его там ярлом.

Территория простиралась от Финского залива до Ладожского озера, там находился старый замок Альдегьюборг, где проживал ярл. Это было важное в стратегическом отношении место, поскольку оно контролировало въезд и путь через Россию. Сама Ингегерд жила главным образом в Новгороде, в то время как ее муж, став со временем киевским князем, жил в обоих городах.

Супружеская пара Ярослав и Ингегерд приложили много усилий для укрепления христианства на Руси. Официально оно было введено в 988 году отцом Ярослава Владимиром. Летописи подробно рассказывают о его трудах по строительству церквей, переводу и копированию церковных книг, созданию библиотек. При Ярославе создан большой Софийский собор в Киеве, строительство которого было завершено в 1037 году. У Ингегерд и Ярослава был сын, Владимир (Вальдемар), ставший позднее князем в Новгороде. В 1050 году там был воздвигнут Софийский собор. За 200 лет построено больше 2500 сельских церквей.

Именно в связи с церковным строительством в Новгороде начинается история о придворном проповеднике Эпире. Как уже отмечалось, князья имели возможность создавать библиотеки, с того времени сохранился список книги, которая копировалась для князя Владимира.

Это библейская книга Пророков. В то время работа писца с большими листами пергамента при плохом освещении была довольно трудной. В конце книги он рассказал о том, когда и зачем он сделал эту работу.

"Слава тебе Господи царю небесный, яко сподоби мя написати книги си. Ис коуриловице князю Влодимиру Новгороде княжащю сынови Ярославлю болшему. Поучах же е писати в лето 655 месяца мая 14. А кончах того же лета месяца декабря в 19. Аз поп Оупирь Лихый. Тем ж молю всех прочитати пророчество се. Велика бо чудеса написаша нам сии пророци в сих книгах. Здоров же княже будь в век живи, но ... писавшаго не забывай".

Таким образом, этот священник, который называл себя Упырем Лихим, работал в Новгороде для сына Ингегерд в то время, когда строился Софийский собор, и вполне вероятно, что книга была предназначена для церковной библиотеки. Его имя примечательно тем, что оно, кажется, не может быть русским именем. А если это так, то Упырь означает "вампир". Прозвище Лихой - это прилагательное, которое имеет много значений. Вместе со словом "вампир" оно может значить "злой", "злобный". Тогда получается, что христианского священника звали "злобный упырь". Один из русских исследователей написал, что это - единственно возможное толкование, каким бы невероятным оно не

было.

Я должен сказать, что это совершенно невероятно. Ни один христианский священник на Руси не мог иметь такого имени. В это можно было поверить, если бы он был языческим жрецом и взял себе такое магическое имя. Иначе я никогда не смогу согласиться с таким толкованием. В 1980 году я имел повод обдумать это вновь. В книге о Софийском соборе в Новгороде, которую я тогда читал, приводились сведения о граффити. Там нашел я одну маленькую, но интересную запись. Кто-то, называвший себя farman, написал по-русски "Господи, помози рабу своему Фарьману, Глебову отроку." В кратком комментарии к заметке было сказано только, что имя Фарьман неизвестно в древнерусском языке и что в тексте сделаны две орфографические ошибки. И это, быть может, не так странно, поскольку Фарман - это шведское имя, которое имеется только на одном руническом камне в Сурюнда. Возможно, что это тот же человек, поскольку время совпадает. Из русских летописей мы знаем, что князь Глеб был в Новгороде в 1069 и 1070 годах, быть может, надписи в соборе сделана тогда этим Фарманом. Он писал по-русски, но сделал две ошибки, что указывает на то, что он не владел языком.

И тогда меня осенило, что другое имя (поп Эпир) может получить разгадку, если это был скандинав - швед. И это не кажется невероятным, ибо Ингегерд и ярла Рагвальда из Вестерётланда сопровождала многочисленная свита. И в самой области проживала какая-то часть осевшего шведского населения. Ясно, что там находились и юноши из Рослагена. Русские князья ездили в Швецию и вербовали там солдат, и в Новгороде нередко бывали стычки между наемниками-шведами, численность которых составляла несколько тысяч человек, и местным населением.

Встречались там и шведские купцы, а также оседлое шведское население, связанное с княжеским двором, свитой, прибывшей с Ингегерд. И вполне вероятно, среди них мог оказаться священник. Эпир могло означать "крикун", но могло означать и "того, кто имел большой и сильный голос", а именно это требовалось священнику в православной церкви. Он должен был иметь громкий голос в силу своей профессии.

Чтобы установить, было ли имя Эпир распространенным в Швеции в XI веке, я обратился к публикациям рунических надписей. Имеется указатель со всеми встречающимися в них именами. Есть ли среди них Эпир? Да, но удивительно, что упоминается только один человек, а именно - рунорезец Upir, Öpir. Он написал свое имя на руническом камне. Примечательно, что я никогда не думал об этом раньше, хотя слышал об Эпире, действовавшем, как считалось, в 1050-1100 годах. Я подумал, что священник в Новгороде и рунорезец в Швеции почти современники и что их имена так необычны, что, кажется, речь идет об одном и том же человеке.

Мне казалось, что стоит попытаться выяснить это, для чего я обратился к руническим камням, которые высекал Эпир. Их почти 40, которые он подписал, и еще 30, о которых предполагали, что он сделал их, поскольку узоры и манера письма типичны для него. Когда я осматривал его камни, то обнаружил один в Лагга, на котором он написал не только "Эпир" (Öpir), но Öpir ofeigr, стало быть Эпир Неробкий (Нетрусливый) (Ofeg Öpir).

Кажется забавным, что рунорезец имел двойное имя, совсем как священник Упырь Лихой далеко на Руси. Быть может, русское слово "Лихой" имеет то же значение, что шведское ofeg? Ofeg может значить мужественный, а в современном русском языке "Лихой" значит дерзкий,

отважный. Казалось бы, совпадает.

Но исследователи рунических надписей утверждают, что в XI веке *ofeigr* как имя означало вовсе не мужественный, а "тот, кто остался в избытке". И русское слово "Лихой" имеет очень много значений, но посредством всех переводов с греческого на русский мы имеем варианты значений русских слов. Когда слово "Лихой" применяют при таких переводах, оно часто употребляется в значении "чрезмерный, излишний" - стало быть, то же, что *ofeigr*.

Тем самым я нашел подтверждение, что мы имеем дело с одним и тем же человеком. Изучение рунических надписей Эпира дало достаточно подтверждений этому. Один из наиболее примечательных рунических камней Эпира находится вблизи Скуклостера. Это камень из Шюсты, на котором тот сделал красивую резьбу. Она повествует о матери и невестке, заказавших надпись о четырех братьях, одного из которых звали Спяльбуд.

Все братья погибли, но только о Спяльбуде кое-что рассказано, а именно, что он умер в церкви Св. Олава в Хольмгарде, как викинги называли Новгород. Примечательно, что именно тот камень, на котором Эпир высек надпись, содержит специальные сведения, и именно только об одном из братьев. Не могло ли быть так, что именно Эпир, покинувший Новгород и вернувшийся в Швецию, принес весть о смерти Спяльбуда. Есть много причин изучать этот интересный камень. Одна из сложностей с руническими камнями Эпира заключается в том, что его шведский язык специфичен.

Исследователи рунических надписей иногда называют Эпира "этим не очень аккуратным резчиком", поскольку он пишет своеобразно и пропускает часть букв. По-своему пишет Эпир слово "церковь" - *KRIKI*. Но если исходить из того, что он занимался созданием церковнославянских текстов в Новгороде, где слово "церковь" звучит почти как в шведском языке, а в русском языке является заимствованием, в этом случае мы получаем объяснение различных возможностей прочтения, которые дает камень из Шюсты. Это вполне нормальный способ письма - на русский манер. Церковь Св. Олава вполне могла быть в Новгороде. В 1028-1030 гг. Олав жил в Новгороде, изгнанный из Норвегии, пребывая при дворе Ингегерд. При нем состоял его личный епископ. И по всей вероятности, была у него и собственная часовня. А после его смерти, когда он стал святым, в честь него, очевидно после 1030 года была построена маленькая церковь в Новгороде.

Имеется еще много текстов, которые могут получить новое толкование, если исходить из того, что Эпир "зарубежный швед". В Эссею есть рунический камень, надпись на котором, сделанная Висэтом, гласит "Здесь лежит Дружинник." Этот текст скорее всего типичен для надгробий. Есть еще два таких камня: один в Мальста (около Норртэлье) и один в Хюсбю-Люхондра. Эти два камня сделал Эпир. Исследователи считают их очень поздними, относящимися примерно к 1100 году, когда в поселках стали создаваться кладбища. На одном камне в Хэгдебю написано между прочим "Висэте и Уфег вырубили его." Уфег - это, по всей вероятности, Эпир, а камень в Хэгдебю указывает на то, что они сотрудничали.

Такого рода тексты как "Здесь лежит" считаются инспирированными с западноевропейских надгробных камней с латинскими текстами, которые были ввезены в Швецию католической церковью. А Эпир мог узнать этот тип надписей в России. В Болгарии, в конце X века, был известный надгробный камень над вельможей на Черноморском побережье. Надпись на камне начинается со слов "Здесь лежит" на церковнославянском. Вполне

возможно, что этот обычай завез в нашу страну Эпир, который высек надписи в этой манере на двух из трех камней. И он сотрудничал с Висэтом, который высек третью надпись.

В таком случае можно задаться вопросом, почему человек, бывший придворным проповедником в Новгороде в 1040-х годах, должен был вернуться в Швецию в следующем десятилетии.

Мы можем представить много причин. В 1050 году умерла княгиня Ингегерд и была первой, похороненной в уже построенном новгородском Софийском соборе. Два года спустя умер ее сын Владимир, князь новгородский. А еще год спустя умер в Киеве муж Ингегерд Ярослав. Это вызвало политическую смуту в государстве, и только в 1059 году в Новгороде появился новый князь. Для двора княгини, где шведы имели привилегии, после ее смерти также настали беспокойные времена. Положение шведов сильно пошатнулось, и уже это могло послужить для многих причиной их возвращения в Швецию. Церковные разногласия также могли стать поводом для уроженца Швеции, бывшего священником в Новгороде, покинуть его. Также и в Швеции в то время происходили важные изменения, которые могли способствовать возвращению. Король Эмунд умер, на смену ему пришел его зять Стенкиль, основавший новую династию и правивший до XII века. Стенкиль считается старшим сыном ярла Рагвальда, которого Ингегерд взяла с собой в Новгород. А сын Стенкиля Ингве (старший), по всей вероятности, вырос и получил воспитание при дворе в Новгороде. Возможно, он попросил Эпира следовать за ним в Швецию. Мы можем догадаться, что Эпир обосновался в Упсале или Сигтуне, ибо его камни указывают на то, что он постоянно вращался вокруг центра власти Упсалы.

Вернемся теперь к другому крупному рунорезцу нашего края Асмунду Коресону, который, очевидно, был епископом. Об Асмунде Коресоне нам известно немало. Он учился в Бремене, затем у него появилось желание стать епископом Швеции, и он едет в Рим, чтобы просить папу посвятить его в епископы. Но папа отказался. Тогда Коресон поехал в Восточную Европу, куда именно, неизвестно, там он был посвящен в епископы, вероятно, в православной церкви. Затем вернулся в Упсалу, где при короле Эмунде (ок. 1047-1060 гг.) служил епископом.

Об этом рассказал Адам Бременский, который недолюбливал Асмунда Коресона, ставшего вскоре архиепископом. Он распорядился о введении в церковную службу крестного хода и распространил некоторые нововведения, которые не признавали католические епископы в Германии. Можно рассматривать деятельность Асмунда как миссию влияния со стороны греческо-ортодоксальной церкви в Свеаланде. В то время, как центральная часть Швеции, скорее всего, находилась под влиянием православной миссии, Южная Швеция, напротив, была под влиянием миссионеров из Германии и Англии.

Асмунд Коресон и Эпир - это наши самые усердные рунорезцы, больше всего ездившие по стране. Асмунд зафиксирован в 27 приходах Уппланда, а Эпир в 36. Но общими для них являются только девять, где они трудились одновременно. Асмунд попал туда в 1050-е годы, а Эпир - после него. Как ученый священник, поддерживавший связи и с королевской династией, Эпир мог занимать достаточно высокий пост в церкви.

Удивительно то, что на Эпире кончатся руны в

Уппланде. Почти нет камней после 1100 года, все относится к XI веку. Исследователи рунических надписей полагают, что это связано с изменением экономических отношений и одновременно со строительством церквей и оформлением памятников на кладбищах. Когда исчезла традиция ставить рунические камни вблизи своих жилищ, интерес к ним как к мемориальным камням был утрачен. Но я думаю, что есть другое объяснение. Именно в это время, в начале XII века, римско-католической церкви удалось подчинить себе Упсальский регион. Именно тогда исчезает руническая письменность.

Римская церковь никогда не принимала народного языка, а также рунической письменности, которая считалась языческой. Православная церковь, напротив, была открытой для использования других языков и систем письменности, кроме латинской, греческой и еврейской. Например, при учреждении славянской миссии в IX веке для греческой церкви было естественным создать особый славянский шрифт, чтобы перевести библейские и церковные книги. Это привело к крупным столкновениям с Римом, славянская миссия столкнулась с интересами немецких римско-католических епископов. Я считаю вполне естественным предположение, что оба: Асмунд Коресон и Эпир имели греко-православные корни. Я не берусь утверждать, что они действовали как православные священники, но оба имели культурным фоном Русь и ее церковь.

Для обоих было совершенно естественным работать

с рунами и устанавливать рунические камни. И примечательно, что, во всяком случае, камни Эпира имеют кресты греческого типа, а не западноевропейские латинские кресты. Это также свидетельствует о том, что он имел русские корни. Украшения на наших камнях считаются в значительной степени заимствованными из Ирландии. Следует считать с тем, что действовавшие здесь так называемые ирландские миссионеры привнесли многое из тех орнаментов, что встречаются на рунических камнях. Но дело в том, что элементы того стиля, который приписывается ирландцам, можно обнаружить в Новгороде.

“Петли Эпира”, так я называю плетеный орнамент, и змеи - это звериный орнамент, который имеется в русских библейских книгах XII и XIII веков. Звери, похожие на змей с наших камней, составляют их заглавные буквы. В них есть узоры, похожие на петли Эпира. Получив контроль над Скандинавией, римско-католическая церковь пытается закрыть доступ всякому влиянию с Востока. Так, примерно после 1100 года, когда, как известно, папа римский, направив в Упсалу епископа, учредил там епископат, влияние с Востока должно было ослабнуть. Интересно, что Готланд был исключением: там чувствуется большое русское влияние, в том числе церковной живописи XII века. Католические церковники также делали все, чтобы уничтожить следы христианской миссии в Швеции. Но камни Эпира и других мастеров им осилить не удалось.

Василий ПУЦКО,
заместитель директора
Калужского областного
художественного музея

ДРЕВНИЕ ПОРУЧИ ИЗ ХУТЫНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Наиболее ранние из сохранившихся произведений древнерусского золотного шитья исторически связаны с Новгородом. Они немногочисленны и давно известны в специальной литературе. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но именно широкая известность порой надолго скрывает состояние изученности: достаточно многократно повторять априорно высказанное определение, чтобы оно превратилось в аксиому. Нам представляется, что нечто подобное случилось и с поручами, до 1926 года хранившимися в ризнице Хутынского монастыря под Новгородом. Теперь они принадлежат Новгородскому Государственному объединенному музею-заповеднику.

Поручами или нарукавницами (по-гречески "эпиманика"), как известно, называется часть литургического облачения священнослужителей, надеваемая как зарукавье или запястье. Это, наряду с епитрахилью, самая употребительная часть одежды, и поэтому она сохранялась крайне редко в течение продолжительного времени. Так, древность выполненных в технике золотного шитья сербских поручей не простирается далее XV века¹, греческих - XVI века², тогда как новгородские датируют XII веком³. По преданию, они принадлежали преподобному Варлааму - основателю и первому игумену Хутынского монастыря, скончавшемуся в 1192 году.

Нет необходимости здесь перечислять все упоминания о хутынских поручах в печати. Однако следует сказать, что указание на них есть уже в монастырской описи 1642 года⁴. Их особо отмечал знаток новгородских древностей архимандрит Макарий⁵. Л.И.Якунина рассматривала эти поручи как наиболее ранний из дошедших образец техники жемчужного шитья, сочетающегося с изображениями святых, одежды которых, нимбы и орнамента выполнены очень тонким пряченым, золоченым серебром; жемчуг положен непосредственно на ткань без настила⁶. А.Н.Свирин эти вышитые по синей шелковой материи поручи по орнаментальным мотивам и по размещению фигур под полуциркульными арками сопоставлял с чеканным окладом XII века на иконе апостолов Петра и Павла из Софийского собора в Новгороде⁷. Одним словом, как будто все говорит в пользу новгородского происхождения хутынских поручей, в том числе и сходство с запрестольной пеленой с изображением Распятия, датируемой последней четвертью XII века⁸.

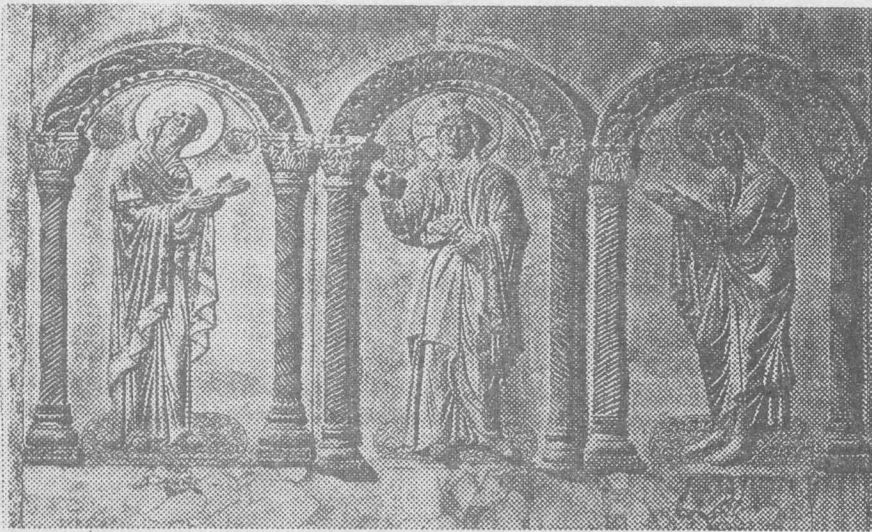
В Хутынском монастыре хранились и иные предметы облачения, якобы принадлежавшие преподобному Варлааму, а именно: "фелонь из кофейного шерстяного мухояра с оплечьем из вишневого травчатого атласа" и "епитрахиль из кофейного мухояра, украшенная шитыми золотом и мелким жемчугом херувимами и серебряными крестами, и дробницами"⁹. Ни цвет, ни характер отделки их, однако, не соответствуют реалиям, прослеживаемым прежде всего по средневековым фрескам. Судя по ним, шитьем украшали прежде всего части епископского облачения:

епитрахиль, поручи, палицу (эпигонатион); именно они представлены и в сохранившихся реалиях, позволяющих судить о византийской традиции в лицевом шитье XIII-XVI веков.

Для иконографической схемы хутынских поручей, в целом не обнаруживающих существенных отличий в шитье, характерны: мотив аркады с деисусной композицией (со стоящим в рост Христом) и византийская растительная орнамента. На более поздних поручах, сохранившихся на Балканах, представлены иные сюжеты: Евхаристия, Христос Великий Архиерей со святыми, Троица, Благовещение.

Мотив аркады известен уже в раннехристианском искусстве, на что, в частности, указывает резьба мраморных саркофагов, с вписанными в арки фигурами Христа и апостолов¹⁰. Позже своеобразную интерпретацию он получил в каролингской резьбе по кости¹¹, а также в византийской, где об этом свидетельствует эпистилий, изготовленный около 972 года, включавший в свой состав деисусную композицию со стоящим в рост Христом¹². Трудно сказать, насколько популярным этот мотив остался в Византии XI века, но его отголоски заметны в книжной иллюминации¹³. Напротив, в романском искусстве он представлен в стенописях¹⁴ и в фасадной каменной резьбе¹⁵, в металлопластике¹⁶ и в изделиях из кости¹⁷, а также в золотном шитье¹⁸. В собственно византийской скульптуре мотив аркады с фигурами не встречается, но известен лишь благодаря византизизирующему мраморному рельефу с деисусной композицией в Сан Марко в Венеции, датируемой XII веком, но, возможно, появившейся после 1204 года¹⁹. В фасадной пластике Владимиро-Суздальской Руси аркатурный пояс с фигурами впервые появляется в Дмитриевском соборе во Владимире (около 1200 года), а получает разработку в связи с деисусной композицией со стоящим Христом лишь в Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, датируемом 1230-1234 годами²⁰. Здесь же можно упомянуть и о расположении чеканных фигур апостолов на вписанных в арки дверцах большого сиона Софийского собора в Новгороде²¹.

Вариант деисусной композиции, идентичный представленному на поручах из Хутынского монастыря, известен как по византийским, так и по русским памятникам. Однако в тех и других встречается крайне редко по сравнению с предполагающимся в центре изображением тронного Спаса. Так, Деисус со стоящим Христом представлен на двух иконах, датируемых XII веком, в монастыре святой Екатерины на Синае²²; еще одна икона того же времени, происходившая отсюда же, некогда находилась в музее Киево-Печерской лавры²³. Известна эта схема и по образцам каменной пластики: каменная икона из Тасоса отнесена к XII веку²⁴, две другие, находящиеся в Афинах и Лондоне, остаются не датированными²⁵. Не исключено их выполнение на рубеже XIII-XIV веков, резчиками, работавшими в различных индивидуальных манерах. В хронологическом отношении им явно предшествует уже упомянутый мраморный трехфигурный Деисус, помещенный на южной стене собора Сан Марко в Венеции: позднекомниновский стиль резьбы в нем органически сочетается с элементами проторенессанса. Из русских памятников, кроме фасадного рельефного Деисуса Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, надо упомянуть каменную икону XII века из Старой Рязани²⁶, а также того же времени украшенную семифигурным Деисусом, выполненным в технике перегородчатой эмали, золотую диадему из Киева²⁷. Указанных примеров вполне достаточно для того, чтобы выбор иконографического варианта Деисуса для золотного

Деисус. Мраморный рельеф
в соборе Сан Марко в Венеции. Первая половина XIII века.

иконографического варианта Деисуса для золотого шитья на новгородских поручах не считать случайным, тем более, что он, очевидно, был генетически связан с мозаикой, украшавшей конху апсиды придела в юго-западной части собора Святой Софии в Константинополе²⁸.

Художественный прием украшения орнаментом колонок декоративных арок широко известен по романским предметам церковной утвари. Однако из этого еще преждевременно делать далеко идущие выводы относительно происхождения вышивальщиц хутыньских поручей: тот же прием, со сходным орнаментальным мотивом, волнистого стебля аканта, использован в оформлении колонок Большого сиона. Орнамент настолько органически вписывается в общую систему декора этого ювелирного изделия, что невозможно в его появлении заподозрить следы одной из ранних реставраций. Именно этот мотив, с бесконечно повторяющимися растительными завитками, каждый из которых оканчивается крином, варьируется в орнаментике поручей. Видоизменяются разновидности крина (пятилепестковый, трехлепестковый, повернутый в профиль), используются различные масштабы узора, в зависимости от его функциональной роли, вводится мотив перевива, воспроизведенный без соблюдения правильности рисунка. В конечном итоге, тем не менее, декоративная задача выполнена: орнаменты сверху и снизу создают широкий фронт, между лентами которого находится ажурная аркада с деисусной композицией. Большеголовые распластаные фигуры плотно вписаны в арки. Ступни ног касаются основания, на котором утверждены поддерживающие арки массивные колонны, а окружающие головы нимбы соприкасаются с плавно изогнутыми дугами этих арок. Избегая неоправданных пустот, частично очерченные элементы аркады сплошь заполнены растительным узором. При всем этом прекрасно выявлен линейный и цветовой ритм: золотое шитье четко выделяется на темно-синей шелковой ткани. Фигуры и окружающие головы нимбы по контуру украшены жемчужной обнизью, которой выделены также кисти рук, а у Христа и Богоматери - еще и ступни ног, а также кодекс Евангелия (на его крышке жемчугом низан крест), который держит Христос.

Поручи почти одинаковы по размерам (28,0x45 см

и 27,0x45,5 см), идентичны по композиционной схеме и по орнаментальным мотивам, но в то же время обнаруживают различия в рисунке, характере начертаний монограмм и сопроводительных надписей, их расположении, сохранности шитья и жемчужной обниси. Шитье, выполненное шелком телесного цвета, утрачено почти полностью. В литературе обычно представлена лишь первая поруч, более искусно выполненная и, возможно, послужившая образцом для второй, с ее более грузными фигурами и местами "смятыми" орнаментальными мотивами. Подобное соотношение образа и копии хорошо прослеживается в торевтике, на примере новгородских кратиров, а также серебряных чаш из Вильгорта и Чернигова, равно как и на более широком материале византинизирующего пластического искусства Грузии и Руси²⁹.

В первой поручи фигуры деисусной композиции более искусного рисунка, и расставлены они под арками таким образом, что по их сторонам оказывается достаточно места для монограмм и надписи. Во второй - изображение Богоматери в молении заметно сдвинуто вправо, так что монограммы пришлось расположить за ее спиной; средняя арка оказалась самой узкой, а фигура Христа под ней шире и "монологичнее", чем в предыдущем случае; все монограммы и надпись с именем Иоанна Предтечи вышиты более крупными кириллическими литерами, иных начертаний и даже иного написания. Так, на первой поручи сопроводительная надпись в форме: АГНОСЪ HWANЪ, а на второй - только: IWBANЪ. Грецизированная форма имени Иоанна заменена русифицированной³⁰. По эпиграфическим признакам монограммы и надписи следует датировать первыми десятилетиями XIII века: для конца XII века они выглядят весьма развитыми по сравнению с датированными этим временем.

Деисус, воспроизведенный на поручах из Хутынского монастыря, в иконографическом плане не обнаруживает каких-либо существенных отличий, кроме уже отмеченного: в центре фигура стоящего в рост Христа, благословляющего перед грудью, а не отведенной в сторону рукой (как на венецианском рельефе). Известные аналогии, к сожалению, не имеют точно датированных образцов, и их определение как выполненных в XII веке сделано главным образом с учетом стиля, который отчасти затем переходит и в искусство следующего столетия. Таким образом, между данными иконографии

и эпиграфики в отношении шитья этих поручей нет серьезных противоречий. Хронологические рамки популярности мотива аркады на романском Западе слишком широки, но на русском материале этот мотив прослеживается в архитектурной пластике вместе с заполняющими аркаду фигурами, лишь начиная с рубежа XII-XIII веков. Именно в это время был выполнен в Константинополе резной стеатитовый анагийр императора Алексея III Комнина Ангела (1195-1203), хранящийся в монастыре св. Пантелеймона на Афоне³¹. Центральный медальон этого изделия с образом Богородицы с младенцем окружает кольцевое подобие аркады с плотно заполняющими пространство арочек полуфигурами пророков. Сходные тенденции и в рассматриваемых образцах шитья.

Вышитые фигуры деисусной композиции, аркада и орнамента в целом визуальнее скорее воспринимаются как аппликация. Шитье выполнено прямыми золотыми нитями "на проем", что создает впечатление ровной поверхности, на которой складки одежд фигур переданы тонкой графической линией, обозначенной стежками темного шелка. Как известно, в Византии волооченное золото после XI века начинают заменять прямым, основу которого составляла уже не проволока из металла, а льняная нить, обвитая тонкой металлической полоской. Наиболее славился производством таких нитей остров Кипр, с 1192 года принадлежавший латинским рыцарям, и эти изделия были поэтому известны как "золотые кипрские нити" - *aurum filatum cyprense*³². В сходной манере выполнено шитье епитрахили (с изображениями Богородицы, архангелов и святых), из захоронения в Апостольском приделе Софийского собора в Киеве³³. Однако фигуры в последнем случае более изысканных пропорций. Вторую известную аналогию представляет уже упомянутая пелена с изображением Распятия с предстоящими, возможно происходящая из Юрьева монастыря в Новгороде³⁴. Исследователями было обращено внимание на иконографические, палеографические черты и технические особенности выполнения этого произведения, но при этом остались незамеченными развитые типы святых с "готическими" формами голов, получающими распространение в первые десятилетия XIII века. Что касается византизизирующих орнаментальных мотивов хутыньских поручей, то они на фоне известных образцов древнерусского золотного шитья X-XIII веков занимают несколько обособленное место³⁵. Общий характер композиции и трактовка ее деталей не исключают вероятности того, что непосредственным образцом могла послужить заставка иллюминированной византийской рукописи.

Итак, очевидным является русское происхождение хутыньских поручей, исторически связанных с окрестностями Новгорода. Нельзя исключать и их выполнение в этом значительном культурном центре, но в то же время не следует на таком предположении особенно настаивать: ведь по существу оно недоказуемо. Существеннее уяснить византизизирующий характер шитья и наличие черт, которые, на первый взгляд

незаметно, отчасти препятствуют удержанию датировки в пределах XII века. В связи с этим неожиданно возникает вопрос: принадлежали ли эти поручи преподобному Варлааму Хутыньскому в действительности или были ему приписаны позже, когда установилось его почитание?

Исторические сведения о Варлааме Хутыньском довольно скудные: известно лишь о том, что он был новгородцем и в миру носил имя Алексея Михалевич, а монастырь основал лишь незадолго до смерти, последовавшей в 1192 или 1193 году³⁶. Только в 1192 году, по свидетельству Новгородской первой летописи, "постави црковь възник на Хутине Варлам црнець... въ имяя святого Спаса Преображения". Этот каменный храм был заменен новым в 1515 году, но его следы обнаружены археологами³⁷. При таких условиях вряд ли надо предполагать выполнение для Варлаама дорогих, украшенных золотым шитьем поручей, более соответствующих характеру епископского облачения. Откуда же тогда они могли появиться в Хутыньском монастыре? История этой обители, как известно, теснейшим образом связана с новгородской аристократией, и лишь только в первой половине XIII века здесь постригаются несколько бояр. В их числе был и вернувшийся из Константинополя боярин Добрыня Ядрейкович, получивший при пострижении имя Антония, известный как автор "Книги Паломник", повествующей о святых и достопримечательностях византийской столицы до ее разграбления крестоносцами в 1204 году³⁸. Позже, в 1210 году, Антоний стал новгородским архиепископом и занимал кафедру до 1220 года, а затем еще повторно в 1226-1228 и 1229 годах (в 1220-1225 годах епископствовал в Перемышле)³⁹. Больной, потерявший дар речи архиепископ Антоний вернулся в Хутыньский монастырь, где и скончался в 1232 году. После него должны были остаться какие-то вещи из архиерейского обихода, и это могли быть, в частности, рассматриваемые поручи. И если дело обстоит именно так, - легко снимаются все противоречия, возникшие в ходе изучения этих произведений литургического шитья, которые соответственно могут быть датированы в пределах первой четверти XIII века.

Поручи - не единственная вещь из принадлежавших архиепископу Антонию и впоследствии приписанных преподобному Варлааму: точно так случилось и с Хутыньским служебником, переписанным для Антония в Перемышле между 1220 и 1225 годами, вызывавшим удивление исследователей указанием поминать на эктениях архиепископа и в то же время отсутствием в письме новгородизмов⁴⁰. Связывая поручи с именем Антония, конечно, труднее локализовать их изготовление: Киев, Новгород или Перемышль? Пока, надо признать, этот вопрос звучит риторически, и поэтому нет оснований выводить хутыньские поручи из круга новгородских памятников, хотя бы уже в силу исторических причин. Для того, чтобы изменить эти выводы, надо обладать вескими и надежными контраргументами, которых у нас нет.

Примечания:

1 Стоянович Д. Уметнички вез у Србији од XIV до XIX века. Београд, 1959. №№ 8, 9, 12, 29, 59, 61.

2 Johnstone P. The Byzantine Tradition in Church Embroidery. London, 1967. Figs. 19-28.

3 Средневековое лицевое шитье: Византия, Балканы, Русь. Каталог выставки/Автор-сост. Маясова Н.А. М., 1991. С. 9, 22-23. № 2.

4 Опись Новгородского Спасо-Хутыньского монастыря

1642 года//Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. 1857. Т. IX. Вып. 2. С. 508.

5 Архим. Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 340; он же. Путешествие по Новгороду с указанием на его церковные древности и святыни. СПб., 1862. С. 35.

- 6 Якунина Л.И. Русское шитье жемчугом. М., 1955. С. 34-35. Рис. 12, 13.
- 7 Свирин А.Н. Древнерусское шитье. М., 1963. С. 25, 27.
- 8 Средневековое лицевое шитье. С. 9, 20-21. № 1.
- 9 Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 572.
- 10 Volbach W.F. Fröchristliche Kunst: Die Kunst der Spätantike in West- und Ostrom. München, 1958. S. 77-78. Abb. 174, 175; Grabar A. Christian Iconography: A Study of its Origins. New York, 1968 (Bollingen Series. Vol. XXXV. 10.). P. 43. Fig. 108.
- 11 Karl der Grosse: Werk und Wirkung. Aachen, 1965. S. 254, 341-342. Abb. 96-97, 101. №№ 521-522, 527.
- 12 Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeine eines Bamberger Graduale und ihre ursprüngliche Verwendung// Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. Festschrift für K.H. Usener. Marburg an der Lahn, 1967. S. 11-20.
- 13 Grabar A. Un rouleau liturgique constantinopolitain et ses peintures//L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age. Paris, 1968. Vol. II. P. 470; Vol. III. Pl. 121.
- 14 Demus O. Romanische Wandmalerei. München, 1968. Taf. XXXIII, 165, 166, 195, 208, 223. Abb. 15, 67, 68.
- 15 Möbius F. Romanische Kunst. Berlin, 1969. Taf. 44, 56, 79, 154, 183.
- 16 Rademacher F. Der thronende Christus der Chorschranken aus Gustorf. Köln-Graz, 1964. S. 22. Abb. 12; Lasko P. Ars Sacra. 800-1200. Baltimore, 1972. Figs. 157, 179, 213, 237, 242, 266, 276, 293-295.
- 17 The Year 1200: A Centennial Exhibition at the Metropolitan Museum of Art. New York, 1970. Vol. I. P. 63-65. №№ 71, 72.
- 18 Bertelli C. Opus Romanum//Kunsthistorische Forschungen O. Pächt zu seinem 70. Geburtstag. Wien, 1972. P. 104. III. 6.
- 19 Grabar A. Sculptures byzantines du Moyen Age. Paris, 1976. T. II (Bibliothèque des Cahiers Archeologiques. T. XII). P. 121. Pl. XCII. № 117.
- 20 Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: г. Юрьев-Польской. М., 1964. С. 32-33. Рис. 13. Табл. XIX.
- 21 Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X-XIII веков. Л., 1971. Илл. 81, 88-92.
- 22 Sotiriou G. et M. Icones du Mont Sinai. Athenes, 1956. T. I. Figs. 48, 83.
- 23 Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 98, 227. Илл. 333.
- 24 Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985 (Byzantina Vindobonensia. Bd. XV). P. 140-141. Pl. 29. № 48.
- 25 Ibid. P. 239, 243. Pl. 77, 85. №№ A-2, A-27.
- 26 Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XV вв. М., 1983 (Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. Е 1-60). С. 129. Табл. 55. № 311.
- 27 Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. С. 48, 50, 108. Табл. 11. № 61.
- 28 Mango C. Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul. Washington, 1962 (Dumbarton Oaks Studies. Vol. VIII). P. 39. Figs. 36-38.
- 29 Банк А.В. Константинопольские образцы и местные копии (по материалам прикладного искусства X-XII вв.)// Византийский временник. 1973. Т. 34. С. 190-195.
- 30 Ср.: Успенский Б.А. Из истории русских канонических имен. М., 1969. С. 16-19, 223-226.
- 31 Айналов Д. Византийские памятники Афона: III. Артосница ризницы Пантелеймоновского монастыря// Византийский временник. 1899. Т. VI. Вып. 1-2. С. 73-75. Табл. X; Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 222-224. Табл. XXXI; Пуцко В. Византийские паннагиры на Афоне// Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов. София, 1994. С. 248-250.
- 32 Соболев Н.Н. Очерки по истории украшения тканей. М.; Л., 1934. С. 54.
- 33 Новицька М.О. Давньоруське гаптування з фігурними зображеннями//Археологія. Київ, 1970. Т. XXIV. С. 88-98; она же. Вышивки золотом с изображением фигур, найденные при раскопках в Софии Киевской// София Киевская: Материалы и исследования. Киев, 1973. С. 62-67.
- 34 Ефимова Л.В. Шитая пелена "Распятие с предстоящими" XII века в собрании Исторического музея// Русское искусство XI-XIII веков: Сборник статей. М., 1986. С. 128-135; она же. Памятник древнерусского шитья с надписями XII в. из собрания ГИМ// Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 59-62.
- 35 См.: Новицька М.О. Гаптування в Київській Русі, (за матеріалами розкопок на території УРСР) // Археологія. Київ, 1965. Т. XVIII. С. 24-38; она же. Золотная вышивка Киевской Руси//Byzantinoslavica. Praha, 1972. T. XXXIII. Fasc. 1. С. 42-50; Фехнер М.В. Древнерусское золотное шитье X-XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея//Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993 (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 82). С. 3-21.
- 36 Подробнее см.: Дмитриев Л.А. Житие Варлаама Хутынского//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI - первая половина XIV в.). С. 138-142.
- 37 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв.: Каталог памятников Л., 1982 (Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. Е 1-47). С. 75. № 118.
- 38 Белоброва О.А. Антоний//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 39-40; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986. С. 71.
- 39 Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 42-45, 166.
- 40 Пуцко В. Служебник перемиського архієпископа Антонія з XIII ст.//Перемиські дзвони. 1992. № 10-12. С. 13-15.

Художник В.Поветкин

Общеизвестно, что в Новгороде сохранилось много древних церквей и соборов, гражданским же (некультовым) постройкам XI-XVII вв. повезло гораздо меньше. На Софийской стороне уцелели оборонительные сооружения Кремля и некоторые постройки на его территории, а также Белая (Алексеевская) башня Окольного города. А вот на Торговой стороне мы можем увидеть сегодня лишь остатки Кружечного двора (так называемый дом Марфы Посадницы) и еще один памятник, издавна известный как Ярославова башня (Гридница, Воротная, Вечевая башня) Гостиного двора.

Воротная башня - это единственная постройка, сохранившаяся от комплекса Гостиного двора, сооруженного по указу "великих государей" Петра и Иоанна Алексеевичей в 1692-1699 гг. Исследователи высказывали много предположений, связанных с названием памятника, его первоначальным назначением и датировкой строительства. Новгородский краевед В.С.Передольский относил время строительства башни к XI веку, другие авторы - к 1472 году.

Относительно первоначального ее использования тоже было немало гипотез. Предполагалось, что это дворцовая постройка, приказная изба, канцелярия дьяков, которые фиксировали решения общегородского собрания - веча, - и даже помещение для общественных пиров. Исследования, начатые во время реставрационных работ после второй мировой войны, а также в конце 80-х - начале 90-х годов, раскрыли некоторые новые страницы из истории этого уникального памятника.

В конце XVII века в Новгороде разворачиваются широкомасштабные строительные работы. В июне 1692 года воевода Б.И.Прозоровский получил указ о строительстве в городе Гостиного двора, для чего был направлен сюда подмастерье каменных дел Семен Елфимов. Одновременно он занимался строительством Воеводского и Пушечного дворов, а также каменного моста с лавками и перестройкой Пречистенской башни Кремля.

В начале XVIII века Воротная башня была изображена на Знаменской иконе в виде сооружения, состоящего из трех частей, с проездами, где над высокой центральной частью возвышается шатер с прапором в виде государственного герба - двуглавого орла.

С.И.Сивак пишет в исторической справке: "...Воротная башня была ориентирована на какие-то близкие ей по функциональным и структурным особенностям образцы". Вместе с В.Н.Захаровым и С.Н.Давыдовым исследователь обращает внимание на сходство этого новгородского памятника с воротной башней нового Гостиного двора в Москве, построенного в 1665 году. Московская башня имела над воротами жилые палаты, над ними еще одну палату с

СЕСТРА СПАССКОЙ БАШНИ

Владимир ДРУЖИНИН,
главный архитектор НДПИ
"Спецпроектреставрация"

восьмиугольной башней и шатром. Кроме того, имелись еще четыре малых шатра, а также фасады, украшенные изразцами и резьбой, богато расписанные в несколько цветов.

Надо сказать, что описание Московской воротной башни очень сильно напоминает башню Пречистенскую новгородского Кремля, которая перестраивалась одновременно со строительством новгородского Гостиного двора. Она также имеет ворота, палаты над ними, четыре малых кирпичных шатра и большой четырехгранный шатер над центральной палатой, причем увенчивал его "на золотом яблоке орел большой двоеглавый золочен красным золотом против того как на Москве на Спасской башне". С.И.Сивак совершенно справедливо считает, что "Пречистенская башня, также, как и воротная башня московского Гостиного двора, очевидно, была ориентирована на Спасскую (Фроловскую) башню. В свою очередь Воротная башня новгородского Гостиного двора, Пречистенская башня и угловая северо-западная башня Гостиного двора, несомненно, обнаруживают типологическое сходство". Это сходство Г.М.Штендер определил еще до обнаружения подтверждающих его исторических документов, изучая ее изображение на Знаменской иконе. В ходе дальнейшего исследования стало ясно, что Воротная башня строилась "по образу". И хотя имеет общие черты, но и отличается в архитектурно-планировочной структуре от своей московской предшественницы.

В 1721 году Петр I указом передает Гостиный двор во владение новгородским купцам, а после пожара 1745 года разбираются угловые башни Гостиного двора и происходит его перестройка.

К 1775 году в Воротной башне располагались "городовой магистрат, сиротский суд, городовое правление, словесный суд, подьяческая приказная палата". В этом же году здесь предполагалось устроить школу для купеческих детей, но, как зачастую в России бывает, не нашлось учителей, вовремя не закупили азбуки, так что приготовили только скамейки и парты для учебы, чем дело и закончилось.

В 1828 году разрабатывается проект приспособления башни под губернский архив. В 1836 году этот проект перерабатывается и составляется смета архитектором Соколовым. Комиссия проектов и смет при МВД проект одобрила, но рекомендовала пробить в башне несколько дополнительных окон и дверей.

Проект не был осуществлен, так как в 1837 году случился пожар, после чего башня простояла в запустении до 1841 года.

В 1842 году было решено на средства новгородских купцов устроить здесь детский приют, но поскольку времена изменились, из МВД отписали, что "подобные строения... ввиду особого высочайшего повеления должны быть сохраняемы в первобытном виде... сделать распоряжение о переделке проекта таким образом, чтобы в наружном виде здания не было никакого изменения". (Сейчас бы такое отношение к памятникам от властей предрержащих!).

Неизвестно, чем окончилось дело с детским приютом, но в 60-е годы XIX века башня была приспособлена под богадельню для "бедных старух".

В 70-х годах здание памятника стало использоваться под городское училище, в то время как с южной стороны

выстроилось, между колокольной Никольского собора и Воротной башней, двухэтажное здание.

Перед второй мировой войной первый этаж южной палаты был приспособлен под жилье, в остальных же помещениях устроен архив и различные учреждения. После войны памятник также использовался как жилье.

Многочисленные пожары и перестройки исказили первоначальный облик башни. Наиболее ощутимый ущерб нанесла война. Когда работники специальной проектно-реставрационной мастерской под руководством С.Н.Давыдова и В.Н.Захаровой приступили к реставрации, памятник был сильно разрушен. Не имелось крыши, рухнули своды боковых палат, полуразрушенными оказались своды над проездами, в плохом состоянии кладка стен, утеряны дверные и оконные заполнения. О результатах исследовательских работ достаточно подробно рассказано в отчете, опубликованном в "Практике реставрационных работ" за 1958 год. Главным результатом проведенных работ стало выведение Воротной башни из аварийного состояния, восстановление части древних форм памятника, удаление позднейших наслоений конца XIX - начала XX века. Было доказано, что памятник построен не ранее XVII века. К сожалению, из-за отсутствия средств не смогли провести работы по восстановлению некоторых сводов, внутрстенных связей и укреплению фундамента.

Вот почему в начале 80-х годов было решено возобновить ремонтно-реставрационные работы с целью инженерного укрепления, частичной реставрации и приспособления под выставочные залы музея-заповедника. Исследования, проведенные под руководством Г.М.Штендера, показали, что в конструкциях здания происходят активные деформации, состояние его остро аварийное. Причины деформаций - перегрузка фундаментов, недостаточность связевой системы,

а также то, что в основании фундаментов находится насыпной грунт; кладка стен расслаивается и ослаблена множеством дымоходов. Анализ материалов исследования позволил разработать проект реставрации и приспособления, а также инженерного усиления конструкций памятника.

В процессе работ открылось много нового в облике памятника, как в интерьере, так и в его внешнем виде. Оказалось, что у восточной стены имелась первоначальная двухэтажная пристройка, найдено большое количество цветных печных изразцов; были решены вопросы сообщения между этажами, определены характер и форма древних сводов.

Неясным осталось назначение отдельных помещений в XVII веке. Возможно, здесь была караульня, комнаты для администрации Гостиного двора, помещения для хранения денег. Восьмерик мог использоваться как смотровая башня.

К сожалению, реставрация памятника неопозволительно затянулась. Несколько раз сменялись заказчики и подрядчики. И хотя каждый выполнил определенный вид работ, но растянута во времени уменьшила их эффективность.

Сейчас уже проведен первый этап инженерного укрепления, выполнены работы по усилению фундамента, восстановлена связевая система, идут работы по замене карниза, восстановлению оконных проемов. Приступили к устройству конструкции кровли. Реставрацию ведет ИЧП "Десна" под руководством В.Г.Юревича, непосредственно памятником занимается молодой прораб Сергей Семенов. Подобралась комплексная бригада опытных рабочих, но трудятся они за символическую плату, так как финансирования практически нет. Хочется верить, что удастся завершить работы по устройству кровли до осенних дождей, иначе мы снова можем потерять памятник, не считая потери средств, вложенных в его реставрацию.

Владимир ХРАБРОВ,

*доцент кафедры
начертательной геометрии
и компьютерной графики НовГУ*

ГОРОД СТАРЫЙ, ГОРОД НОВЫЙ

Говорить об уникальности и своеобразии нашего древнего города, повторяя череду привычных выражений, вроде бы и неудобно - так много было сказано до меня. Признавая необходимость объективного процесса дальнейшего развития Новгорода в XXI веке, нельзя не предположить, что Новгород XXI века будет заметно отличаться от того, что существует ныне. Уже сейчас чувствуется необычайная динамика его развития, особенно усилившаяся после распада СССР и суверенизаций бывших окраин Российской империи. Прямым следствием этого стал рост значения и влияния некогда провинциальных российских городов, в ряду которых стоит и Новгород. Создание местных телевизионных программ, зарождение новых театральных и художественных, творческих коллективов, возникновение и становление, признанного уже и за рубежами нашей Родины, крупного научного и технического центра - Новгородского государственного университета - все это прямые свидетельства зарождающихся тенденций небывалого роста нашего города

в грядущем столетии. Сдерживать это развитие вряд ли кому удастся, но придать этому движению правильное направление - основная задача нынешних архитекторов.

Именно поэтому мне захотелось, с позиции человека, в какой-то мере к этому причастного, еще раз поразмышлять, отчего так неудобно бывает порой нам в городе, имеющем столь древнюю историю и культуру градостроительства. Ведь, казалось бы, за его более чем тысячелетнюю историю многие поколения архитекторов могли и должны были учесть все недостатки своих предшественников и по возможности исправить их с учетом требований времени и пожеланий его жителей.

Однако особенность ситуации в том, что Новгород действительно является новым городом, несмотря на уникальное собрание древнейших архитектурных и исторических памятников на его территории. Это легко объяснимо, ведь издревле на Руси широко и повсеместно использовалась древесина в качестве основного строительного материала, а срок службы деревянных строений в самых благоприятных климатических условиях фактически равен максимальной продолжительности жизни человека - около 100 лет. В результате - только по данным археологических исследований или по сохранившимся более поздним чертежам, планам и схемам мы можем теперь судить о том, как выглядели русские города каких-нибудь лет сто назад.

Возникший вокруг Детинца деревянный город мастеров и ремесленников всегда отличала сильная скученность застройки, во времена пожаров выгорали целые улицы, концы и даже стороны, как это случилось на Софийской

стороне в 1530 году. Тогда, во времена правления великого князя Московского Василия Ивановича, впервые были заложены принципы регулярности застройки города: "...и повеле им на Софийской стороне улицы размерить; и начали мерить Великую улицу от Володимирских ворот прямо в конец и все улицы из поля в берег прямо." Указ Петра 1 от 14 мая 1723 года гласил: "В Новгороде на погорелых местах хоромное деревянное строить регулярно, как в Санкт-Петербурге строятся, в одно жильё, а улицы по учиненному плану." И всё же преобладающие строения в городе всегда были деревянными, что во многом предопределило его участь. По сведениям 1896 года, на 231 кирпичный жилой дом приходилось 1196 деревянных зданий. Кирпичные дома располагались главным образом вокруг кремля.

Несмотря ни на что, по заключениям многих теоретиков архитектуры, сложившаяся на рубеже XIX-XX веков планировочная структура Новгорода отличалась глубокой продуманностью городских архитектурных ансамблей. Новгород отличало бережное отношение к памятникам древнерусского зодчества, которые не утратили своего главенствующего значения в его архитектурном облике.

Таким предстал Новгород взору фашистских завоевателей - древний вольный город, столица средневековой вечевой республики.

Теперь попытаемся восстановить в памяти ситуацию, в которой находился Новгород в 1944 году, после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. "Во время оккупации были разрушены почти все жилые, общественные и производственные здания, уничтожены памятники древней архитектуры." Гитлеровские захватчики с особым ожесточением уничтожали в городе всё, что напоминало об истории и славе наших предков... В результате обстрелов и преднамеренных разрушений сильно пострадали все древние здания новгородского кремля... Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков установила, что... ущерб, причиненный Новгороду, определяется в 11 226 084 тысяч рублей.

Предстояло в который раз за тысячелетнюю историю начинать восстанавливать город из руин и пепла. Архитекторам и строителям представилась уникальная возможность начинать строительство фактически нового города как бы с чистого листа. Тут подход к выбору концепции реконструкции во многом зависел от личности архитектора и его способности заглянуть вглубь истории хотя бы лет на 15-20. А ведь именно через столь короткий срок город начал задыхаться в границах, принятых на основе планировочного принципа реконструкции, предложенного известным во всём мире архитектором А. Шусевым.

К чему я все это говорю? Ведь давно уже как будто бы стала историей эпоха низложения авторитетов, низвержения монументов и переименования городов и улиц. И если даже в очередном витке критики в адрес очередного авторитета и есть конструктивное начало, то все равно какой в этом прок, если в настоящее время нет достаточных средств для того, чтобы поддерживать нормальное

состояние города, не говоря уж о том, чтобы пытаться что-либо возводить и менять в корне. Но хочется верить, что так будет не всегда и наша жизнь когда-нибудь все же изменится к лучшему! Появятся средства на дальнейшее развитие городов, а главное - появится потребность в новых подходах к решению проблем, которые уже в настоящее время дают о себе знать.

Каждый взрослый человек наблюдал, наверное, что происходит с деревом, если кто-нибудь случайно или по злому умыслу повредит его вершину, особенно если это дерево имеет от природы правильную пирамидальную крону, как ель, например. Сколько их, обезображенных, стоит по городам, когда-то посаженных для украшения парков и скверов, но ставших объектом хищнического нападения. Обычно дерево долго залечивает рану, но затем жизненные силы его побеждают, и оно выбрасывает две наиболее сильные почки, из которых развиваются новые вершины, и таким двуглавым уродом оно продолжает расти. Нечто

подобное произошло с планировочной структурой нашего города Новгорода стараниями современных архитекторов, которым предстояло восстанавливать почти до основания разрушенный во время немецко-фашистской оккупации город, представший перед его воссоздателями безликими руинами зданий и неясными направлениями разбитых дорог и улиц.

Я считаю, что Шусев, увлекшись идеей создания бульвара-аллеи от кремля к вновь отстраиваемому по проекту архитектора Янвейна железнодорожному вокзалу, расположившемуся в соответствии с его концепцией, оказал городу медвежью услугу. И отсюда - все последующие из этого беды и неудобства. Стоило бы более последовательно закрепить

Схема предполагаемого развития Новгорода в послевоенные годы

сложившийся уже принцип функционального зонирования довоенного города, но Шусев, вроде бы поддержав этот принцип в исторической части города, тут же "прицепил главную почку" ансамбля - магистраль, идущую от Воскресенских ворот в поле, на запад, туда, где сейчас расположен Западный жилой район, и разместил в тупике железнодорожный вокзал. Многие новгородцы ещё помнят, что до войны вокзал располагался значительно правее, в районе магазина "Строительные материалы" и бани на ул. Германа. И если даже была необходимость переноса вокзала на другое место, то уместнее было бы расположить его значительно севернее, в районе нынешней площади Строителей - непосредственно на въезде в город со стороны Ленинграда (Санкт-Петербурга). Кстати, в то время там уже сложилась сложная узловая железнодорожная транспортная развязка. Здесь же следовало бы запроектировать и городскую автобусную станцию. И это в значительной степени ограничило бы помехи вокзала и железнодорожного полотна на планировочную структуру города.

Созданный на въезде в город трехлучевый транзитный транспортный узел легко можно было бы увязать с противоположным берегом устройством моста, расположив его значительно ниже существующего. Таким образом четко оформился бы узел трех основных дорог - на Москву, на Псков и на Санкт-Петербург по ул. Санкт-Петербургской в

ее теперешнем направлении, минуя исторический центр города.

В случае, если бы получило дальнейшее развитие направление железной дороги на Старую Руссу и Псков, (так и не развившееся по сей день, но существовавшее до войны) или наши современники решили бы вдруг достроить железнодорожный мост в районе Мячино, протянув для этой цели ветку дальше через город, положение мог спасти единственный виадук в районе ул. К. Маркса, т. е. там, где теперь располагается вокзал. Развитие же промзоны в эту сторону в любом случае можно признать нецелесообразным.

В этом же районе стоило бы разместить и основные торговые площади города и развивать его административный центр, с тяготением в сторону Окольного города. Исторический центр в этом случае мог бы стать заповедной музейной зоной. Само собой разумеется, что при этом отпала бы необходимость в "хождении по воде аки по суху", т. е. не нужно было бы засыпать Федоровский ручей для устройства моста Александра Невского и коренным образом менять своеобразие этого района.

Попутно хотелось бы выразить недоумение по поводу переименования некоторых улиц города. Ведь хоть сотню раз назови улицу имени Юрия Алексеевича Гагарина, славного сына России, первого космонавта планеты, Федоровским ручьем, все равно по нему на лодке уже не поплывешь, даже в самый страшный ливень. Что сделано, то сделано.

В районе Окольного города оба берега могли бы связать два или три легких пешеходных моста, существовавшие в этих местах в разные времена.

Предвижу раздражительные высказывания оппонентов, дескать, хорошо критиковать, сидя в тиши кабинета. Но в то время, когда первые строители Новгорода проживали в немногочисленных, чудом сохранившихся кирпичных постройках кремля и новгородских монастырей, а новгородские микрорайоны представляли из себя землянки, вырытые вдоль склонов земляного вала окольного города, все эти проблемы выглядели несколько иначе.

Многое из перечисленного выше настолько очевидно, что не удивлюсь, если кто-нибудь уже высказывал в свое время такие предложения, и нужно было иметь авторитет академика архитектуры, чтобы, проигнорировав очевидное, сделать вопреки.

Что бы дало городу подобное решение в случае, если бы оно было реализовано? Селитебная зона получила бы четкие основные направления развития - на Псков, вдоль вала; на Москву до Синего моста - с дальнейшим освоением территорий до нынешней улицы Державина и Деревяниц; на Санкт-Петербург - с акцентированным развитием в этом направлении промзоны и на Лугу - по направлению старой Лужской дороги вплоть до поселка Ермолино. Это направление и могло бы стать в перспективе основным композиционным лучом развития современного города. Бурный рост индивидуального частного жилого сектора и крупнейшего дачного комплекса подтверждает обоснованность этого предположения.

Так оно и случилось через каких-нибудь 15 лет. Город "перешагнул" за вокзал, и функцию основной магистрали для дальнейшего развития взяли на себя улицы Нехинская и Григоровская. Как результат, в дальнейшем Новгород начал развиваться как бы "сам поперек себя", то есть основные пешеходные потоки с их логическим тяготением к центру пересекли магистрали, объединяющие улицы Нехинскую и Григоровскую с напряженным транспортным потоком улиц Ломоносова и Мира, которые создавались как скоростные городские магистрали, но не стали таковыми из-за все той же пересеченности пешеходными связями.

Немногочисленные попытки увязать Западный жилой район со старой частью города путем устройства в районе ул. Комсомольской и Германа путепровода не нашли поддержки у авторов генерального плана развития города - московских архитекторов мастерской №3 института Гипрогор. А с вводом в строй в 1982 году больничного комплекса НПО "Азот", нынешней городской больницы №1, вопрос отпал сам по себе.

Очевидно, что со строительством вокзала на теперешнем месте главная композиционная ось города и важнейшая артерия оказалась перерезанной. Она прерывается пустырем несущегося парка Западного жилого района и робко поддерживается раздвоенным мутантом - не то аллеей, не то улицей Попова - и торжественно завершается монументальным ансамблем Западного кладбища. Парадоксально, но город, имевший в общем-то тупиковое железнодорожное сообщение, был спланирован как многие другие современные города, лежащие на транзитных направлениях железных дорог: Смоленск, Владимир, Чудово. Историческая часть города, в частности его Софийская сторона, оказалась как бы на рукотворном острове, с одной стороны омываемом естественной преградой - рекой Волхов; с другой - полотном железной дороги. Такой принцип развития можно было с успехом реализовать в поволжских городах, таких, как Саратов, Волгоград, Чебоксары, но в Новгороде с его четко сформировавшимся историческим центром перспективное зонирование стоило бы вести с учетом главенствующего композиционного значения кремля.

Не имеет оправдания перед потомками решение в дальнейшем развивать базу строительных материалов на левом берегу Волхова в районе деревни Колмово, для нормального функционирования которой возникла необходимость перерезать улицу Ленинградскую железнодорожным переездом. Все, кто живет в Колмовском жилом районе, прекрасно знают, какие неудобства создавал этот переезд в пору, когда предприятия стройиндустрии работали стабильно и на полную мощность. О строительстве двухуровневой транспортной развязки в этом месте можно говорить, но только после того, как будет коренным образом изменена технология складирования материалов на предприятиях, эксплуатирующих эту железнодорожную ветку.

Вот, в основном, как мне кажется, те недостатки концепции, что была положена в основу послевоенной реконструкции и развития Новгорода, и которые дают о себе знать по сей день. Возникает резонный вопрос: существует ли возможность что-либо исправить в сложившейся ситуации? Это тот случай, когда можно уверенно сказать, что Западный жилой район с его ортодоксальным противоречием транспортных и пешеходных потоков безнадежно испорчен.

Следовало бы, как мне кажется, вновь рассмотреть предложение по устройству двухуровневой транспортной развязки через железнодорожное полотно в районе улиц Германа и Октябрьская к зданию областного Пенсионного фонда выходом на улицу Ломоносова и далее по улицам - от Попова до Кочетова. Эта транспортная связь стала бы "коллектором", отчасти взявшим на себя функции улиц Нехинской и Григоровской и приблизившим жилые окраины к историческому центру. На возражение типа того, что в этом случае ухудшится экологическая обстановка в районе Первой горбольницы - скажу, что больничный комплекс в достаточной степени "заэкранирован" комплексом поликлиник и профилактория "Строитель", спонтанно возникшим на территории, прилегающей к парку Западного жилого района. А как автор планировки парка в его

первоначальном виде, сделанном еще в 1977 году, могу заверить, что от него уже практически ничего не осталось. Здесь появились не предусмотренные ранее здания Пенсионного фонда, тира АО "Акрон", Городской детской музыкальной школы. Так что требуется корректировка проекта парка, и основной упор при разработке нового проекта планировки следовало бы сделать на отторжении части территории жилого района в районе бульвара Юности в пользу парка. Тем более что запроектированный жилой массив не обеспечен инженерными сетями. Наличие же на въезде в город пустыря создаёт мрачноватое, тревожное настроение у впервые прибывших в город, по первым его панорамам строящих своё отношение к древнему Новгороду.

Сам Западный жилой район так и будет развиваться в дальнейшем как "параллельное" пространство, некий город-спутник. Жители его в основном будут искать и находить работу вне пределов района проживания. Развивать инфраструктуру района навряд ли удастся, так как необычайно высокая плотность застройки микрорайонов исключает возможность строительства объектов производственной сферы для создания большого количества рабочих мест.

Одним из характерных парадоксов планировки Новгорода в ее теперешнем виде является то, что в городе очень много зон, куда можно добраться за двадцать минут пешего пути и за те же 20 минут доехать на автобусе. Это район драматического театра и гостиницы "Интурист", район улицы Германа, территория, прилегающая к "круглому гаражу" и объединению "Облгаз". В городе ощущается острая необходимость уже сейчас создавать новую транспортную артерию. Этой артерией может стать магистраль, связывающая улицы Великую (бывшую Дмитриевскую) со Псковской и направленная вдоль городского вала - Гзеньский проспект. На этой идее и основывается предлагаемая концепция перспективного развития генерального плана города, предполагающая коренное изменение транспортной схемы и схемы зонирования города, имеющей целью более бережное сохранение исторической части города с ее многочисленными архитектурными и историческими памятниками.

Итак, в основе концепции предлагается вынос всех транзитных транспортных потоков за пределы городского вала и реализация давней мечты новгородских архитекторов в создании пешеходных зон в районе окольного города. Не просто отдельных улиц, но целого жилого района. При существующей транспортной схеме, когда основной транспортной артерией города, связывающей оба берега Волхова, является мост Александра Невского, это просто неосуществимо. Колмовский мост не обрёл ввиду отдалённости от центра того значения, который должен был бы иметь главный мост. О гипертрофированном значении моста А. Невского можно судить хотя бы по тому, что во времена праздничных городских мероприятий город оказывается парализованным из-за остановки движения транспорта по этому мосту. Попутно хотелось бы выразить недоумение по поводу того, что даже после открытия пешеходного моста мероприятия с участием бегунов по-прежнему проводятся по старому маршруту. А ведь

пересечение улиц Гагарина и Ленина является одним из самых напряженных транспортных узлов города. В часы пик в ожидании проезда по мосту у перекрестка скапливается огромное число автомобилей, создаются аварийные ситуации, резко ухудшается экологическая ситуация в центральном районе города.

Чтобы по возможности исправить положение и с учетом того, что строительство моста на продолжении улицы Московской неосуществимо из-за сложившейся планировки района, потребуется строительство другого транспортного моста в районе горвоенкомата на противоположный берег Волхова к гостинице "Береста Палас". Здесь предстоит дать наметившейся магистрали продолжение до улицы Студенческой и Малой Московской с выходом на выезд из города.

На отдаленную перспективу городу просто необходимо иметь еще два моста - один в районе Деревяниц ниже по течению Волхова, строительство которого уже предусмотрено проектом генерального плана развития Новгорода и другого - в районе Белой башни и правобережных очистных сооружений. Само собой разумеется, что очистные в этом случае должны быть отнесены выше по течению реки Волхов, а территория вплоть до Городища должна быть зарезервирована для перспективного строительства малоэтажной усадебной застройки.

Такие предложения уже делались ранее. Об этом же упоминает И. Кушнир в своей книге "Архитектура Новгорода": "...было бы целесообразно развивать городскую застройку на Софийской стороне в южном направлении. В таком случае городские жилые районы могли бы выйти к водным просторам озера Ильмень, древнему пути "из варяг в греки". Такое решение с точки зрения эстетических проблем имело бы неограниченное значение".

Конечно, предстоит затратить немалые средства на то, чтобы насыпать песчаный грунт со дна реки и озера и тем самым предотвратить возможность паводкового подтопления

в этой пойменной низине. Однако, как показал опыт гражданского строительства, целесообразно, осуществляя новое строительство даже в незатопляемых районах города, производить довольно-таки значительные подсыпки дворовых территорий песчаным грунтом. Показательно, что перед комплексом производственных зданий объединения "Спектр" успешно намыт высокий берег на месте постоянно затопляемой береговой поймы.

Очевидно, что в районе Большой Московской (бывшего проспекта Ленина) и Студенческой понадобится двухуровневая транспортная развязка, и резервные территории для этого пока существуют. Сам же мост при этом должен быть разводным, чтобы обеспечить беспрепятственный проход большемерных судов по реке и при этом не создавать высоких заездов для автотранспорта на берегах. Технически это сделать не столь уж сложно, тем более, что построенный в 1902 году, разрушенный во время войны мост имел центральный разводной пролет, а затраты на механизм привода могут оказаться не большими, чем стоимость

Предполагаемая схема перспективного развития Новгорода с созданием рекреационных пространств в исторической части города

работ на устройство подсыпок и более массивных опор моста. И если при этом учесть, что Волхов достигает своего максимального уровня не чаще, чем раз в 25 лет и держится он от силы 2,5 месяца, то можно признать, что строительство высоко поднятых и "горбчатых" мостов - неразумная плата за временные неудобства речников. Тем более, что низкие, приземленные мосты не столь агрессивно внедряются в панораму существующей исторической застройки, не требуют для организации беспрепятственного прохода судов высоких береговых насыпей.

Гораздо разумнее было бы оснастить флот Новгородского речного пароходства специально запроектированными для этой цели судами с низкими палубными надстройками. Ведь возят же туристы по каналам и рекам в исторической части таких городов, как Венеция, Париж и Санкт-Петербург, приземистые и довольно симпатичные туристские плоскодонки, и мосты им не мешают. Новая транспортная разводка позволит совершенно иначе решать схему функционального зонирования города и самой напряженной транспортной артерией станет в этом случае не улица Газон, а уже запроектированный Гзеньский проспект. По нему впоследствии могут быть пущены все основные городские автобусные и троллейбусные маршруты, а улицы, ведущие к центру, станут магистралями местного значения с односторонним движением транспорта. Дублером этого проспекта внутри городского вала должны стать улицы Десятинная, Некрасова, Декабристов с односторонним направлением движения. Автомобильное движение в этой зоне города в данном случае должно быть ограничено проездом служебного и личного транспорта. Само собой разумеется, что прокладка троллейбусных маршрутов в исторической части Новгорода должна быть полностью исключена.

Новый мост не просто приблизит два городских района, но и разгрузит при этом существующий. Он также увяжет две туристские гостиницы на противоположных берегах реки, существенно упростит подходы к драмтеатру, теперешнее местоположение которого относительно оживленных городских улиц никак не отвечает его градостроительному значению.

Появившаяся на плане города новая кольцевая магистраль вдоль городского вала не только в корне изменит сложившуюся транспортную схему города, но и упростит взаимосвязь двух важных городских торговых центров - универсама "Русь" и городского рынка на ул. Прусской. Градостроительное значение транспортной оси кремль - вокзал в этом случае существенно снизится, и все улицы на протяжении пути от кремля до вокзала могут быть оформлены как пешеходная аллея, переходящая в парк Западного жилого района.

Изменится также и значение улицы Санкт-Петербургской: ввиду ограничения по ней движения транспорта в пределах городского вала двухуровневую транспортную развязку на ее пересечении с кольцевой магистралью можно и не устраивать. Со временем кольцевая магистраль Софийской стороны может быть органично соединена ещё одним мостом с противоположным берегом реки Волхов в районе Белой Башни. На Торговой стороне осталось бы сделать то же самое: пустить весь грузопассажирский поток по обводной кольцевой магистрали вдоль городского вала, возможно, с внешней его стороны.

Система "окольцовывания" крупных современных

городов оправдала себя в практике современного градостроения и в последующем может быть с успехом использована в разработке принципиальных концепций перспективного развития Новгорода. Возможно, на рубеже ХХI века придётся задуматься и о создании большого внешнего кольца, которое охватит пространство города от запроектированного Деревяницкого моста и воздвигнутого на опорах недостроенного железнодорожного моста в районе Мячино. При этом потомкам может послужить и насыпь для железнодорожного полотна, сделанная в начале века. Очевидно, что попутно придётся решать вопрос о переносе городских очистных сооружений, которые к тому времени отработают свой положенный срок.

Опять мне слышится резкий окрик сторонников сохранения живописных панорам: дескать, подобное решение обезобразит вид из города на Юрьев. Но по тому, как охотно самые ярые консерваторы при малейшей возможности пересаживаются из автобусов в личные автомобили, а пересев, начинают ругать городские власти и за пробки на дорогах, и за бестолковое решение транспортных связей, думаю, что у этой идеи есть будущее. Тем более, что притягательность жизни в Новгороде год от года будет расти, но административных рычагов для ограничения численности жителей у городских властей уже нет и не будет. Сейчас сложно прогнозировать, станет ли к концу следующего столетия численность Новгорода полумиллионной или приблизится к миллиону.

Многие положения предлагаемой концепции, возможно, уже предлагались ранее и даже нашли своё место в разработках архитекторов в разное время. Но автор исходил прежде всего из того, что ныне существующие мосты и транспортные связи не решают острых проблем города, а строительство новых в корне может изменить взаимосвязь городских регионов. Их возведение позволит в новом столетии организовать развитие Новгорода с учетом более бережного отношения к сложившейся планировке города и его исторической застройке.

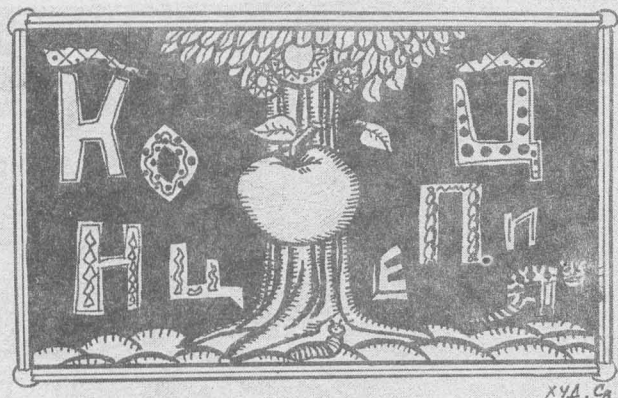
Думаю, что эта тема - богатый материал для исследований и разработок вариантов возможных путей развития Новгорода на перспективу в рамках курсовых и дипломных работ студентов архитектурного факультета. Целесообразно было бы создать на базе факультета лабораторию генерального плана развития города, которая вела бы научные исследования и разработки перспектив развития Новгорода с учетом достижений мировой и отечественной градостроительной науки и практики.

Сейчас же очевидно, что сложившаяся планировочная структура Новгорода не обеспечивает нормального функционирования транспортных связей и город буквально задыхается во все возрастающем потоке грузового и пассажирского транспорта.

Из соображений необходимости создания более благоприятного экологического климата в столь древнем и уникальном городе, как Новгород, нынешнему поколению следует не только всерьез задуматься о путях дальнейшего развития города, но и в срочном порядке предпринимать что-либо, обеспечивающее нормальное развитие Новгорода на перспективу.

Библиография:

1. Новгород. К 1100-летию города. Сборник статей. М. 1964.
2. Архитектура Новгорода. И. Кушнир. Лениздат. 1991.

Георгий ШАБАНОВ,
инженер-конструктор

ВОСПРИНИМАЮЩИЙ УМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

В этой статье я хочу пояснить, что мешает человеку использовать свой ум более продуктивно, вернее, какие части разума должны работать наиболее организованно, сделать практические выводы по совершенному его использованию в обычной жизни.

Рассмотрим роль и значение воспринимающего или чувственного ума в общем Поле разума.

Над макушкой головы находится высшее божественное сознание или сверхинтеллект. Отсюда оно действует. Под ним, в верхней части головы, находится высший интеллект или высший разум. Ниже, занимая средний уровень головы, находится низший интеллект или низший разум. Еще ниже, у основания головы, находится орган, получивший название органа понимания. В груди, сразу над сердцем, находится воспринимающий ум.

Сверхинтеллект, интеллект (высший и низший) и понимание представляют собой функции трех органов Поля разума.

Все органы, включая и чувственный ум, находятся "в тонком теле" и связаны с соответствующими отделами физического мозга.

Чувственный ум представляет собой орган восприятия с пятью подчиненными ему чувствами (форма ("вид"), звук, вкус, запах, осязание) и находится в груди, сразу над сердцем. Какова же роль воспринимающего ума в общем Поле разума?

Воспринимающий ум играет ведущую роль в жизни многих людей и часто подменяет и узурпирует функции интеллекта и сверхинтеллекта. К чему это приводит?

Воспринимающий ум, вторгаясь в интеллект человека, приводит к ошибочному восприятию своих чувств, т.е. свои чувства принимаются за объективные идеи или истинные доводы.

Человек начинает судить по тому, что он видит и слышит, вместо того, чтобы судить то, что он видит и слышит. То же самое касается и остальных восприятий.

Так как чувственный ум представляет собой орган восприятия, он принимает образы, посылаемые глазами, ушами и другими чувствами, и превращает их в восприятия. Наряду с этим он принимает посылаемые сверхинтеллектом в ментальное сознание (орган, ответственный за эмоции, пассивную память) идей, образы, формы, другую информацию и передает их ментальному сознанию. При этом переходе идеи, образы, формы и другая информация трансформируются в то, что мы называем понятиями, то есть объектами представляемыми или мыслимыми. Если в первом случае разум обратил внимание на альманах "Чело" и произнес "альманах", то это

произошло благодаря постижению имени восприятия и представляет собой сенсуальную, т.е. чувственную, мысль. Если разум произнес "альманах "Чело" содержит в себе язык" - то это будет уже более отвлеченное понятие, которое представляет собой - интеллектуальную мысль.

В первом случае облачаются в слова явления ощущаемые, т.е. восприятия, во втором - явления мыслимые, т.е. понятия.

Вместе восприятия и понятия составляют то, что мы называем пониманием.

Многие люди полагают, что понятия представляют собой просто восприятия, собранные вместе и преобразованные в то, что мы называем мыслью. Отсюда следует, что всякая мысль является механическим манипулированием чувственными восприятиями, закрепленными в пределах излагаемого языка. Если человек представляет себе бога, то он просто соединяет фигуру человека с определенным планом и дает этой комбинации имя "бог". Если рассматриваются более отвлеченные понятия, такие как мужество, добродетель, любовь, то человек думает не о чем-то отличном от чувственных восприятий, а просто о четко выделенных и сведенных воедино мужественных, добродетельных любовных чувствах и действиях, которые нарекаются затем именем мужества, добродетели и любви.

Самое главное заключается в том, что это верно до тех пор, пока речь идет о воспринимающем уме или понимании. Ибо воспринимающий ум не орган мышления, это орган чувств. Именно чувственный ум ловит мысли на пути от высшего и низшего интеллекта к ментальному сознанию и, захватывая их, превращает мысли в материю чувств; то есть воспринимающий ум рассматривает мысли с точки зрения чувств. Данное представление относится непосредственно только к воспринимающему уму. Только воспринимающий ум подчиняется чувствам и постоянно формирует восприятия и понятия об ощущениях, которые он принимает. Вся информация, получаемая чувственным умом, приходит из трех источников:

1. Получение информации из внешнего мира;
2. Получение информации из пассивной памяти ментального сознания;
3. Получение информации от самого интеллекта.

И всю эту информацию он пытается навязать интеллекту. Информация, не влезаящая в рамки чувственного ума, всегда проверяется в соотношении с чувствами и оценивается на уровне чувств. То есть, если "я видел это своими глазами, я слышал это своими

ушами, я ощущал это своей кожей, то, следовательно, это истина", - таковы рассуждения чувственного ума. Вот почему люди со слабо развитым интеллектом придают громадное значение тому, что они увидели, услышали, ощутили. "Я прочел это в газете, я увидел это в кино и т.п." и полагают, что приводят решительные аргументы в пользу истины. Увы!..

Попутно несколько слов об умственном восприятии у животных. Все животные думают, используя воспринимающий ум. Из этого следует, что животные неспособны формулировать представления, которые не соответствовали бы какому-то образу, форме, звуку, запаху, прикосновению, вкусу. Они полностью связаны своими чувствами. Хотя надо отдать должное, у единичных особей, особенно у дельфинов, интеллект иногда действует через второй план, а в основном он у животных "спит".

Пока чувственный ум, как инструмент, используется не по назначению, то есть для работы, к которой он изначально не приспособлен, то он либо вообще не сможет выполнять такую работу, либо выполняет ее необъективно. Данное описание чувственного ума составляет обычное состояние среднего человека. Какой же выход существует из данного положения?

Воспринимающий ум должен быть успокоен. Пока он хаотично воспринимает внешний мир, истинное знание невозможно. Но как только успокаивается концептивная позиция чувственного ума и перемещается перцептивная активность из чувственного ума в высший интеллект, чувственный ум нас больше не будет беспокоить. Чувственный ум перестает воспринимать и становится лишь хорошим проводником или каналом для информации, которая проходит от интеллекта к ментальному сознанию.

Человек, успокоивший чувственный ум, видит, слышит, осязает и т.д. уже не посредством чувств в воспринимающем уме, а посредством ощущений в интеллекте.

Если это освоить хотя бы в малой степени, станет ясно, до какой степени это не одно и то же. Мир будет восприниматься не только более совершенно, четко и точно, чем до этого, но изменятся способности в более истинном восприятии цвета, формы, звука и т.д. Изменится состояние сознания, появятся возможности понять и идентифицироваться с сущностными качествами и чувствами объекта в тот момент, как только вы его осознаете, т.е. в силу вступает закон - абсолютной и неограниченной деятельности ощущений.

Весь вопрос - как это сделать?

Существует несколько способов. Есть способы, требующие специальных состояний, например: состояние Самадхи, т.е. йогического транса, в котором ум приобретает способность выхода своей ограниченной состоянием бодрствования деятельности, в высшее и свободное состояние сознания. Но для этого нам придется стать аскетами, отказаться от нашей обычной жизни. Нам же надо это сделать в нашей повседневной активной жизни. Этот способ заключается в простом замещении уровня деятельности низшего мышления высшим, деятельность чувственного ума замещается высшим мышлением, чувственные восприятия

замещаются абсолютной и неограниченной деятельностью чувств, т.е. практическое успокоение чувственного ума выражается:

В отделении своего сознания, своего "я" от него;

В отвержении мыслей чувственного ума волевым усилием;

В повторении мантр, молитв, заклинаний...

В продвижении своего сознания в более высокий уровень.

В первом случае надо следить и отделять себя от мыслей до тех пор, пока не осознаешь внутреннее спокойствие, и не почувствуешь, что мысли приходят снаружи, но они как бы проходят сквозь тебя, ты становишься прозрачным для приходящих мыслей. Начните контролировать привычное движение мыслей в уме, т.е. отделяйте себя от этого, глядите на себя с внешней стороны, наблюдайте себя, как наблюдаете события, встречающиеся на улице. Чувственный ум всегда мечется, беспокоится, он заполнен разными мыслями, отделив свое сознание от него, вы представите ему возможность метаться одному. Через некоторое время он станет спокойнее. Пока вы не сделаете этого, трудно его контролировать.

И еще раз хочу сказать, что для этого не надо специальных усилий, делать это можно в повседневной жизни, при любой вашей деятельности.

Во втором случае необходимо отражать все мысли-предложения, мысли-воображения и т.д., как бы отрезать их от ума, когда бы они не приходили и откуда бы они не приходили, стараться твердо держаться внутреннего спокойствия. Надо разговаривать с умом, как с человеком, все время напоминая ему, что он создает слишком много шума. Чем более внутреннее успокаивается механическая активность чувственного ума.

Третий способ - самый древний и направлен на вытеснение из чувственного ума всех мыслей посредством сосредоточения мысли на форме, словесной формуле (мантра, молитва), мистическом слог-звуке. Это все направлено на поддержку ума в этом движении.

Четвертый путь наиболее труден и проходит в основном спонтанно, когда произошла соответствующая качественная подготовка первыми тремя.

В заключение хочу сказать, что для обычного человека, для которого мысль есть высочайшая ценность, молчание ума может быть принято за неспособность мыслить, но это не слабость, а сила. Сила, которая заставляет увидеть мир более истинным и действовать в этом мире более продуктивно и независимо.

Литература:

1 Шри Ауробиндо "Практическая саухана", 1991 г., "Пресса Украина".

2 Сатпрем "Разум клеток", Киев, "Пресса Украина", 1992 г.

3 Шри Ауробиндо Гхош "Синтез йоги", г.Москва, "Никос", 1992 г.

Художник В. Поветкин

Центра
древностей
Страница
музыкальных

Ольга АНДРЕЕВА,
старший научный сотрудник
Новгородского архитектурно-
этнографического
музея "Витославицы"

(Аф.11Д.24) чудесную дудочку герою дарят старичок с небес, Микола Милосливый, старик с рогами, и даже ангел. Таким образом, музыкальный инструмент, с одной стороны, - подарок далекого тотемного предка, стража царства мертвых, а с другой - изготовлен и дан человеку божеством.

Как в русском фольклоре, так и в фольклоре других народов предметы, из которых изготавливаются музыкальные инструменты, нередко связаны с представлениями о загробном мире: кости, черепа, жилы

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В РУССКИХ СКАЗКАХ

Состав музыкальных инструментов, дошедших до наших дней в сказках, легендах, былинах, многочислен и разнообразен. В сказках звучат гусли и дудки, жалейки и пастушьи рожки, скрипки, барабаны, реже балалайки и гармошки. Инструменты обычно изготавливаются самим героем (пастухом, старичком, добрым молодцем), волшебным мастером или даже самим божеством. Одни приносятся герою в дар, другие он находит, меняет у странников или требует у побежденного противника. Как правило, инструмент дается после труднейших испытаний и приключений. С ним герой становится неуязвимым для врагов. Инструмент помогает преодолеть трудности, добиться поставленной цели. Под действием волшебных звуков слушатели начинают плясать или зевают и засыпают, теряют разум или обретают память. На зов пастушьего рожка собирается многочисленное войско, на звук чудесной дудочки сбегаются зайцы (овцы, лошади), наконец, появляется слуга-невидимка, дух-хозяин избушки или подземного дворца, волшебной силой которых может отныне распоряжаться владелец сказочного инструмента.

В русских сказках музыкальный инструмент попадает в руки героя из потустороннего мира, куда обычно доступ непосвященным в магические таинства запрещен. Хозяевами волшебной дудочки или гуслей-самогудов может быть Вихрь Вихоревич, Баба-Яга, волшебный мастер, Кот-Баюн или Волк-Самоглот. Последний заслуживает особого внимания. А.Н.Афанасьев объяснял его как "поэтический образ обожествленного человеком сил природы (тучи, грозы)", делая при этом вывод о том, что инструменты, подаренные волком сказочному герою, - божественный подарок человеку. [1] В начале XX века образ волка трактуется уже по-иному: волк-оборотень, волк-страж соколовиц, волк-колдун, волк-царь преисподней, образ души мертвеца, тотем, то есть предок людей. [2] В сказках "Брат и сестра" ("Звериное молоко") (З.П.5), "Иван-купеческий сын" (З.П.4), "Гусли-самогуды" (Аф.238), "Райская дудочка"

умерших или принесенных в жертву животных и даже людей. Лира сделана Гермесом из панциря черепахи и кожи быка. Мудрый певец и заклинатель Ваянямейнен изготовил пятиструнный кантеле из костей щуки, считавшейся финно-угорскими народами рыбой преисподни:

**"Короб кантеле откуда?
Он из челюсти той щуки.
Гвозди кантеле откуда?
Из зубов огромной рыбы.
Струны кантеле откуда?
Из волос коня у Хийси [3].
Создан короб многострунный,
Кантеле давно готово,
Короб тот из щучей кости,
Кантеле из рыбьих перьев."**

("Калевала", 40-я руна)

В башкирской сказке, записанной в Пермской губернии (З.П.103), герой изготавливает струны и скрипку из кишок сестры, съеденной свекровью-упырем: "Начал играть. Словно языком его скрипка поет:

**"Не играй, не играй, братец:
Спина у меня болит.
Не играй, не играй, братец,
Я сестрица Биби-Гайша."**

В русской сказке "Купленная девушка" струны делаются из человеческих жил: "Повел их мастер в мастерскую, сейчас одного человека на машину распял и стал из него жилы тянуть." (См.4)

Не удивительно, что музыкальные инструменты иногда выступают в качествеместилищ душ умерших. Вспомним сюжеты сказок о погубленных детях, такие как "Три сестры" (Худ.17), "Сказка о серебряном блюде и наливном яблочке" (Аф.569), "Чудесная дудка" (Сад.21) и др. В лесу сестры убивают младшую и хоронят ее. На могиле вырастает тростник или цветок. Прохожий срезает его, делает дудочку, играет на ней, и дудочка поет "голосом девушки:

*"Поиграй, поиграй, дядюшка.
Не ты меня душил,
Не ты меня губил.
Сестрицы губили <.....>
За серебряное блюдечко,
За красные ягодки."* (Худ N 17)

Песня каждый раз обращается к тому, кто играет на дудочке. Благодаря ей раскрывается преступление, совершенное из зависти, в целях получить наследство, в равной степени принадлежавшее всем сестрам. На песню дудочки, изготовленной из выросшего на могиле растения, собираются все люди, среди них оказываются и родственники погибшей девушки. Голос дудочки - это голос девушки, а в дудочке находится ее душа. Во многих вариантах сказки когда дудочку разрезают - девушка воскресает.

О древности этого сюжета можно судить по легендам и верованиям многих народов. У греков есть миф о превращении наяды Сиринги в тростник, из которого Пан сделал свирель, звучащую жалобным голосом несчастной девушки. [4] Индейцы Южной Америки верили, что издаваемые музыкальными инструментами звуки - голоса их предков, пришедших на праздник, а сами инструменты - вместилища сверхъестественных существ. [5] В австралийской сказке "Откуда взялась гуделка" в звуке щепки герой слышит голоса погубленных детей. "С тех самых пор люди стали созывать племена гудением этой щепки. И называли ее гуделкой <...>. Услышав гуделку, сходятся люди всех племен, потому что это голос духа из сновидения и его зову подчиняются все." [6]

Чудесными свойствами обладают не все музыкальные инструменты. В русских сказках овцы пляшут под звуки лишь "заветной" дудочки пастушка. Попытки избалованной принцессы получить пляшущих поросят или овец кончаются неудачей: они перестают быть таковыми, как только расстаются со своим пастухом. Она домой пришла, сама скачет, овечка не пляшет." (К.164) В сходном сюжете ничем помочь не могут и придворные музыканты, так как их инструменты не имеют волшебной силы. "Мальчик зыграл в свою дудочку, и пошла свинья с поросятами танцевать. Музыкантам в обиду сделалось, что по их музыке свинка не пляшет, а у крестьянского мальчика пошла танцевать." (Худ.73, ?ар.)

Заветный инструмент нельзя никому передать, иначе он потеряет свою силу. Именно так происходит в белорусских и украинских сказках, где музыкант продает скрипку черту, но, получив ее назад, уже не может играть по-прежнему, так как скрипка утратила свою душу. [7] Подобные представления в наше время зафиксированы этнографами у русских пастухов, которые считают, что инструмент потеряет свою положительную магическую силу и даже может нанести вред, если попадет в чужие руки. Его незамедлительно сжигали и заменяли другим. [8] Новгородские крестьяне рассказывают: "В трубилке [пастушья рожка] обход спрятан. А если кто дотронется, то потеряется сила, скот собираться не будет, надо новую трубилку, эту не используют больше." [9]

Чтобы играть на заветном инструменте, музыкант должен пройти посвящение, либо знать слова заклинания или заговора. Посвящения обычно происходят, по наблюдениям В.Я.Проппа, в так называемом доме флейт (избушке, мужском доме), где герой, подвергшись серьезным испытаниям, получает гусли-самогуды, дудочки, скрипки. [10] Так происходит в сказках "Безногий и слепой богатыри" (Аф.199), "Три

царства - медное, серебряное и золотое" (Аф.129), "Кожа медвежья - лицо человежье" (З.П.43) и др. Неудивительно, что в "Калевале" ни один из жителей Похьелы, не владея тайной инструмента, не смог играть на кантеле Вяйнмяейнена:

*"У младых ломались пальцы,
Старых головы тряслись,
Но веселье не вскипало
И игра не разгоралась."*

Люди думали, куда деть непослушный инструмент, пока он сам не высказал своего желания:

*"Пусть на мне играет мастер,
Сам своей рукой искусной."*
(*"Калевала"*, 40-я руна)

Непосвященные персонажи, тайно завладевшие инструментом, как правило, становятся жертвами прибывших на звук духов, например, в сказках "Из дудки в дудку" (З.В.25), "Конь, скатерть, рожок" (Аф.186). Обычно это - любопытные старухи и жены, для которых музыкальные инструменты, являясь мужским орудием, были запрещены. Подобные обычаи существовали у многих народов мира. По мнению южноамериканских индейцев, взгляд, брошенный женщиной на священные музыкальные инструменты, способен вызвать гнев демонов. [11] Н.Н.Миклухо-Маклай отмечал, что у коренных жителей Новой Гвинеи, папуасов, музыкальными инструментами могут пользоваться только мужчины. Женщинам и детям запрещено смотреть на них и даже слушать. [12] Места для сборищ мужчин, музыка и все музыкальные инструменты для женщин строго табуировались. "Как только дети или женщины услышат поблизости ай (музыкальный инструмент), они должны убежать. Принадлежности ай вносят в буамбраму [мужской дом - О.А.] и выносят из нее только тщательно завернутыми, чтобы женщины или дети как-нибудь их не увидели." В противном случае считалось, что они от ай заболели и умрут. [13]

В русских сказках существует несколько основных сюжетов, посвященных музыкальным инструментам. Наиболее типичный из них: девушка-птица становится женой героя, царь из зависти, желая отнять жену, поручает принести ему гусли-самогуды. Чаще всего герою предстоит нелегкая дорога в волшебный лес или подземное царство и трудное испытание прежде: "... если выслушаешь ты их в три часа, не выигрыша из ума, - получишь гусли-самопевцы даром; выиграеша - голова долой." (З.В.1) Или: "... как стану я гусли настраивать - чтоб никто не спал! А коли кто уснет да по моему оклику не встанет, с того голова долой!" (Аф.216) Будучи обыкновенным человеком, герой не может противостоять чудесным звукам. Он не справляется с уговором, либо засыпает, либо "гусли заиграли, солдат не мог выслушать четверти часа и выигрался из ума: значит, безумным стал." (З.В.1) Сразу, вслед за этим, герой должен быть подвергнут наказанию, но перед самым его исполнением по именному платку или полотенцу вдруг обнаруживается, что провинившийся является родственником (мужем сестры) хозяина. Это означало, что его надо принять как желанного гостя и выполнить его просьбу. (Аф.216, 238; К.7) Приобретая музыкальный инструмент, герой посвящается в тайну и наделяется властью над людьми и животными.

Другой сюжет: войдя в неизвестный дом, герой находит дудочку. "Дай, - говорит, - поиграю от скуки." Только свистнул - высказывают хромой да кривой: "Что угодно, Иван-Царевич?" С этого момента они выполняют все его желания, предупреждая, что служат только

владельцу дудочки: "Кто в эту дудочку свистнет, мы для того все сделаем. Как прежде Вихрю служили, так и тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка завсегда при тебе была!" (Аф.129) В некоторых вариантах вместо хромого и кривого могут быть слуги, двенадцать разбойников, двенадцать девиц. Все они призваны выполнять волю хозяина дудочки. Музыкальный инструмент в руках человека превращается в очень сильное средство. На звук дудки появляются духи-хозяева инструмента. Это - помощники героя, а по сюжетам некоторых сказок - духи-предки, которых боятся, но используют для достижения своей цели.

Немало сказок, в которых герой пасет свиней, коз, овец, лошадей при помощи пастушьей дудочки или рожка. Удачливый пастушок может даже не находиться постоянно возле стада, целый день гуляет или спит, и лишь под вечер собирает его музыкальным наигрышем. (Аф.238, II Д.24, 26) Сверхъестественную силу чудесного инструмента герой использует, как настоящий пастух, в определенное время и в нужном месте собирая скот, защищая его от диких зверей, уберегая от "нечисти". Когда пастух выгонял стадо, он трубил в рожок или трубу и произносил: "Собирайся, мой милый скот, крестьянский живот, быки и коровы, нетели и малые телята, идите, бежите по своим домам, ко своим хозяевам, как летит из лука стрела, сколь прямо и сколь ярко, назад не возвращается, и как ярыя пчелы сходятся и слетаются в свои ульи, и как малые мураши сходятся к своему царю большому муравью; и как тает и горит уголь в горне, так таяло бы и горело у всякой скотины по скотине пор и сердце по своему хозяине и хозяйке и по мне, рабе Божию, пастырю, по моему трубному голосе." [14] Пастухи, изготавливая на Вознесение свои музыкальные инструменты, нередко использовали для них деревья, выросшие в муравейнике. [15] В то же время муравьям приписывались свойства души, тени мертвеца, а муравейник воспринимался как материализованное "царство теней". [16] Таким образом, пастушья труба, равно как и волшебная дудочка, является вместилищем душ умерших, а ее звук может вызвать появление духа.

Вспомним выражение, столь часто встречающееся в нашей речи, - "плясать под чужую дудку". В отдельных сюжетах герои вынуждают окружающих плясать под звуки своих музыкальных инструментов. Так происходит в сказках о попе и работнике, о помещике и мужике. Напрасно попадья упрекает попа за слабость, что тот, мол, плясал нарочно, ее-то уж никакая дудка плясать не заставит, но лишь только заиграл батрак, не удержалась попадья, в пляс пошла. Не упрятался на чердаке от звуков дудки и поп, вместе с женой опять плясать пошел, а с ним и куры заплясали, и овцы, и коровы, и собаки. (Худ. 73) "На ту пору ехал мимо барин - не то пан польский, не то хан поморский, вместе с дочкою; увидал, что свиньи вприсядку пошли, остановил коляску и сам вылез и дочь высадил - да вдруг как почнет выплясывать; дочь не выдержала да за ним; кучера, лакеи, даже лошади - все в пляс ударились, и до тех пор плясали, пока Иванушка в дудочку играл." (Аф.238, вар.) Сила инструмента оказывается настолько велика, что пляшущие не могут справиться с собой. Они умоляют музыканта прекратить играть, признаются в обмане, обещают помириться, выдать дочь замуж, не добившись пощады, погибают и многое другое.

Музыкальные инструменты способны оказывать воздействие и на представителей потустороннего мира. В известной былине о Садко морской царь под звуки гуслей настолько разошелся, что на море поднялась

сильная буря, утопившая многие корабли. Остановить царя Садко смог, лишь сломав свои гусли. На Смоленской земле записаны поверья о водяном царе, сзывавшем утонувших людей-музыкантов в свой хрустальный дворец и плясавшем под их музыку. [17] В сборнике Д.Н.Садовникова имеется бывальщина о Марине-русалке, где Иван-Курчавый развлекает водяного игрой на гуслях (бандуре). (Сад.124)

Подобные сюжеты встречаются в сказках других народов. Мотив пляски морского царя имеется в карельской сказке-легенде "Водяной и зять мельника", в которой заночевавший на мельнице парень с помощью кантеле избавляет хозяина от водяного, сидящего на мельничном колесе и мешавшего молоту. [18] В японской сказке "Флейтист Санта" герой вызывает свою жену из пещеры черта игрой на флейте: "Заиграл Санта на флейте веселый напев. Запрыгали черти, заскакали, закружились в пляске. Все быстрее играет Санта, все быстрее пляшут черти. Наконец, пьяные и уставшие, повалились они на пол рядами. Храпят так, что пещера дрожит." [19]

Как правило, в сказках "нечисть" не может овладеть музыкальным инструментом, но имеются легенды, в которых инструменты оказываются в распоряжении темных сил и используются против людей. Так, в Радзивилловской летописи под 1074 г. помещен рассказ о надругании бесов над печерским монахом Исакием, которого они заставляют плясать до полного изнеможения, играя на сопелях, гуслях и бубнах. [20] Сам факт включения подобной легенды в летопись, вероятно, был связан с противопоставлением народной (скоморошье) музыки - церковной.

В некоторых сказочных сюжетах звук гуслей, вместо пляски, вызывает безумие ("выигроша из ума") или сон у тех, кто услышит эту музыку. "Скрипка выговаривает: "Спите крепко непробудным сном" - все уснули. Иван Царевич и обвенчался с царевной." (Аф.230) В греческом мифе об Ио Гермес не забывает взять с собой "тростинку шпаторную", чтобы игрой на ней усыпить всевидящего Аргоса. [21] В "Калевале" Вяйнямейнен погружает в сон игрой на кантеле жителей мрачной Похьелы, чтобы увести оттуда чудесную мельницу Сампо.

Д.Д.Фрезер объясняет способность музыкальных инструментов наводить на людей сон исключительно благодаря материалу, из которого сделан инструмент. Представление о магическом сне основано, на его взгляд, на вере в симпатические влияния покойников на дела живых: "Мертвецы, которые не видят, не слышат и не говорят, способны <...> делать глухими, слепыми и немыми живых, если живой прикоснется к костям покойника или вообще к чему-нибудь, связанному с ним." [22] Фрезер приводит несколько примеров такой магии у ряда народов. У русских ему известен случай изготовления свирели из кости покойника. По преданию, во время игры на этом инструменте "все люди, услышавшие эту музыку, должны заснуть непробудно." [23]

В заключение можно добавить, что сказка, в частности, русская сказка является одним из ценнейших источников, содержащих сведения о музыкальных инструментах: их происхождении, о мастерах и музыкантах, о силе, способной воздействовать на слух, душу, поступки людей. Сконцентрировав в себе многовековой опыт и народную мудрость, сказка позволяет по-новому взглянуть на столь привычные и любимые нами предметы, пролить свет на многие тайны, скрытые беспощадным временем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

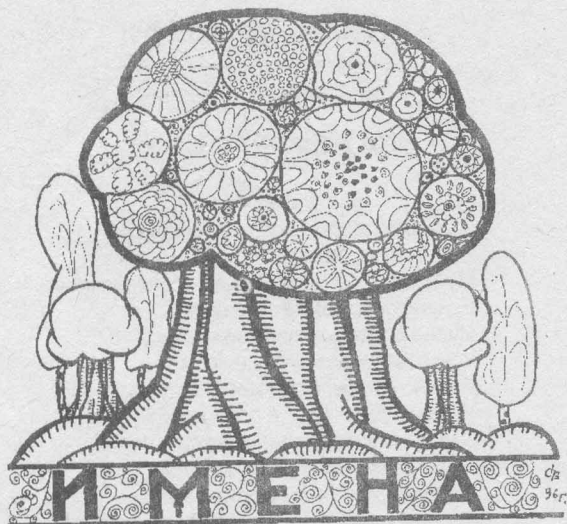
1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 4-х т. М., 1994. Т.1. С. 332-334, 764.
2. Клинггер В. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911. С. 216-242.
3. Хийси - злой лесной дух.
4. Овидий. Метаморфозы / Пер. с лат. С.Шервинский. М., 1977. С. 49.
5. Березкин Ю.Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей. Л., 1987. С. 17.
6. Сказки народов мира: Тысяча и одна ночь / Сост. В.П.Аникин, Н.Н.Никулин, Б.Н.Путилов и др. М., 1987. С. 595.
7. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 196 (сюжет N 779*).
8. См.: Финченко А.Е. Материалы к изучению пастушества на Русском Севере // Полевые исследования института этнографии. 1982. М., 1986. С. 44.
9. Из рассказа Е.К.Горячевой, деревня Креминичи Любытинского района (Полевые материалы О.В.Андреевой - экспедиция НГОМЗ 1990 г. в Любытинский район). Обход - текст пастушеского заговора.
10. См.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 105.
11. Березкин Ю.Е. Указ. соч., С. 36.
12. См.: Миклухо-Маклай Н.Н. Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее // Соб. соч.: В 6 т. Т.3. Статьи и материалы по антропологии и этнографии народов Океании. М., 1993. С.75. То же известно и о южно-американских индейцах. (См.: Леви-Строс К. Печальные тропики. М., 1994, С.220-221).
13. Там же.
14. Мошков В. Труба в народных верованиях // Живая старина. 1900. Вып.4. С.514. Июльский отпуск. Запись С.В.Тучемского в селе Уницы, Петрозаводского уезда Олонецкой губернии.

15. См.: Криничная Н.А. О сакральной функции пастушьей трубы (по материалам северных пастушеских обрядов) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 186.
16. Клинггер В. Указ. соч. С. 206.
17. См.: Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С.55.
18. Крохин В.П. Откуда ведет начало наша былина о Садко — богатым госте // Русская старина. 1908. Т. 136, N 12. С. 749.
19. Сказки народов мира... С. 162
20. Полное собрание русских летописей. Т.38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 79.
21. Овидий. Метаморфозы... С. 48.
22. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: В 3-х вып. Вып.1: Магия и религия. М., 1928. С. 56.
23. Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- Аф. - Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М., 1984—1985.
- З.В. - Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.
- З.П. - Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914.
- К. - Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края. М.; Л., 1934.
- Сад. - Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.
- См. - Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1917.
- Худ. - Худяков И.А. Великорусские сказки. М.; Л., 1964.
- Худ №17 - при ссылке обозначение номера сказки по указанному источнику.

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО,
член Союза журналистов
и член Союза художников России

ОН БЫЛ РАСПАХНУТ ПЕРЕД ЛЮДЬМИ

*“...Поют храмы с картин С.Пустовойтова
наперекор забвенью, хамству, войнам: были, есть,
будем...”*

Александр Шеин

Теперь, когда эпистолярное творчество почти утратило свое назначение и разговоры по телефону заменили долгие раздумья над посланиями друг к другу, тем более удивительными кажутся письма Семена Ивановича Пустовойтова к друзьям, знакомым, коллегам-художникам. Писал он их довольно оригинально, с рисунками на полях (порой это были портреты, наброски, целые пейзажи), со строчками, помещенными вдоль и поперек листа. Порой ему не хватало и самого листа, и тогда строки ложились на конверт, причем со всех его сторон. Я всегда удивлялась, как такие письма, расписанные и разрисованные с внешней, конвертной стороны, исправно доходили по почте. То ли удивляясь “чудаку”, то ли учитывая, что адрес и марка всегда были на месте, но почтовыми работниками никогда не возвращались эти письма ему обратно и исправно добирались до адресата. А мне всегда казалось, что каким-то чутьем почтовые работники понимали: трогать нельзя, перед ними - гений. Настолько незаурядными были эти письма. И еще, наверное, они чувствовали его доверие к ним. Ибо свою информацию он не пытался скрыть в конверте. Вот пришло что-то еще на ум важное, а конверт уже заклеен, и он писал прямо поверх конверта. Казалось, и само запечатывание конвертов было для него чем-то ненужным. Он мог бы его послать незакрытым, но просто знал, что так оно не дойдет.

Ему и впрямь никогда не приходило в голову что-то скрывать от людей. Он был весь, как и его творчество, очень открыт, буквально распахнут перед людьми. И при любой встрече от него можно было узнать очень многое, причем обо всем сразу, от судьбы великого Микеланджело - до домашних неурядиц. Жилось ему далеко не сладко. Но он никогда не жаловался. Казалось, он не понимал смысла заказов на творчество, а просто писал и дарил людям. Раздарил очень много: десятки, сотни больших и малых акварелей с памятниками древнерусского зодчества любимого города. Дарил, как будто делился своим удивительным зрением. Будто раскрывал людям глаза на знакомое. Именно благодаря ему многие новгородцы стали по-особенному ярко, обостренно воспринимать Новгород с его удивительной историей и памятниками старины. Многих он просто буквально вылечил от духовной слепоты. Правда, не успел вылечить от непонимания ценности искусства, ценности его акварелей, а то и от жадности. Интересно, что он не отличал людей плохих от хороших, понимающих в искусстве - от дилетантов, равнодушных к искусству - от тех, кто не мыслит жизни без него, независимо от профессии. Он был похож на булгаковского Иешуа Га-Ноцри из “Мастера и Маргариты”, который считал, что “все люди добрые”, “злых людей нет на свете...” И подобно ему верил, что если людям только дать возможность раскрыться, поговорить с ними, то мир несомненно стал бы лучше. Возможно, поэтому и любил общаться со всеми, даже малознакомыми, случайными встречными, показывая им часто и акварели из своей большой папки. А то по собственной

инициативе шел с рассказами об искусстве (и не только о своем) в больницы и профилактории, на предприятия и в училища. Просто приходил и рассказывал обо всем, что любил, что его тревожило, чем восхищался. Я видела, как люди слушали, откликались, понимали его.

Сам он не производил впечатления сильного человека, - пожилой, седовласый, жилистый, в молодости он был красавцем, но это уже мало кто помнил, разве что фотографии говорили об этом. И все же это был очень сильный человек, очень выносливый, казалось, никогда не болеющий, ибо в любую, даже очень холодную погоду, ходил одетым налегке, в неизменной тубетейке, подолгу и в дождь, и в слякоть писал за этюдником на городских улицах, в кремле. И всегда хотел помочь людям, кого-то выручить, кого-то порекомендовать, кому-то наколоть дрова, кому-то помочь с мастерской, хотя сам почти всю жизнь работал без нее, да так и привык. Во всяком случае, когда Союз художников выделил ему очень хорошую новую большую и светлую мастерскую, он тут же впустил в нее (и надолго) поработать молодую художницу. Помогал всем, кто попадал в его поле зрения, и дарил акварели. В таком количестве, что даже родственникам после его смерти мало что осталось. Но осталось зато многим людям и в Новгороде, и в Одессе, и в Петербурге... По всему свету, как журавлики, разлетелись его акварели, с нашими новгородскими церквями и соборами. Судьба свела его с инвалидом - переводчиком, и он стал хлопотать, чтобы сделать той дома шведскую стенку для занятий спортом. А потом он кинулся организовывать вместе с журналистами газеты “Новгородский комсомолец” выставку-продажу в пользу инвалидов. Причем, как всегда, его об этом никто не просил. Хлопотал о потомках Рахманинова, писал специально для подарка им от города акварели. И любил открывать людям людей, тех, кто был талантлив, но неизвестен, кому не удавалось печататься или выставлять свои произведения. Одним из таких людей был почти никому не знакомый поэт, учитель истории из города Николаева Александр Шеин, которого нет уже в живых.

Вспоминаю:

7.04.88

От зав. отделом молодежных проблем газеты “Новгородский комсомолец” В.Голышева - Семену Ивановичу Пустовойтову:

“Уважаемый Семен Иванович!

Большое спасибо за письмо, за заинтересованное отношение к судьбам инвалидов. Ваше предложение о выставке-продаже кажется нам очень интересным и полезным. Сейчас ищем возможность организации такой выставки. Надеемся, что энтузиасты такого важнейшего дела найдутся. Если вам не трудно, то позвоните мне по телефону 92-618, чтобы договориться о встрече и решить организационные вопросы.

С глубоким уважением

В.Голышев.”

Из письма С.И.Пустовойтова к Т.Б.Зозуленко:

"Новгород. 12 мая 1988 года.

Уважаемая Татьяна Борисовна, тогда, после правления, оставались Д.В.Журавлев, Б.Л.Непомнящий и Е.В.Суцзена... Я сказал об этой выставке-продаже в пользу инвалидов, но у Б.Л.Непомнящего упирался вопрос в помещение; теперь, получив письмо от "Новгородского комсомольца", можно целиком положиться, что "Новгородский комсомолец" поможет это решить, а наше дело, кто имеет желание в выставке принять участие, назначить срок сдачи работ, ибо необходимо, чтобы работ набралось явно столько, чтобы было из чего и делать эту выставку - помощь новгородским инвалидам, подобным Светлане Владимировне Новиковой (переводчика японского языка на заводе им.Ленинского комсомола и другим, кого я не знаю), тем более, я-то могу дать только три акварели, в лист, "Памятники архитектуры Новгорода" - 62х86 см., в рамках, стеклах, а то их-то могут и не купить посетители этой выставки, так что вопрос серьезней, чем я думал. Необходимо объявление об этой выставке в С/х РСФСР Новгорода, а работы можно сдавать Вам!.."

Ваш С.И.Пустовойтов."

P.S.

Я-то думал: принесу в редакцию "Новгородского комсомольца" три акварели им, там сдадут еще желающие помочь инвалидам, причем там могут быть и работы прикладного искусства, одним словом, настоящая выставка, а не "кидание в шайку или кружку", тут сверхчеловеческое дело, ибо я, обладая необъяснимой дурацостью, "умудрился" - за 50 рублей продать Свете Новиковой акварель ("ц. Иоанна Богослова XIV в." 86х62 см), а теперь от нее я узнал, что она не миллионер, решил ей вернуть 50 руб., а акварель подарить, а не продать, ибо деваться некуда, надо как-то что-то да узнавать, а не порхать, подобно мыльному пузырю. Я покажу Вам 15 рисунков (боровичанина художника Александра Павловича Константинова), которому плачу 15 рублей за его 15 набросков, т.к. он делал их, идя по Боровичам, отдыхая, ковыляя к истине, а в Новгороде у него украли... палку, на которую он опирался, - вот как мы помогаем инвалидам, чтобы у них не отнять и то здоровье, что у них есть, а шведской лестницы Свете Новиковой так никто и не может сделать и за деньги, а водки у нее нет!!! (это не юмор.)" ... "Напрягу все старческие силы и Ларисе за торт (на мое 70-летие) сделаю акварель..." (это из другого письма).

Здесь надо сказать, что Светлане Новиковой Семен Иванович продал акварель за такую, с его точки зрения, большую сумму в 50 рублей, не будучи еще с ней знаком и не зная, что она - инвалид. Чаще он продавал акварели вообще за символическую цену - 3-5 рублей, что производило впечатление лишь видимости продажи. Иногда казалось, что Семен Иванович не знает подлинной цены своему искусству, но это было не так. Его акварели покупал и Новгородский государственный музей-заповедник, и другие музеи, коллекционеры, выполнял он и заказы в Художественном Фонде. И, конечно же, знал истинную цену искусству и своим работам, о чем говорится и в одном из его писем, когда женщина оценила его акварель в килограмм крупы - он искренне обиделся. Но к деньгам у него было своеобразное отношение. Он как бы их не замечал, старался обходиться без них, нуждаясь только в минимуме пищи, одежды. Он напоминал странника, который все свое всегда носил с собой - а это была лишь заветная папка с листами для акварели, карандашами и красками.

Рассказывать о Семене Ивановиче Пустовойтове можно еще много интересного. Тем более, что мне посчастливилось не просто знать его и его творчество, но и работать в ту пору сначала ответственным секретарем, затем (художники выбрали) и председателем Новгородской организации Союза художников России, одним из старейших художников которого и был Семен Иванович Пустовойтов. И я тоже часто получала от него письма, часть которых мы сегодня и публикуем, вместе со стихами "открытого" им поэта Александра Шеина.

Александр ШЕИН

Стихотворения из книги

"ЕДИНСТВЕННОЕ"

1960-1970

С радостью дарю - 50 своих криков.
Ели, сосны, березы, осины -
Мудрость корней, листьев - светлая книга.
Екнуло сердце! Нет, не осилит -
Нудно время - надвременных красок!
Узкие дни и безмерные ночи,
Пушек пальбу, мордобитие классов,
Утра улыбку - поэт в себе носит.
Страшно и радостно, тускло и ярко!
Тень потерять, иногда - так захочешь!
Оползни мыслей! Поэзия - явка -
Верных и смелых. Насмешки и хохот -
Отрывка кретинов. Пусть! Не беда!
Йогов пример - в могиле - дышат!
Терпенье, талант - меч у бедра.
Ор - воронов. Поведут на дыбу?
Вечное Слово! Вечные Краски!
Узник на воле. Ржавеют краски.

9.5.1971 г.

ЗЕЛЕНЬ ДРУГ

Деревья к городу не привыкли,
нам только кажется,
что деревья - наши.
Сторожат они улицы
извилистые и прямые,
ветвями в небо дымяное
машут.
Но если прислушаться к их шуму,
особенно ночью,
или утром ранним -
логова бетонные
зверьков умных
им совсем не кажутся раем.
Краешком уха
подслушиваю шелест.
Тусклая зелень лиц.
Шепчет сад:
- Прорастут,
прорастут,
ну, конечно, - прорастут -
через их бетоны леса.

ПОДСВЕЧНИК

Я свеча,
стою меж двух
цветочных горшков.
Вошла женщина,
пыль вытирает.

А я
между двух
цветочных горшков
на серванте стою.

Комната зеленая!
Книги.
Бутылки.
Улыбки прошлые.

О комната зеленая!

На диван-кровати
девушка спит.
Ее тепло,
дыхание
с цветом ковра сливаются.

Насекомые ночные
из щелей,
как солдаты в затишье,
повысунулись.
И уже в рюмке недопитой
мотылек -
застрял,
буксует,
как машина в распутье, -
опьянел,
затих.
Наверно,
сейчас слагает стихи -
мотыльчи,
пьяные.

На все это смотрят
Блок,
Белый,
Брюсов,
Есенин и Клюев.
А меня страшит
веник у двери -
он - словно след рабов
в гробнице фараона.
А за окнами безмолвие,
как после погребения,
или перед ограблением.

Входит мужчина,
ставит меня в подсвечнике на стол,
зажигает,
садится.

Стихи Мандельштама звучат.

ВЫИГРЫШ

Поставить жизнь
на стих -

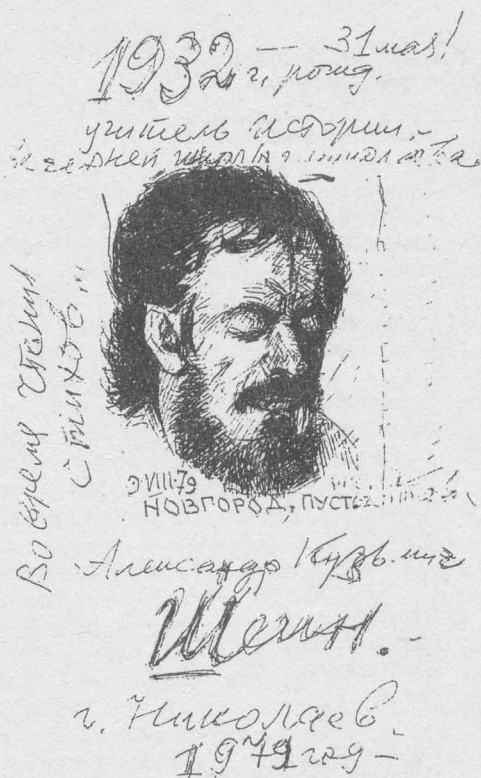
все дни, часы, минуты -
друзей, родных -
на стих поставить
утлый.

Угрозы.
Гнев.
Насмешки.

- Выигрыш когда?
Нелепый!

Морозы летом.
Невский всадник
даров змеиных -
не постиг.

Мелькает с каждым годом
всадник.
Однажды
он крысой юркнет

в подвалы бывшего Сената,
забьется там
под каменный настил.
И пешки,
глыбу обступив, -
земля обетованная!? -
смирись,
зевнут,
потрутся друг о дружку,
разойдутся.
Змея монгольская останется.

И для поэта
исход один -
поставить жизнь -
на стих!

А выигрыш -
в любой -
даже кровавый -
миг.

АНТОНЦЕВ МОНАСТЫРЬ

...Быстро
малым там-тамным человечком
вдоль Волхова иду.

Арка ворот.
Головы белых церквей
почернели.

Червей
копают
отроки
на взгорье.
На заборе -
крынка древняя -
времен Кащея Бессмертного -
забыли снять.

Мерно,
словно деревня,
город
к монастырю подступает...

Эпитафий
не прочтешь
на кладбище монастырском -
стерты!
Обломки надгробий,
будто куски чьих-то тел,
в траве лежат...

Словно по лестнице
километровой
в храм вошел.

Шорох
крыльев
голубиных.

В глубине ниши -
цветов полевых букетик -
как лампадка -
светит.

Лик 12-го века.
И словно довод веский,
в фреску -
- Деяния Антониевы -
стержень железный
вбит.

Тишина -
и в трещины -
будто море в батискаф
раздавленный -
хлещется небо.

Кашель -
- Обедать пора.
Завтра досмотрите!

Музейный быт -
немытое стекло.

По плитам -
щербатым,
словно посуда дедов,
девочка идет -
с цветами.

Радостно.
Светло.

*Дорогому Семену Ивановичу в дни моего
присутствия в граде Новгород*

7.VIII-87

РАДОСТЬ

Какие слова ко мне идут!
Какие овраги на их пути!
Какие гроздьи и чувств, и дум!
Какие реки - и Волхов, и Тибр!

И я среди этого оползня живу.
Встаю, ухмыляюсь. В трамвай сажусь.
И черепа моего каждому шву -
твержу: - Посеял!? Прими и сжуй!

Я - это я! Но и тело - я.
А солнце плывет опять на закат.
И сколько колдобин, болот и ям!
Но запахи шлет заоблачный сад.
27.5.86г.

ГРОЗА

Хотел бы иметь голубые глаза
И рубль неразменный,
И чтоб поутру прилетела оса,
И сгнули ложь и измены.

А взгляд мой пророс в заоблачный сад,
Где все - и россы, и гунны,
Где друг мой, и Пушкин,
И я сам,
Где прах покидает урны.

Все больше света. Вдали гроза.
И радостен гром бессмертный.
Зачем теперь голубые глаза?
Зачем рубль неразменный?
1955г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В телевизоре мрачный генсек.
Вертолеты с грузом свинца.
И сердца испуганных рек.
И семья потеряла отца.

Киев. Лавра. Креститель. Днепр.
Как очистить святые места?
И газетный шорох нелеп.
И с молитвой один из ста.

Преподал нам Господь урок.
И тому, и новому миру.
Пусть в бетоне злобы комок,
Но зовет он к последнему пиру.
5.86г.

НАДЕЖДА

На земле и на крышах снег.
Туман. Моросит дождь.
А воробьи уже по-мартовски верещат.
Через несколько дней еще раз умрет вождь,
И ляжет в бронзу, а не в гроб дощатый.

С утра было весело. А сейчас стало грустно.
И собака больная в углу тяжело дышит.
А ведь через какой-то месяц трава зазеленеет
прямо и густо,
И воздух будет пахнуть вагонами и дымом.

Всего несколько недель, и многое уйдет.
И ты не знаешь, что будет в конце горстки этих дней.
И предчувствие часто подводит и врет.
И надежда лишь на дыхание лесов и полей.
2.86г.

Владимир СЫТЕНКО,
мастер по бересте

“Изделия из бересты - это тепло солнца и рук мастера” - под таким девизом мы работаем. Мы - Владимир и Татьяна Сытенко, мастера по бересте. Занимаемся прорезной берестой шестой год. Работа с берестой - вся наша жизнь, и иного ремесла мы себе не представляем, хотя ремесло само по себе не из легких.

Господин Великий Новгород испокон веков слыл городом далеко не бедным. Это явилось одной из причин того, что плетение из бересты в Новгороде появилось, как считают, лишь в конце XIX века. При возможности покупать добротную обувь из кожи не было необходимости носить лапти из лыка и бересты. О том, когда появились изделия из пластовой бересты, можно судить по первой найденной при раскопках в Новгороде берестяной грамоте, которая написана мальчиком Онфимом в XII веке на донышке берестяного туеса. Пробы прорези и тиснения на пластовой бересте проявлялись в XVII-XVIII веках. Но, может быть, говорить об истоках и тем более школе (подобной Великому Устюгу) работы с прорезной берестой именно в Новгороде - будет, мягко говоря, неверно? В великом граде Новгороде, где хватало места гончарам, кожевенникам, кузнецам, ювелирам, где существовала школа иконописи, - и вдруг не нашлось места бересте. В древнем городе, где почти все население было грамотным, где счет найденным берестяным грамотам, подтверждающим это, ведется на сотни - и вдруг забвение бересте. Впрочем, не совсем забвение. Под нижний венец срубов деревянных строений всегда подкладывалась береста, дабы предотвратить гниение, ибо береста - прекрасный антисептик. Я разговаривал с пожилыми людьми - новгородцами, которые рассказывали о том, что их деды и бабушки делали из пластовой бересты туеса под продукты - подобие ведер (по типу кульков с распоркой на дне) - под картофель. Для меня это было откровением. Жаль, что документально нигде не подтверждено. (Полтора года назад народный мастер по бересте из Санкт-Петербургской области В.М.Сартаков беседовал с археологом Э.К.Кубло. Мастер был несколько удивлен тем, что есть основания полагать, будто возникновение плетения из бересты в Новгороде относится лишь к концу XIX века. Конечно же, речь идет лишь о городе, а не о новгородских деревнях, где это ремесло - одно из древнейших.)

Итак, как же обстоят сейчас дела с берестой в Новгороде? Есть школы и студии по плетению из бересты, претендующие на традиционность промысла. Есть разрозненные мастера по пластовой бересте: тиснение и прорезь. Если в плетении из бересты нет особых различий в работе с материалом, то в работе с пластовой берестой влияние известных школ и местной заметно ощущается. Впрочем, нет нужды говорить о влиянии техники мастеров Севера, Великого Устюга, Томска, Кемерово, если в Новгородской области мастеров по прорезной бересте хорошего уровня не более десятка. На мой взгляд, давно заслужили внимания мастера, использующие элементы традиционной новгородской тематики применительно к прорезной бересте.

Береста - это благодатный материал для творчества. Она прекрасно поддается прорези и тиснению. Береста любит человеческие руки. Изделия из бересты излучают солнце, тепло, в них душа мастера. Не сравнить изделие ручной работы - и штамповку. В штамповке нет души, нет мысли. Прорезная же береста требует терпения, настроения, работа довольно трудоемкая. Однако какое это счастье - воплотить свою задумку, замысел в изделии! Хотя наша повседневная жизнь и тут вносит свои коррективы. Приходится работать и “на быт”, зарабатывая на жизнь заказами и изделиями “широкого потребления”. Вот и оставляет мастер по бересте на потом то, что желаемо, что хочется сделать. Важно не потерять при этом “свое лицо”, добиться в результате качества изделий. Есть в этой работе и приятные

моменты - дать гарантию на свое изделие на полста лет. Разумеется, при надлежащем уходе.

Как я уже говорил, мастеров по бересте не так много, по сути, единицы. Между тем предприятия по изготовлению народных промыслов пользуются льготами по налогообложению, а вот мастера, которых “обозвали” предпринимателями, таких льгот не имеют. Есть еще немало проблем. Например, шустрые перекупщики умеют найти места сбыта и узаконить их в местных органах власти. А мастера декоративно-прикладного искусства приравнены к уличным торговцам, которых следует “изгонять и не пущать”. Вот и получается, что многие ремесленники едва сводят концы с концами, работая по 14-16 часов в сутки на какого-то дядю.

Береза почему-то считается сорным деревом: никто ее не сажает, а она растет. В то же время береза всегда была любимым деревом у славян. Действительно, даже туес или шкатулка из бересты прекрасно сберегает содержимое. Золото и серебро не тускнеет в изделии из бересты, продукты прекрасно хранятся. Об этом наши

предки хорошо знали. Но, по-моему, немалую роль здесь играет и искусность рук человеческих. Именно в руках мастера береста приобретает красоту, изящество изделия - на долгие годы. В одной из берестяных грамот, найденных в Новгороде, говорится: “Я послал бересту...” Да будет так. И пусть она приносит вечно людям покой и радость.

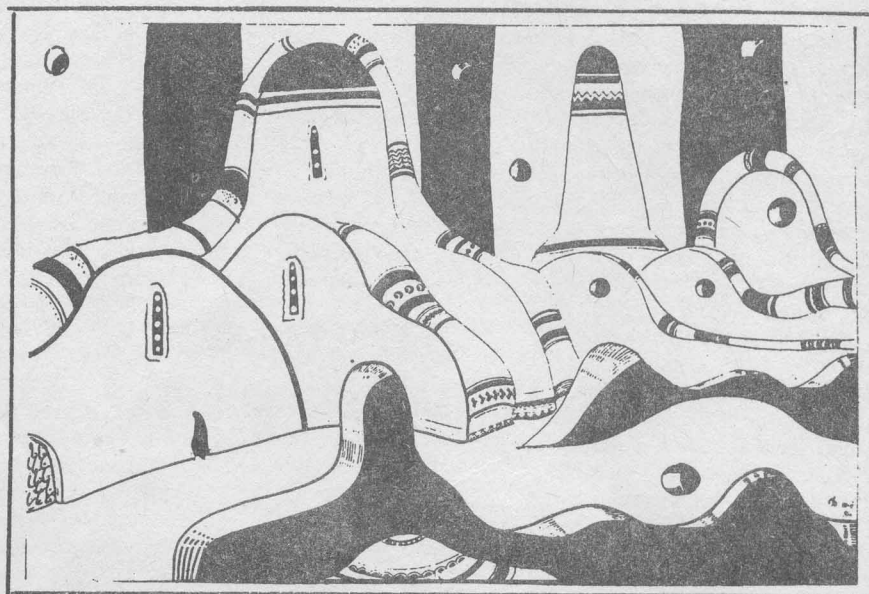
БЕРЕСТА ЛЮБИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РУКИ

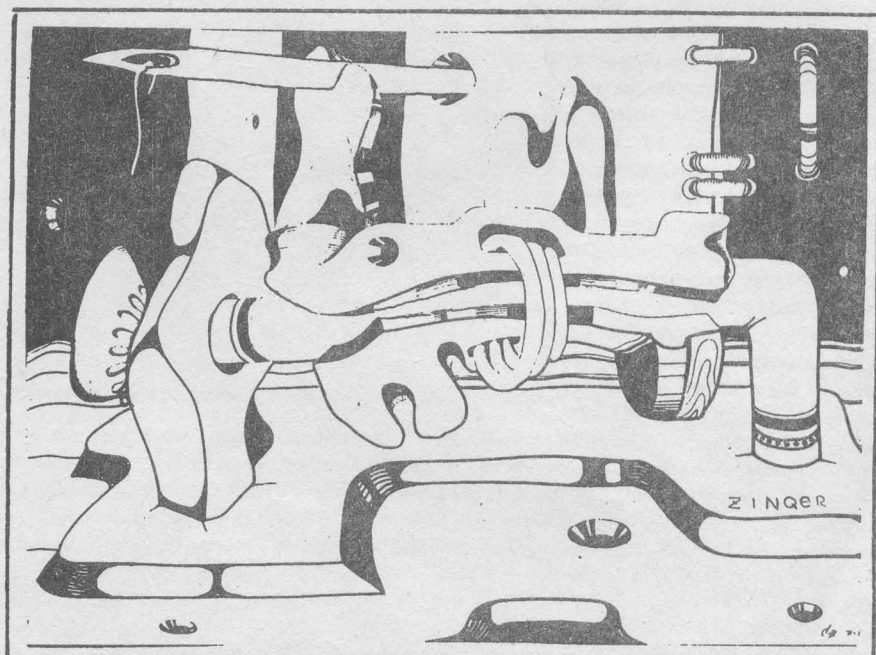

Владимир Николаевич СКРИПКИН,
художник нашего журнала. Ему 49 лет, около 30 лет занимается живописью. Сейчас начал заниматься и графикой. Его принцип в искусстве: "в природе существуют любые виды изобразительных гармоний, художник лишь открывает их. Его дело опознать гармонию, ее "хвосты" в природе и рукотворно создать ее на холсте."

Новгород - Бухара
(тушь, перо, 100x75 см)

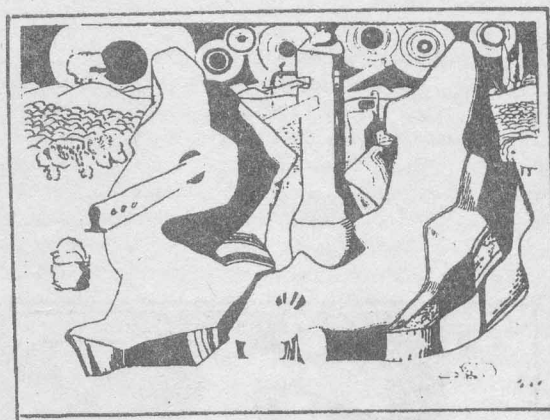

Швейная машина "Зингер"
(тушь, перо, 100x75 см)

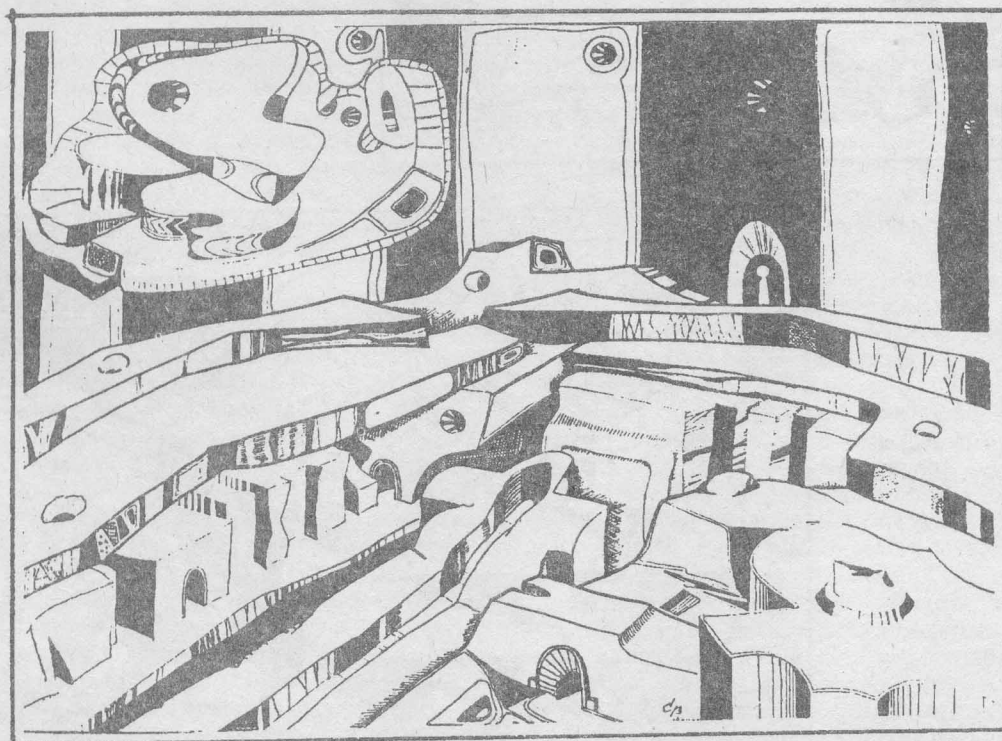

Умиление
(тушь, перо, 100x70 см)

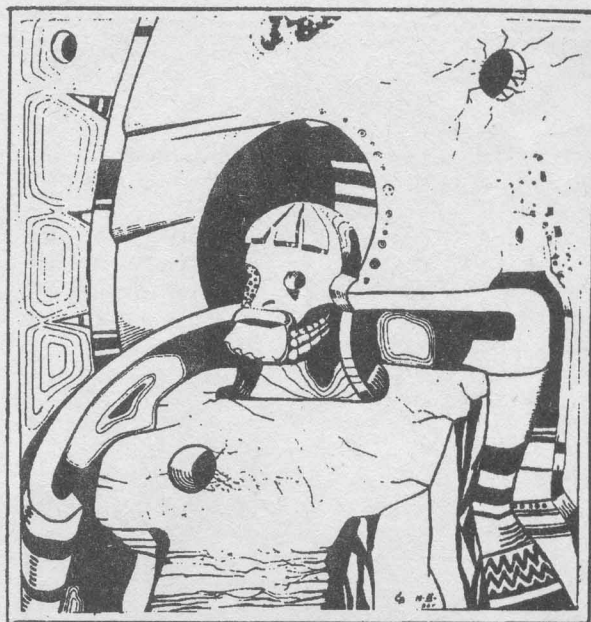

Жажда
(тушь, перо, 100x70 см)

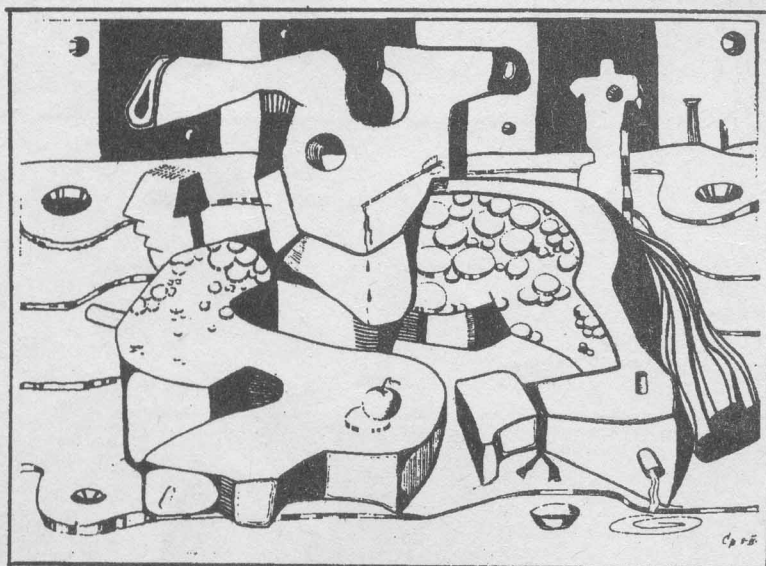
Израиль
(тушь, перо, 100x70 см)

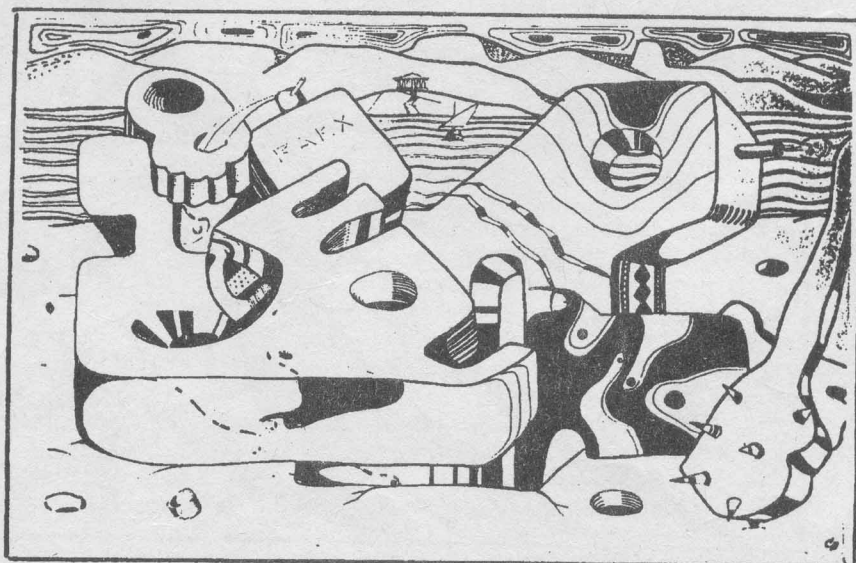
Автопортрет
(тушь, перо, 70x75 см)

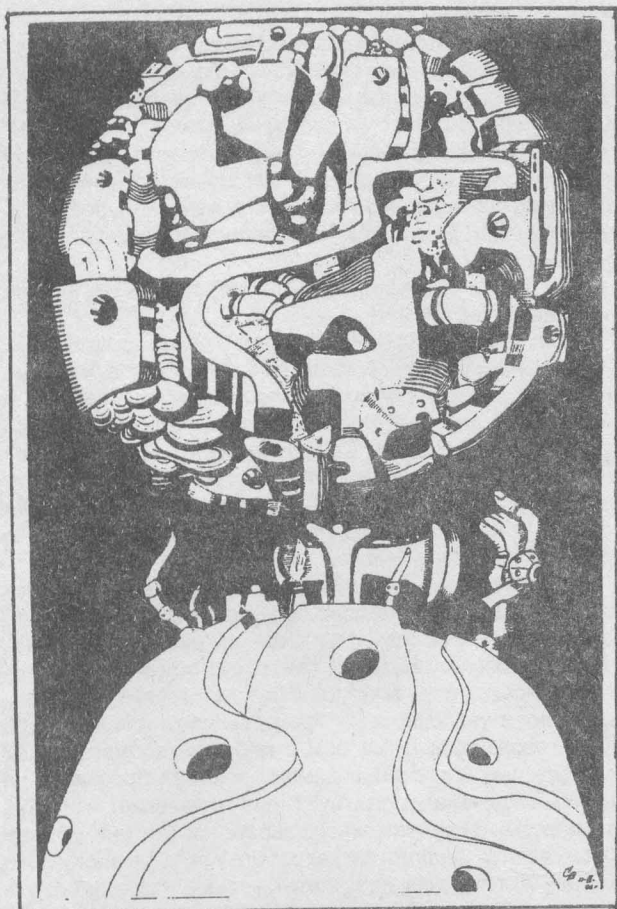

Смерть кентавра Хирона
(тушь, перо, 90x70 см)

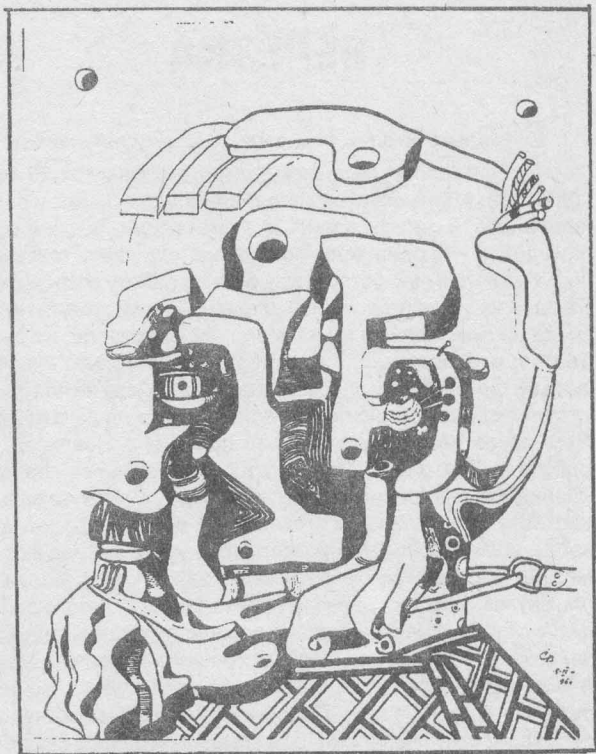

Геракл на отдыхе
(тушь, перо, 100x70 см)

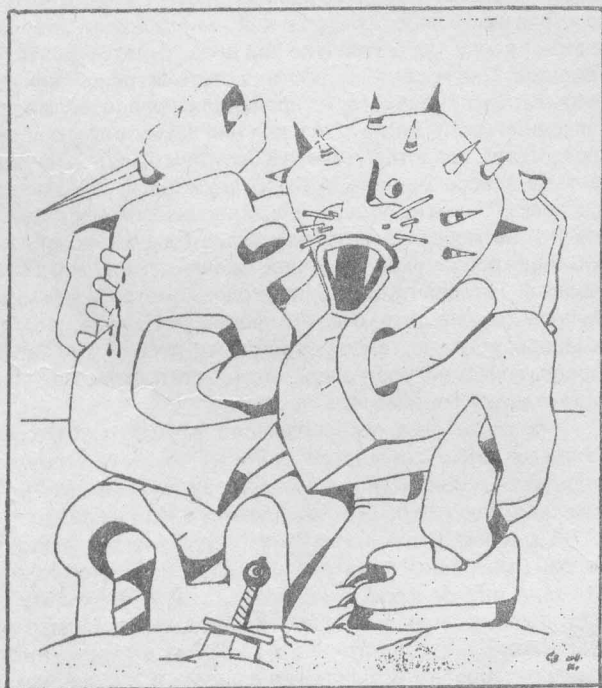

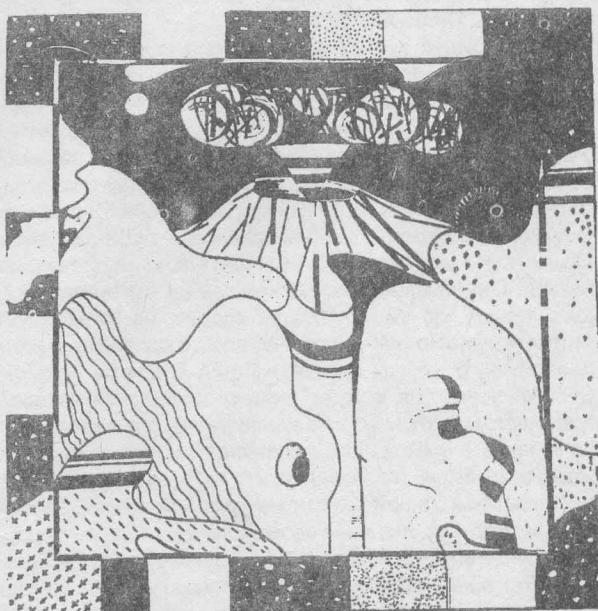
Космос - алтарь
(тушь, перо, 100x70 см)

Автопортрет
(тушь, перо, 80x70 см)

Бой гладиатора и льва
(тушь, перо, 70x70 см)

Вулкан
(тушь, перо, 70x70 см)

Алексей ПШАНСКИЙ,

зав. литературной частью
Новгородского областного
театра драмы

БЕРЁЗКА

Буквально на днях, после шестнадцати лет знакомства и совместной работы, мы выяснили, что, оказывается, 20 января 1980 года, в День освобождения Новгорода, мы оба, и я и она, впервые в жизни оказались в этом городе, и даже одним поездом: я - на один день, показаться худсовету театра и по возможности в него устроиться, она - на работу в тот же театр, уже в качестве приглашенной актрисы. Разумеется, пути наши тогда не пересеклись ни в поезде, ни на вокзале, ни даже в театре; и не подсказало мне шестое чувство, что в этом же поезде, где-то совсем рядом, готовится к выходу на платформу самая любимая мною по сей день актриса нашего театра... Еще через два месяца я снова приехал в Новгород, уже работать. Театр в это время готовил к премьере спектакль "Синие кони на красной траве" по Шатрову. Не зная еще, как кого зовут, кто есть кто в этом театре, во время репетиции я как-то зашел за кулисы и увидел стоящую на выходе актрису, мне незнакомую (как и почти все прочие). Я поздоровался, она улыбнулась, кивнула, а потом произошло нечто неожиданное, меня сперва ошеломившее и даже испугавшее: она вдруг заплакала навзрыд, залилась настоящими, живыми слезами, а еще через пару секунд выскочила из-за кулис и точно на реплику вошла в сцену. Подобная степень эмоциональной включаемости поразила меня: я слышал, что такое бывает, но никогда ничего подобного вблизи не видел, хотя и вырос, можно сказать, за кулисами. В этой неожиданной "истерике" не было ни грамма фальши, ни капли актерства, и я, стоявший в двух шагах, ни на секунду не усомнился в искренности ее слез. Тогда, правда, я не знал еще того, что знаю сейчас: главная профессиональная добродетель, главная особенность этой актрисы - предельная, подлинная искренность. Этот случай был первым моим сильным впечатлением в новгородском театре; тогда же я узнал имя этой актрисы, чтобы никогда уже его не забыть: **Люба ЛУШЕЧКИНА.**

Говорят, существует какая-то зависимость между именем или фамилией человека и его характером, сутью, его, как теперь говорят, "имиджем". Не берусь судить, насколько верно это утверждение, но в случае с Любой оно правомерно: мягкая, всегда приветливая улыбка, ненавязчивая манера общения, эмоциональная уравновешенность, тихая задумчивость и какой-то, если можно так сказать, "душевный комфорт", который она непременно с собой привносит, как нельзя более соответствуют ее нежной, "уменьшительно-ласкательной" фамилии. Она немногословна, никогда не митингует ни по какому поводу, почти никогда не спорит, не "генерирует" отрицательных эмоций, - возле нее всегда как-то тихо, уютно и спокойно. В то же время нельзя сказать, что она исключительно "вся в себе", что отстраняется от всего окружающего и знать никого не желает, - нет: она живет той же жизнью нашего небольшого закулисного мирка, у нее те же заботы, те же будни и праздники, что и у всех нас, участвует во всех формах нашей внутритеатральной жизни, умеет и шутить, и смеяться, и мнение свое отстаивать, но делает всегда это мягко и деликатно. А в первые месяцы работы в Новгороде она вообще почти не разговаривала - только улыбалась и все писала, писала какие-то длинные нескончаемые письма...

- Люба, кому ты так много и часто писала?

- Всем своим друзьям, знакомым актерам и режиссерам
- с призывом о помощи: хотелось бежать из этого города,

куда глаза глядят...

- Тебе так не понравился Новгород?

- Сначала я просто была "в шоке". Меня поселили в гостинице "Садко", я глянула в окно - метров через двадцать вал, и город кончается. Спросила: далеко ли до театра? - ответили: да нет, рядышком - две остановки... Театр в двух остановках от края города! И это после Алма-Аты с ее столичной обустроенностью и академическим театром в самом центре! Мне показалось, я попала в такую "дыру", что дальше некуда.

- Как же ты столько лет смогла проработать в столь нелюбимом городе?

- Нет, сейчас я люблю Новгород. Театр, правда, так и не стал "моим" театром в той степени, в какой был алма-тинский, но сам город меня более чем устраивает; и не только тем, что небольшой и тихий, но атмосферой, душой, что ли... Это множество церквей, которых я даже названий не знаю, но важно, что они тут есть... Я долго не принимала Новгород, но теперь это мой город, он мне соизвучен, мне здесь комфортнее, чем когда-то в большом городе. Теперь здесь мой дом...

Вот так однажды Люба попала в новгородский театр, и сама этого испугалась. Каким же образом она попала в театр вообще? Надо сказать, что на подмостки традиционно ведут несколько путей. Одних приводит в театр семейная традиция: напивавшись с детства закулисным духом, они себе иной жизни не мыслят и уверенно идут проторенной "дорогой отцов". Другие, заразившись театром в кружках художественной самостоятельности, с энтузиазмом неофитов бросаются на высокое служение искусству. Иных привлекает иллюзия божественной жизни и непыльного заработка (но они обычно задерживаются недолго, так как работа у актеров достаточно тяжелая, а деньги за нее платят весьма незавидные). А некоторых приводит в театр случай (или ряд случаев и совпадений), который в конечном счете обретает некий судьбоносный смысл и может называться уже не Случаем, а Судьбой, особенно если приводит в театр такую актрису, как Лушечкина. Выросла она в городе Свердловске, в семье большой и дружной, но о театре имеющей разве только самые общие представления: отец работал слесарем, мать вообще не имела какой-либо определенной квалификации, старшие сестры (а их у Любы три) и по сей день трудятся на заводе Уралмаш. Она никогда не мечтала стать актрисой, никакой склонности к лицедейству не проявляла; правда, если в дом приходили гости, могла спеть для них пахмутовскую песню про геологов, представляя себя в будущем певицей, но уже в третьем классе маленькая Люба одумалась, и о карьере творческой более не помышляла. Младший ребенок в семье, она тем не менее не страдала эгоцентризмом всеобщего любимца - росла тихой, скромной, не очень уверенной в себе девочкой, которая любила одна уходить смотреть, как мимо идут поезда, и мечтать - о чем-то прекрасном, о чуде, которое, наверное, ждет ее там, куда идут эти поезда... А вот на определенный вопрос: кем ты хочешь стать, девочка? - она тогда ответить бы, наверное, не сумела.

- Я долго не могла определиться с будущей профессией. Мечты в этом смысле не было никакой. Но точные предметы у меня шли лучше, чем гуманитарные, и по окончании школы я решила поступать в УПИ на физмат.

Но судьбой, видимо, уже было твердо решено внедрить Любовь Дмитриевну в театр, и на первом же вступительном экзамене она благополучно срезалась. А поскольку до следующей попытки был еще целый год, и чем-то этот год заниматься надо, она устроилась на работу в свою же школу физиком-лаборантом. Здесь она сошлась с "товарищем по несчастью" пионервожатой Валеи, которая тоже коротала время в ожидании следующих вступительных экзаменов. Эта Валя, одержимая навязчивой идеей непременно стать актрисой, уже

пятый или шестой год штурмовала все доступные театральные учебные заведения страны, проваливалась, но присутствия духа не теряла, проваливаясь в очередной раз. Вот она-то, видимо, испытывая потребность в соучастнике, и принялась уговаривать Любу попробовать поступить с нею вместе в театральное училище. Люба долго отмахивалась от этой затеи как от несерьезной, но подруга наседала, а тут еще и учительница литературы Людмила Александровна поддержала целеустремленную Валу, и Люба наша сдалась. Людмила Александровна, ставившая некогда ей двойки за сочинения, теперь сама нашла для нее вступительный материал - "Легкое дыхание" Бунина и какие-то стихи про березку (так Лушечкину до самого выпуска потом и звали - Березка), и на следующее лето Люба, движимая скорее состраданием к подруге, нежели любовью к искусству, отправляется вместе с Валею на вступительные экзамены в Свердловское театральное училище. В результате этой авантюры пионервожатая Валя традиционно провалилась, а Люба в училище поступила, причем не просто поступила, а, можно сказать, вошла в него триумфально. Это я знаю уже не с ее слов - об этом рассказывали люди, закончившие СТУ позже, которые ее и в глаза-то никогда не видели, но фамилию Лушечкина хорошо знают, потому что осталась она своего рода легендой училища. Начнем с того, что ее сразу, прямо с экзамена, хотели взять на второй курс, но мастер первого курса не согласился под тем разумным предлогом, что обучать следует сначала, а не с середины. Училась она на повышенной стипендии, закончила СТУ с красным дипломом. Будучи студенткой, играла заметные роли в ТЮЗе, на местном телевидении. В чем же был секрет такого неожиданного успеха?

- Не знаю. Может быть, мой инфантилизм каким-то странным образом перерос в искренность и непосредственность; во всяком случае, мне говорили, что ценили меня именно за искренность. Я тогда верила всему, что мне предлагали, могла выполнить любую поставленную задачу, потому что сразу же в нее верила. На одном из вступительных туров меня попросили: придумай какой-нибудь лозунг, скажи что-нибудь такое, чтобы мы все тебе поверили и пошли за тобой. Что я могла придумать? - только то, что отвечало моему тогдашнему состоянию: я распахнула окно и крикнула: "Люди, давайте жить честно и красиво!" В тот момент я абсолютно верила себе. Сейчас уже, наверное, так не смогу...

Вадим Михайлович Николаев, мастер любинского курса, первый "открыл" и сформулировал творческий план, "амплуа" будущей актрисы: лирическая героиня. Когда Любу усиленно звали работать в свердловский ТЮЗ, он ей сказал: "Хочешь себя загубить - иди, но тогда забудь, что ты моя ученица: ТЮЗ - это не твоё дело, и я за тебя не отвечаю." В ТЮЗ Люба не пошла, в свердловскую драму, куда ее звали, - тоже; выйдя из училища, она отправилась в Ижевск, куда главным режиссером был назначен один из преподавателей СТУ Александр Андреевич Блинов. Сценическим дебютом Любы (если не считать работу во время учебы в ТЮЗе и на телевидении) стала роль Раисы в "Женитьбе Бальзамина" на сцене ижевского

театра. А дальше... как-то не сложилось все настолько, насколько ожидалось. Нет, роли были - и Вероника в "Вечно живых", и "Московские каникулы", но не было того творческого взлета, вспышки, чуда, на которое хотелось надеяться. Большую часть времени колесили по Удмуртии, играли по пять сказок в день в клубах, на открытых площадках, на специально приспособленных бортовых машинах. Да и режиссер, за которым Люба поехала, вскоре ушел из театра. Самое яркое, что запомнилось от ижевского периода, - природа. "Если в Сибири природа красивая, то в Удмуртии она роскошная", - вспоминает Лушечкина. Но с работой в Ижевске дело обстояло не так роскошно, как с природой, и наша Люба с отчаяния делает величайшую глупость, которую никогда больше в жизни не повторяла: увольняется из театра, не устроившись предварительно в другой, и уезжает в Свердловск, к маме.

- Вот когда я впервые ясно поняла, что не могу существовать без работы. Эти полтора месяца вынужденного

безделья я буквально выла от тоски, срывалась на людей, как цепная собака. Надо было срочно устраиваться; друзья подсказали, что Южаков - главный в Томске, и я срочно поехала в Томск...

Игорь Александрович Южаков, тот самый, который хотел когда-то взять Любу прямо со вступительных экзаменов к себе на второй курс, честно ей признался: "Я, вероятно, скоро отсюда уволюсь, так что тебе нет смысла сюда устраиваться. Но как только получу где-нибудь театр - сразу же тебя вызову." С тем Люба и вернулась домой, где ее уже ждала телеграмма из Ижевска, - там катастрофически не хватало актеров; и еще месяцев пять ей пришлось любоваться роскошной природой Удмуртии.

Южаков сдержал слово: став главным режиссером Алма-Атинского академического театра драмы имени Лермонтова, он тут же отправил в Ижевск телеграмму с официальным приглашением на работу, и Люба немедленно, не теряя

времени на любимые ею поезда, самолетом отправилась в Алма-Ату.

- Я первый раз в жизни летела самолетом, - было непривычно, интересно, и немного жутковато. Но когда стали снижаться, я забыла и про свои страхи, и вообще про самолет - перед куда более сильным впечатлением: я увидела горы, впервые в жизни, - это было потрясюще; в голове зазвучали песни Высоцкого из "Вертикали"... Когда меня везли в гостиницу, я, тоже впервые в жизни, увидела пирамидальные тополя... Алма-Ата "захватила" меня сразу...

Красивый столичный город, невиданная ранее южная природа, академический театр с историей и традициями, - все это произвело на нее впечатление, ощутимое до сих пор. Труппа отличалась солидностью и обилием званий: сплошные народные и заслуженные; еще работали актеры, эвакуировавшиеся сюда во время войны. И в этом "реликтовом" театре наша застенчивая и скромная Люба сразу получает Алену - главную женскую роль в пьесе Рождина "Муж и жена снимут комнату"! И труппа, и цеха - все ходили на репетиции смотреть: что ж это за новая артистка такая? Может, смущенная пристальным вниманием театральных китов и мастодонтов,

Любовь ЛУШЕЧКИНА

Люба растерялась, а может, как она говорит, на том этапе не сумела чего-то сделать, но в работе начались непонятные сбои. Постановщик спектакля И.А.Южаков, сам назначивший ее на роль Алены, да и вообще взявший ее в театр, стал заметно выражать недовольство ее работой, отрицал все, что она предлагала, высмеивал ее на репетициях (а на сцене это ой как тяжело переносится), и в конце концов закомплексовал до такой степени, что нормально работать она уже не могла. Кончилось тем, что на роль Алены дополнительно была назначена другая актриса, более опытная (кстати, жена режиссера-постановщика), она же сыграла премьеру, и все последующие спектакли играла тоже она. Потом сезон закрылся, театр отправился на гастроли во Фрунзе, а Люба, практически не вошедшая еще в репертуар (и, следовательно, на гастролях не нужная), поехала в Свердловск, к маме, переживать свою первую неудачу, как ей тогда казалось.

Пока Люба в родительском доме залиывала душевные раны, во Фрунзе происходили следующие баталии: могучая алма-атинская труппа, рассорившись со своим главным режиссером, собрала вече и "указала ему путь", выражаясь языком летописным. Южаков ушел из театра прямо с гастролей, а с ним, естественно, и его супруга. Алену играть стало некому, понадобилась замена; вот тут и вспомнили про Любу, которая эту роль все-таки репетировала. Вызванная срочной телеграммой во Фрунзе, она с двух репетиций вводится в спектакль, и... и с этого момента артистка Лушечкина, как говорят в театре, "пошла", или, как говорит она сама, начался ее "звездный час". Теперь ее признал и полюбил весь театр - и "мастодонты", и простые смертные, и цеха; на нее посыпались роли, зрительское признание, цветы, успех...

- *Никогда - ни до, ни после Алма-Аты, мне не было так хорошо. Я жила в атмосфере любви, творчества, доброты, в красивом городе, в прекрасном театре. Продолжалось это всего пять лет, но большая часть меня так и осталась там.*

Режиссура баловала ее прекрасными ролями - она сыграла Нину Заречную в "Чайке", Любу в "Фантазиях Фарятева", Марию в "Вестсайдской истории". Зрители в кассе спрашивали: играет ли Лушечкина? - и, если играет, брали билеты. Поклонники ее таланта дожидались у служебного входа, присылали цветы, записки, а один из наиболее ретивых однажды скупил на базаре все пионы, любимые Любины цветы, и сложил к ее ногам (а это по масштабу все-таки южный базар, а не наш, северо-западный). У нее все получалось, в нее верили, ее любили, она купалась в успехе, - что еще нужно актрисе для полного счастья?

- **Луша, как же ты от всего этого смогла уехать?**

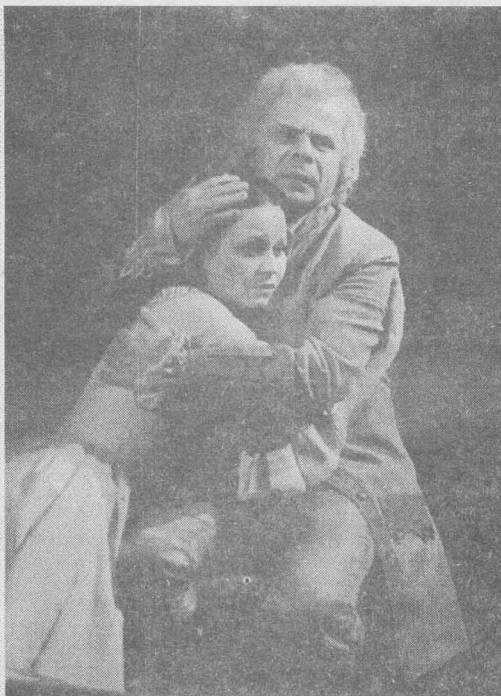
- *Это очень личное... Я росла домашним, тихим ребенком, и, когда выросла, такую же инфантильной и осталась. Не столько жила, сколько мечтала о жизни. В училище сторонилась всяких "богемных" посиделок, одна из немногих не пробовала курить... Когда уже в 21 год мне предложили выйти замуж - я по-настоящему испугалась: в то время, стыдно сказать, еще и не целовалась-то ни с кем. И когда в Алма-Ате пришло то чувство, о котором, казалось, я мечтала - настоящее, высокое, - оно захватило меня всю,*

без остатка... Ну, а когда все закончилось, я была опустошена совершенно.. В театре все было прекрасно, квартиру должна была вот-вот получить... Друзья говорили: не делай глупости, твоя судьба здесь, - но я не могла больше оставаться в этом городе, готова была бежать, куда глаза глядят... А тут Алексей Павлович подвернулся...

Алексей Павлович Чаплевский как раз должен был ехать принимать новгородский театр. Он пригласил Любу с собой, и она поехала "куда глаза глядят", то есть в Новгород. Испугавшись поначалу нестоличных новгородских расстояний, она затосковала, но, наученная горьким ижевским опытом, уже не стала увольняться из одного театра, не договорившись прежде с другим, и принялась усердно рассылать письма во все концы Союза, в надежде все-таки уехать. Но поменять театр в разгар сезона сложнее, чем в конце, и Люба решила доработать этот сезон, съездить на гастроли, а потом и распрощаться с чистой совестью. Так бы оно, наверное, и было,

и сидели бы мы тут без артистки Лушечкиной, если бы жизнь не внесла свои благотворные коррективы в ее план...

В то лето на гастролях в Брянске и Чебоксарах наш театр имел возможность наблюдать развитие потрясающе красивого романа, открытого, самозабвенного, со всеми атрибутами жанра, романа, про который ни у кого не возникало желания почестать язык, которым только любовались. Героем Любиного романа стал бывший тогда заведующий радиоцехом, ныне законный ее супруг Витя Шагалов. Думаю, именно ему театр обязан наличием в своей труппе этой актрисы. По образованию он радиоинженер, по призванию, наверное, тоже, - во всяком случае, всевозможными схемами и компьютерами он занимается как в рабочее время, так и в нерабочее. Он и сейчас трудится в театре, но его ведомство находится далеко от сцены и с творческой стороной театра почти никак не связано. На работе они встречаются, только если специально друг к другу в

Сцена из спектакля "Коварство и любовь"

гости зайдут.

- **Интересно, не вредит общности интересов такая разнородность профессий?**

- *Не только не вредит, - это лучше, чем если бы он был актером или человеком какой-нибудь другой творческой профессии: дома был бы сплошной худсовет, разговоры были бы только о театре. А дом - это все-таки дом, там можно отстраняться от работы. Иногда, правда, когда я мысленно прослеживаю роль и у меня что-то не сходится, я даю ему прочесть пьесу, и Витя, будучи человеком в этом деле неискушенным, иногда дает, как ни странно, дельные советы, которые я потом использую. Ну, а если б он мне все время советовал?! Нет, дома мы почти не касаемся моей работы. Он даже премьеры не смотрит. И слава Богу.*

- **Что в твоей жизни важнее - работа или семья?**

- *Мне часто задавали этот вопрос, даже когда еще и семьи-то не было. Я всегда отвечала: семья. И сейчас, пожалуй, отвечу так же. Хотя и без работы тоже не умею жить. И от того, и от другого ожидала чуда, хотя его не произошло ни там, ни там. Могу сказать только - у меня все хорошо, и на работе, и дома. А может быть, я просто*

не замечаю своего счастья потому, что оно уже есть. У меня работа, о которой многие только мечтают, любимый человек, Бог дал мне ребенка - разве это не счастье?

Представлять новгородским театрам Лушечкину, наверное, излишне, - за 16 лет она переиграла массу ролей, перечень которых занял бы слишком много места. Напомню некоторые: Луиза ("Коварство и любовь" Шиллера), Анна Ульянова ("Путь" Ремеза), Китти ("Анна Каренина" Толстого), Лебядкина ("Бесы" Достоевского), Касатка ("Касатка" А.Н.Толстого), Маша ("Я - женщина" Мережко), Серафима ("Бег" Булгакова), Маргарита Бургундская ("Нельская башня" Дюма), Лиза ("Сначала я тебя любила..." Птушкиной)... Будучи актрисой преимущественно драматического дарования, она прекрасно работает и в комедийном, и в острохарактерном ключе, как, например, в "Зойкиной квартире" или "Женитьбе Бальзамина", не говоря уже о многочисленных сказках. Что ж, хорошая актриса, как говорят, она и в Африке...

- Люба, ты считаешь себя хорошей актрисой?

- Я не бездарная. И не плохая. Если по большому счету - не очень хорошая, а по среднему - да, хорошая артистка, к тому же везучая. У меня в театре все складывалось ровно - не было особых падений, да и взлетов, наверное, тоже. Думаю, я не смогла бы стать блестящей актрисой просто в силу своих человеческих качеств...

Это - Любина самооценка. А вот что о ней, к примеру, говорит постановщик спектакля "Сначала я тебя любила..." М.Г.Ремизов: "...У нее есть уникальное качество, крайне редкое в театре: она обладает своей "внутренней мелодией"; потрясающая человеческая простота и глубина, внутренняя собранность, интуиция... Не во всех театрах России есть такие актрисы, Новгороду повезло..." Н.М.Птушкина, автор вышеназванной пьесы, на страницах "Культуры" писала о Любе следующее: "...Для драматурга редкая удача видеть, что актер играет именно так, как автор и представлял себе, когда писал роль. Но Любовь Лушечкина открыла для меня в образе Лизы такие глубины, которые я могу поставить в заслугу только ей, но не себе. А это уже не просто удача, это счастье автора." А вот как отзывался о ней в книге "Жизнь для жизни. Хроника нескольких лет Достоевского" писатель П.Косенко: "...И сейчас отчетливо помню то редкое душевное волнение, которое охватывало нас, когда приходила очередь читать молодой артистке Л.Д.Лушечкиной. Потому что она сама становилась Анной Григорьевной Достоевской, сейчас, в этот момент сочиняющей очередное послание любимому мужу. Характер Анны Григорьевны был понят и передан артисткой изумительно. Как она привлекательна в своей безграничной преданности мужу, как она в письмах ластится к нему, как трогательна и самоотверженна в заботах о детях, о доме - и какая при этом мещаночка!..."

Цитировать хвалебные отзывы о Любе можно долго, хотя обилие цитат само по себе еще ничего не определяет. Но главное-то в том, что все это правда! Да, конечно: целиком прожить роль на сцене невероятно трудно, наверное, невозможно, - даже самый гениальный актер вынужден был бы подменять во многих случаях подлинную жизнь техническим ее изображением; в этом - смысл актерского ремесла, и Люба им, бесспорно, владеет. Но при всей технической заданности роли она умудряется (а это, наверное, и называется талантом) все-таки жить подлинной жизнью на сцене, то есть верить во все, что делает, и заражать этой верой партнера и зрителя. Мне посчастливилось несколько раз быть ее партнером в сложных драматических ролях (в чем Люба особенно сильна), и я имею право сказать: на расстоянии какого-то полуметра видишь ту же искренность, ту же правду, что и из глубин зала,

с той только разницей, что партнера труднее обмануть, чем зрителя. Вообще, Люба - артистка "крупного плана", ее, конечно, следует смотреть вблизи, ибо весь тот богатый спектр нюансов, который неизбежен при подлинном переживании роли, очень трудно без потерь перебросить через рампу далеко в зал... Так какие же "человеческие качества" не позволяют ей стать "блестящей актрисой"?

- Прежде всего - неуверенность, отсутствие ощущения душевного здоровья, полноценности. Многое в жизни так до сих пор и не поняла, на многие вопросы (даже вопросы дочери) и сейчас не смогла бы ответить... Что касается театра - не могу сказать, что сам процесс игры на сцене приносит мне такую уж радость, - нет, это для меня просто работа, которую я делаю честно. Часто слышу такую фразу: "творческая неудовлетворенность", - так вот, у меня таких сильных эмоций не бывает. Ты ведь знаешь, я никогда не гонялась за ролями, но уж если их получаю - работаю.

- Из всех твоих работ самой удивительной и самой удачной мне показалась Лебядкина в "Бесах". Смотрел и изумлялся: я-то знаю, что ты никакая не сумасшедшая, напротив - довольно здравый и уравновешенный человек, и вдруг - такая подлинная, правдивая в своей ненормальности Лебядкина! Понимаю, что актерская "кухня" - явление сложное и определения плохо поддающееся, но попробуй все же ответить: как ты работаешь над ролью?

- Повторяю: честно, на все 100 процентов того, что дал мне Господь Бог. Материал воспринимаю сперва интуитивно, а не рассудочно, - это еще с училища. Всегда пропускаю его через себя и очень трачусь, теряю много нервов, здоровья... Можно ли сыграть мои роли лучше, чем я? - да, можно; смогла бы я сама их сыграть лучше, чем сыграла? - нет, не смогла бы.

- Твои любимые режиссеры из тех, с кем ты работала?

- А.А.Бируля, В.И.Захаров в Алма-Ате и О.А.Соловьев в Новгороде.

- А идеал актера?

- Никогда не было. Актеры, которые нравятся, даже очень - есть, а вот кумиров нет.

- А мечта сыграть какую-то роль?

- Ее тоже никогда не было. Была другая мечта: играть в пьесах Ибсена и Уильямса, а какую роль - даже не знаю.

- Хотела бы ты, чтобы дочь пошла по твоим стопам?

- Наверное, нет, но в этом я тоже не уверена.

- А чего бы ты ей пожелала?

- Чтобы состоялась как личность, не обязательно очень яркая, но личность. Пусть будет доброй и счастливой. И толстой! (Это сказала изящная Люба Лушечкина, которая весит 45 кг и носит на руках которую - одно удовольствие).

Оля Шагалова, точная копия Любиных отроческих фотографий, очаровательная 12-летняя особа, прошедшая и музыку, и балетные танцы, и все, что следует пройти благовоспитанной девочке - завсегда нашей закулисной части.

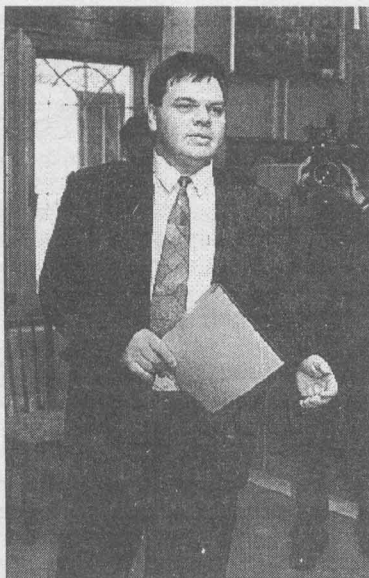
- Оленька, когда вырастешь, будешь актрисой?

- Нет. В первом или во втором классе хотела, а сейчас передумала.

- Кем же ты хочешь стать?

- Не знаю. Но в школе у меня по математике лучше, чем по другим предметам, поэтому я, наверное, буду поступать на физико-математический...

Ч.о ж, может быть, этому актерскому клану на роду написано попадать на сцену через физмат? Будем надеяться, что "все опять повторится сначала"!

В мир искусства, творческих идей и открытий, интересных предложений, новейших разработок в области архитектуры и дизайна вот уже два года приглашает новгородцев и всех гостей древнего города одна из первых частных галерей в Новгороде - "София". Галерея расположена в самом центре города в Доме архитектора, и не бывает дня, чтобы она пустовала. Сюда приходят новгородцы целыми семьями, приводят друзей и

знакомых, а учителя - своих подопечных. И популярность галереи вполне объяснима.

Здесь часто устраиваются вернисажи известных новгородских художников и тех живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства, которые еще мало знакомы зрителю. Есть и те, кого галерея открыла Новгороду, впервые предоставив им возможность показать свои работы землякам. Здесь проходят интересные творческие встречи и вечера, на которые собираются художники и архитекторы, актеры и музыканты, журналисты и литераторы, люди творческие и те, для кого творчество, искусство - предмет искреннего увлечения, а не профессия.

Впервые в Новгороде в "Софии" прошла выставка, которую раньше не рисковали показать ни одна галерея, ни один выставочный зал. Это выставка - "Обнаженная натура" в произведениях новгородских профессиональных художников и фотохудожников. Для многих это было и открытием (например, мало кто видел обнаженную натуру в живописи уже ушедшего от нас известного новгородского художника и архитектора-реставратора, заслуженного работника культуры России Г.М.Штендера), и возможностью обсуждать это искусство открыто и свободно.

Здесь же шумела настоящая ярмарка ювелирных украшений и российских самоцветов художников из Санкт-Петербурга, покорившая женщин Новгорода и давшая возможность сильной половине - мужчинам - сделать удивительные подарки своим любимым.

Здесь проходила благотворительная выставка творчества детей из Новгородской специализированной школы-центра "Цветик-семицветик". И надо было видеть, как счастливы были дети провести в галерее свой "сладкий" утренник с чаем и пирожными, с пением и стихами, а главное: показать свое умение, свое рукоделие, а родители - увидеть своих детей радостными и непосредственными. Зрители восхищались одаренностью ребят, чьи способности, несмотря на недуг, смогли разглядеть и развить педагоги и воспитатели этой редкой в России школы. Яркий детский праздник длился в галерее "София" целый месяц и оставил в сердцах зрителей самые

светлые чувства.

Архитекторы, в чьем Доме находится галерея, нашли здесь прекрасную возможность, и тоже впервые в Новгороде, - представить индивидуальные проекты частных жилых домов, возведение которых предполагает использование сырья и местных материалов - строительных, отделочных, - производством которых занимаются предприятия, акционерные общества Новгорода и области. Продукция их также широко представлена в галерее. После месячного показа выставки и конкурса среди архитекторов "Мой дом" было решено сделать ее постоянно действующей на базе галереи с меняющейся экспозицией, что и было сделано. И теперь новгородцы, задумавшие построить свой дом, непременно идут в галерею за проектом, идеями, советом профессионалов. Здесь же представлена и литература о современном строительстве и дизайне отечественных и зарубежных авторов.

И все это - благодаря усилиям организатора, директора галереи "София" Юрия Герадиевича Цапаева - неутомимого энтузиаста, выдумщика и мечтателя. Впрочем, его идеи, поначалу многим кажущиеся нереальными и порой даже сумасшедшими, воплощаются в жизнь довольно быстро. И еще ни одна его идея не пропала даром. Прежде всего потому, что сам Юрий Герадиевич - человек деятельный, энергичный, знающий, чего он хочет, обладающий несколькими профессиональными, в том числе и строительными талантами (его проекты деревянных жилых домов тоже видели зрители). Недавно он пришел в мэрию Новгорода

ВЕРНИСАЖ В "СОФИИ"

с предложением открыть постоянно действующую международную ярмарку-салон, где российские предприниматели (и не только новгородские) могли бы представлять выпускаемую ими продукцию, обмениваться опытом, технологиями, товарами, что позволило бы укрепить отечественную экономику, поддержать дальнейшее развитие новых производств в области, и главное - вернуть Новгороду славу крупного международного центра торговли и культуры, каким и был в средние века Господин Великий Новгород. В качестве одной из первых территорий этой грандиозной выставки-ярмарки Ю.Г.Цапаев предложил использовать огромные экспозиционные площади одного из исторических зданий - новгородского Манежа, что находится рядом со Звериным монастырем. Идея эта уже нашла поддержку. Но это - дело будущего. А вы уже сейчас можете посетить галерею "София" и полюбоваться творениями новгородских художников - живописцев, графиков, ювелиров, мастеров художественного стекла, фарфора, резчиков, скульпторов... И не просто полюбоваться, а приобрести понравившееся произведение, чтобы украсить им интерьер своего дома, праздничный стол, выбрать настоящему художественный подарок для друзей и любимых. Здесь же представлены книги по искусству, красочные художественные альбомы, рассказывающие о творчестве известнейших в мире художников, архитекторов. Да и сами художники находятся в этом салоне все, что им нужно для творчества - краски, кисти, багет, а главное - внимание и понимание и галерейщиков, и зрителей. Галерея "София" ждет Вас всегда.

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО

На снимке: Юрий Цапаев

А крылья не растут и не растут.
Л. Барановский

НЕ ПОМНЯ ЗЛА

С Леонидом БАРАНОВСКИМ судьба свела случайно. В помятом блокноте стихи:

*А вы не так, дай Бог, умрете...
 Читайте ж на его челе,
 как возомнить себя в полете,
 когда болтаешься в петле.*

И все. Хлестко. Запоминается моментально.

Потом мы с ним много выступали по путевкам бюро пропаганды художественной литературы (было такое при писательской организации). В школах, столовых, училищах, где только ни побывали. Я со своими "цветочками-лепесточками", кто-нибудь из молодежи из литобъединения, и - под занавес - Лёня. Высоченный, с "маяковским" голосом, с хлесткими, изысканно-расхристанными стихами, с неповторимым ритмом.

Он тогда работал дояром в деревне Подгощи Шимского района, дойка трехразовая, считай что круглые сутки занят. Но на выступления приезжал. Он видел, что он нравится, и сам в этом купался, и это подвигало его на новые, все лучшие стихи. Развивался, раскрывался прямо на глазах.

Потом Новгородское отделение "Лениздата" запланировало его книжечку стихов, и он уже составил рукопись, но тут началось зародышевое рыночное брожение, и поэзия, как не приносящая дохода, была вытеснена всяческой чернухой...

Он пережил это спокойно. Писал. Жег рукописи и писал снова. Зачем жег? Есть, видать, в талантливых художниках некая мазохистская жилка: убить, чтобы родить заново. Либо неверие в нужность кому-то своего поэтического слова? Скольких мы недосчитаемся прекрасных творений культуры, когда, наконец, выйдем из дебрей нарождающегося рынка на ясную дорогу цивилизации...

И вот теперь эта подборка приоткрывает непростую, временами вырывающуюся на трагическую ноту, душу поэта. Поэта Леонида БАРАНОВСКОГО, который жизнь принимает как она есть, со всей ее неотразимой грязью. Она, эта жизнь, его на дух принимать не желала... А он, не помнящий зла, воспел ее в своих стихах.

Ксения Фирсова

Это - темное зеркало Леты,
 и не ты отражаешься в нем,
 а победы твоей непобеды
 и расплаты нагрывший гром.

Это - жуткое зеркало правды
 в обрамлении жизненной лжи.
 Загляни, не имеющий права
 в мире этом по-прежнему жить.

Не услышишь из бездны ответа,
 как ты душу обрушил на дно.
 Это зеркало божьего света,
 и не каждому светит оно.

Что потерял и что сберег -
 уже не в этом дело.
 Казалось только: путь далек -
 а как близки пределы.

Звезда - лишь руку протянуть -
 дрожит, а под ногами
 сыра земля и этот путь -
 с небес под серый камень.

Звезда, не чувствуя беды,
 мерцает, камень дразнит,
 а этот камень - брат звезды,
 которая погаснет.

Страшное время России...
 Нам-то привычно так жить.
 То, что сейчас не осилить,
 можно потом объяснить.

Только потом - и не нами,
 мудро - но наоборот,
 ибо народная память
 все, как всегда, переврет.

Будущие Львы Толстые,
о невозвратном скорбя,
страшное время России
будут кроить под себя.

* * *

То, что мы совершаем, наверно,
это дьявольский все же расчет.
К счастью, то, что уже не деревня,
и не город куда еще.

Дьявол врет, что его не осилить.
Кол осиновый будет забит.
К счастью, в том, что уже не Россия,
русский дух до конца не убит.

* * *

И дальше б жили вне закона,
но - слава Богу! - вышло время...
Как много нас из Вавилона!..
Как мало нас из Вифлеема!..

Но разве мы об этом тужим -
мы башню строим во всю прыть...
И дальше б жили мы - но хуже
того уже не может быть.

* * *

И каркают ведь, глядя на пожарища,
что Русь была холопскою всегда,

и господа, что лезут нам в товарищи,
и те товарищи, что нам не господа.

Размахивают грязными руками
и карами грядущими грозят
друзья, что стали злейшими врагами,
враги, что были лучше, чем друзья.
Россия за себя еще ответит,
а нынче - ваши полчаса.
Но нам плевать, откуда дует ветер
и чьи на нас наносит голоса.

И нам плевать, кому и что неймется,
и кто там рвется иродам служить.
Пушай скупают тех, кто продается,
и продают, кого нельзя купить.

Россию не поставит на колени,
хотя б вооружившись до зубов.
И что там вам писал великий Ленин -
что вы - рабы? Вы хуже - вы лакеи
известной подлостью прославленных рабов.

КАЖДОМУ СВОЁ

Отчего ты сегодня растеряна?
Чем тебя опечалила жизнь?
Получи, Александра Сергеевна,
все сполна и за все распишись.

Слава Богу, не надо с талонами
здесь толкаться. Бери все подряд...
Получила крупу с макаронами,
получила эрзац-шоколад.

Не сильна, мама, ты в диалектике,
но сильна у тебя в сердце боль.
Получила консервы, пакетики,
а в пакетиках - сахар и соль.

А в пакетиках этих - Германия.
Там за мамой не числят вины
ни за то, что ей душу изранили,
ни за то, что вернулась с войны.

Победители и побежденные...
На Руси победителей нет.
Есть внучата, еще несмышленные, -
то-то радости им от конфет.

Только я в эти сласти не верую -
ими горькое не засластить.
Люди добрые, что же мы делаем?
Православные, как дальше жить?

Кто на эти вопросы ответит нам?..
Мама, Боже тебя упаси,
ни конфет этих, ни полконфетины
на могилу отца не носи.

Пусть он верит, танкист, во вчерашнее.
Не носи! Да не знает он там,
что дождалась ты праздника страшного -
Подаяния фронтовикам.

И сидишь у стола ты потерянно,
и пропах корвалолом весь дом...
Ты поешь, Александра Сергеевна,
ты, клянусь, не виновна ни в чем.

Да воздаст всем Господь полной мерою,
всем - и нищим, и щедрым - сполна.
Люди добрые, что же мы делаем
с чашей скорби, испитой до дна?

* * *

Разбили памятник - и прошлое стирается.
Такое с нами было, и не раз.
История настырно повторяется,
но ничему она не учит нас.
Ни Тациту не верим, ни Конфуцию,
историю торопимся подмять.
Она уже родила революцию,
а мы ее насилуем опять.

* * *

Измучась тоскою зеленой,
забвения мы не нашли,
хоть выпили из Рубикона
и вброд через Лету пошли.

Кто по два, кто по три стакана -
такой мы бедовый народ...
Мы все перепутали спьяну,
все сделали наоборот.

Куранты ломаются в полночь,
угаснет двенадцатый звон...
Мы вспомним, мы вспомним,
что не перешли Рубикон.

* * *

Не полегчала шапка Мономаха,
но сколько претендентов - ё-моё!
А тут что пьян - власть посылаешь на фиг,
что трезв - туда же... Царское житьё!

* * *

И убеждаясь вновь со злобой
в несовершенности основ,
скажи, зачем свобода слова
всегда боявшемуся слов?

Конечно же, себе не враг ты,
но, одурачивая жизнь,
скажи, зачем свобода правды
всегда живущему во лжи?

Постой, задумайся у входа, -
ведь ты же там сойдешь с ума, -
зачем она нужна, свобода,
когда весь мир тебе - тюрьма?

* * *

Эх, как их по Руси заносило,
по дорогам и без - в драбадан,
новоявленных славянофилов
и отъявленных антиславян.

Всюду рыщут, снуют для вербовки
до конца не проснувшихся душ.
До чего же слетаются ловко
эти речи у резвых кликуш.

За Россию и против России,
за евреев и против жидов...
Эх, как их по Руси заносило
с тайниками данайских даров.

То, что око змеиное видит,
хочет гадова пасть укусить.
Но клянутся любить, ненавидеть,
но зовут ненавидеть, любить...

Что ж, душа, ты не хочешь поверить,
повторяя опять и опять,
что Россию аршином не смерить
и убогим умом не понять.

* * *

Расплавилась внутри души слеза.
Сдержал ее, не выпустил на волю.
Порой бы и поплакался - нельзя:
твоя душа моей страдает болью.
Да, у тебя сочувствие в крови.
Ну что ж, благодарю тебя за жалость...
Но если бы на радости мои
душа твоя так щедро отзывалась.

* * *

Ты какой же водой опоила?
Я забыл то, что помнил всегда.
Вот пишу - выцветают чернила,
даже их расслоила вода.

Слово кануло, сдвинулись воды,
и не вспомнить, о чем говорил
и о чем я писал эти годы -
хоть бы след от бесцветных чернил!..

* * *

Раздеть, разоблачить, раскутать душу,
до лоскута лохмотья все сбрвать...
Не удержусь - и снова... Ты не слушай,
и не читай - ведь стыдно же читать.

А я бесстыден. Я легко на сцену
вытаскиваю душу нагишом...
Мне это так же просто, как - по венам
случайно подвернувшемуся ножом...

* * *

Коль вспыхнут искры, то случайные,
не растопить им жизни лед.
О том глаза твои печальные
мне предсказали наперед.
Дорога скатертью расстелется
из ниоткуда в никуда,
а искры светятся и светятся
внутри бездонной глыбы льда.

* * *

...А вы не так, дай бог, умрете.
Читайте ж на его челе,
как возомнить себя в полете,
когда болтаешься в петле.

* * *

На пределе немыслимой стужи
в беспросветной незримой тиши
выбираются мертвые души
в мир из чрева безбожной души.
Разливаются мертвые воды,
разрывается лоно ума,
выползают из тьмы на свободу
те, кого породила тюрьма.
Выползают и с воплем: "Доколе!.." -
не внимают суду моему.
Это я выпускаю на волю
обреченных на вечную тьму.
Порождает нелепых чудовищ
сон не разума - память души.
Окунаю перо в море крови,
бес в затылок мне дышит: "Пиши..."
Выползают на свет божий звери.
Но не бог - это я срифмовал
убежденную злобность безверья
и безжалостный смерти оскал.

* * *

И у судьбы не научиться,
как сделать этот перевод.
Вникаю в первую страницу -
не прочитать четвертый год.
И не понять без перевода
ни слова ни в одной строке...
Кто написал роман "Свобода"
на тарабарском языке?

* * *

Когда под кожей вспыхивает зуд,
нам кажется, меняем мы натуру,
но вновь и вновь змея меняет шкуру,
а крылья не растут и не растут.

* * *

И до края дошел и обратно
я вернулся, а здесь - тоже край.
Тип погоды - неблагоприятный...
А ведь бог разрешил: выбирай...

Выбор - этого было мне мало.
И душа возжелала всего,
чтоб связать все концы и начала
неразумного мира сего.

Я познал, что от совести скрыто,
и очнулся - опять на краю.
И стою над разбитым корытом,
и смотрю на хибару свою.

* * *

Как вышло так, не понимаю,
что все, чем в жизни дорожу,
и все, что нужно мне, теряю,
а что не нужно - нахожу?

Неразрешимая задача,
всю жизнь внушающая страх:
что ни находка - чушь собачья,
что ни потеря - полный крах.

Одно лишь это мне зловещим
и представляется в судьбе...
Я не про деньги, не про вещи -
я о тебе и о себе.

* * *

Вся душа истрепалась до дыр,
да не это страшнее всего:
зашвырнули меня в этот мир
и забыли сказать - для чего...

* * *

Здесь стихи конфликтовали с прозой
и, конечно, проиграли вновь...
Быт рыдает, утирая слезы,
а поэт размазывает кровь.

* * *

...А ты не я - ты сильная,
живешь не по судьбе.
Я долго верил символам,
а нынче - лишь себе.

Что символы - не вижу их,
но слышу зов трубы...
А ты не я - ты выживешь
и без моей судьбы.

* * *

Сверкнул в черной проруби звезды,
и я убеждаю себя:
не поздно, не поздно, не поздно...
Что толку - не слышит Судьба.

Стихает фальшивое соло
и не состоялся дуэт...
И поздно, и сиротливо,
и проблеска в проруби нет.

* * *

И выдавливал я, но пока мне
не избавить себя от раба.
Это жизни не хватит - по капле.
А и хватит - такая судьба.
Рад бы в рай, но она не отпустит.
И осталось-то, вроде, чуть-чуть...

Господин и владыка предчувствий,
прозябающий в рабстве у чувств.

* * *

Этой страшной и грешной,
оглушительной жизни,
жуткой, прошлой, крошечной
дал продленье Всевышний.
Может, больше, чем можно,
может, меньше, чем нужно...

И понять - очень сложно,
и поймешь - очень чуждо.

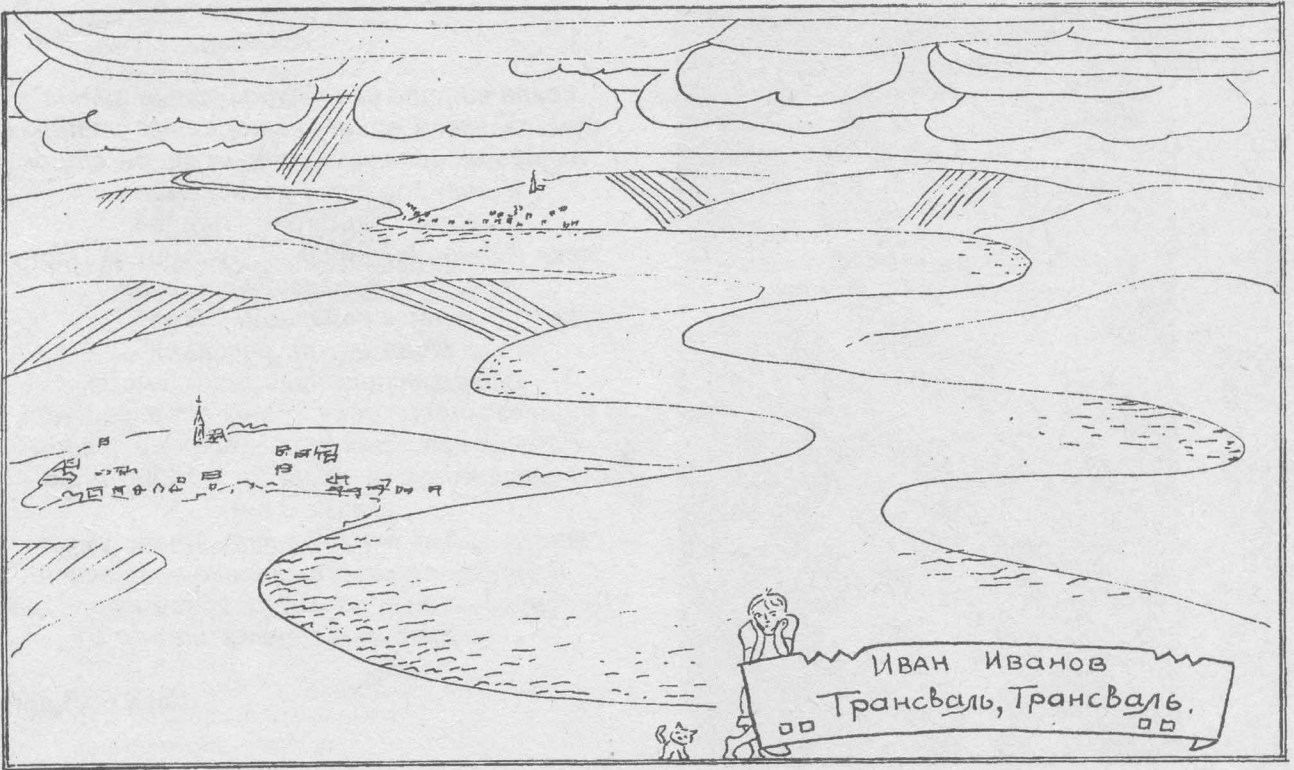
* * *

Надеяться... на что? На божью милость?
Любовь, надежда, вера без следа
растаяли. Жизнь не осуществилась
и не осуществится никогда.

На зеркале Судьбы морщинки трещин.
Из глубины стеклянного огня
глаза моей любимейшей из женщин
еще глядит с надеждой на меня...

О боже, как близки глаза любимой!
Вернуться бы - но пропасть на пути.
И эта пропасть непреодолима,
и мост через нее не навести.

(Из начальной автобиографии - Автор)

Родился я в разломное для русской деревни время - в преддверии сотворения колхозов, в 1929 году на берегу бегучей реки Мсты: среди болот ягодных и лесов знатно грибных. А еще точнее: в веселой - во все времена - деревне Частова, колхоз имени Ворошилова, в полста километрах от Града Великого (Новгород), еще недавно, непролазными, кривыми дорогами до большака. И сносно обустроенными уже на излете "застойных" лег, когда областное начальство - большое и малое - вошло во вкус дачного сервиса, чему способствовала благоуханная мстинская природа...

Рос в семье мастера деревянных дел высочайшей руки, поэтому и моими любимыми запахами детства была мешанина, настоящая на сухом мореном дереве, роговом клее, живином скипидаре и вареном масле (натуральная олифа). Как говаривал Манкошевский столетний столяр Разгуляй, который был с моим дедом - дружки-приятели: "Вдыхай с младенства такой дух и ты, непременно, станешь Мастером!"

Не скрою, и мне кое-что перепало на этом семейном ристанье. От отца перенял боготворение к - Его Величеству "Струменту"! После поделок я тоже с какой-то истовостью "направляю" его: точку, развожу, наващиваю. И только после этого водружаю его на свое место - "отдыхать" до другого раза, чтобы - когда надо - снова взять в руки, по живучим словам все того же столяра Разгуляя, которого уже давно нет: "Как гармонь в престольный праздник!"

Мой отец Гаврила Иванович Иванов, что ж касательно дерева, право, был на все руки - хват: плотник, столяр, колесник, бочар. А какие он гнул выездные, свадебные дуги, про которые еще в деревне - не без гордости за мастера - говаривали: "Чур, не оставляй на заулке - проезжий цыган украдет!" И за что бы он ни взялся, все делал только - на ять, да еще и с какой-нибудь чудиной. Прялку, коромысло ль бывало смастерит - обязательно положит на поделку резной узор, как клеймо мастера.

И еще отец был горазд на песни, которых знал несметно и

через это считался первым запевалой деревни. Хотя он скорее был неверующим (как и мой дед, который в оправдание своему прохладному отношению к церковным обрядам говаривал: "Бог живет в каждом из нас, и судят о нем по его земным деяниям"; и вместо того, чтобы стоять в заутрене перед образами при зажженных свечах, шел с топором на плече к вдове или солдатке - поправлять крыльцо). Но он охотно пел и на клиросе, пока не была разорена наша Манкошевская церковь - краса дивная: она и по сей день стоит на том же месте. Только уже никого не радуя, а как бы в укор безумному прошлому времени - без крепкого колокольни. Печально смотрится с зеленого угора в живое "зеркало" пока еще незамутненной, бегучей Мсты, как бы вымалывая у опрокинутых в реку синих небес - прощенья умершим и вразумления живым...

И вот в пору благоденствия Манкошевской "красы дивной" ее приходской батюшка, святой отец Василий, не раз говаривал своему уже возмужавшему благонавному мирянину по прозвищу Мастак:

- Сынов мой, тебе не плотником быть, а в пору б служить главным певчим диаконом при градском соборе Святой Софии. Право, не голос у тебя, человеке, а сущая - иерихонская труба!

Оттого, что мужики по праздникам пели на клиросе, и слыла наша деревня во всем мстинском побережье - дюже песенной. Бывало, на вечерней воскресной заре запоят частовские у себя на Певчем крыжю, - и их голоса в слаженном спеве было слышать по течению чуткой реки - за двенадцать верст, в Полосах на мельнице. Но чаще они пели зимними вечерами. На мужских посиделках у нас в отцовской столярне (в прирубе между хлевом и домом), которая служила в деревне как бы местным Наркоматом Иностранных Дел, где каждый - пахарь, лесоруб, столяр, кузнец, шерстобит - смог бы сойти за наркома. Особо для такой должности годился пастух-овчар Иван Наумыч с его апостольской длинной бородой с проседью и благопристойным обликом святого Ионы Оттинского, именем которого был назван монастырь на краю Красноборской пустыни.

фото В.Ищенко

*Когда читала его "Журавлиные плясы",
думала, какой же он - автор этих светлых,
пахнувших свежескошенным сеном строк.
И вот довелось познакомиться.*

*Иван Гаврилович Иванов,
"Иван Иванов-Мстинский, русский из Пяру",
так он себя именует в шутку,
у нас в редакции "Чела".*

*Моложавый, веселый,
с прекрасным чувством юмора,
привез много своих новых произведений,
одно из которых мы сегодня печатаем.*

*Друг Иванова, поэт Давид Самойлов,
сказал о нем:*

*"Много видел, много знает. Много умеет."
Я бы добавила: "Прекрасно чувствует
Родину, бережет корни народной культуры,
радеет за чистоту слова."*

Тамара Сигалова

Частовской овчар прожил долгую многотрудную жизнь - целое столетие, трудясь в одной и той же ипостаси: с измалства и до последних своих дней: пас овец. Они его чуть было и не погубили, когда он с бесстрашием, в одиночку, будто на медведя с рогатиной, выступил в защиту исконной романовской грубошерстной овцы-шубницы, когда лихие преобразователи вселенной насаждали по худосочным колхозам северного края завезенных из Средней Азии курдючных баранов, которые никак не хотели приживаться во влажном климате Предильмения - туберкулезно кашляли и дохли. А на местных прытких барашков в ягнячку их пору было наложено строжайшее табу. Их поголовно легчили под надзором районной ветслужбы.

Так во мстинском побережье была "вырублена под корень" романовская овца, которая из века в век служила в лесном крае становой жилой всего уклада жизни. И от этой скорой порухи, не заставив долго себя ждать, в деревню, как-то уж очень зримо, заявила незваной гостьей сирая обездоленность. Вместо привычных тулупов и полушубков сельчане стали обряжаться - в арестантские "куфайки", вместо валенок в зиму - обулись в охламонистые резиновые чеботы, наживая ревматизм. И до стыдобы было глядеть, как мужики - в мороз и вьюгу - голоручью ехали в лес за дровами или на дальние Ильменские пожни за сеном. А главное, больше не томились в обжаристых горшках, в загнетках печей запашистые "шти" с бараниной, которые на второй день становились еще ядренее. Так бездумным уничтожением романовской овцы сельчане сразу лишились многих жизненных благ.

А супротивника чужеродной скотины, замахнувшегося вилами на огэпзушника, сопровождавшего веткомиссию по легчению барашков местной породы, со словами во святом гневе: "Убью, гепею-перепею!" - чуть было не сослали. Да не нашлось для него такой чужбины, где бы "Макар коров не пас". А при нем потомственному же пастуху такая высылка не грозила б неволей.

К тому же и деревня встала горой за своего непревзойденного мастера берестяных дел. Лучше и краше его лаптей, ступней, заплечных кошель, лукошек - никто не плел в округе. Слыл он в деревне и как самый культурный мужик -

без претензий на какую-либо образованность: вместо личной росписи ставил крестик. И поди ж ты, никто, даже поп местного прихода, так не жалел свою жену, как их овчар. Не обращая внимания на насмехания сельчан, носил зорями на коромысле воду из колодца своей "барыне" Ефросинье. На такую - по разумению частовских мужиков - "постыдность" и поныне еще никто не снисходил в Частове.

Зато, когда он тихо отошел в мир иной, сразу все спохватились, что теперь им будет недоставать благородного овчаря. Поэтому и похоронили его, как "заслуженного" аборигена, наравне со старшей учительницей Ниной Ивановной Никитиной, со всеми почестями: с музыкой, востребованной из города. Этим ему была оказана от благодарного частовского "общества" как бы последняя ему пастушья гостевая "череда" с признательными словами: "Пусть земля будет тебе пухом, незабвенный наш Иван Наумыч. Аминь."

Вот такой-то всеми уважаемый человек (по призванию - овчар, прошедший в жизни - огонь, воду и медные трубы) и коноводил до войны на мужских частовских посиделках в столарне у Гаврилы Мастака за наркома местного НИДа. И по сей день старожилы деревни помнят, с какой дипломатичной выходкой встречал он в споры-разговоры, не исключая и мирового значения: "Покойничек, Петра Захарыч (или: Кузьма Андреич), не даст соврать..." И пошел-поехал рассказывать были-небыли из своей служилой молодости. И про сопки Маньчжурские, где "в одна тыща девятьсот четвертого года ходил в штыковую на японский чудо-пулемет..." И про "ерманский" плен - пятнадцатого года первой мировой войны, отбывая его у "австрияков". Где за неоднократные побеги, чтобы пуститься "пехом" к снившимся берегам своей бегучей Реки, беспортошного беглеца исправно и добросовестно, с ритуальным обливанием холодной водой, порол в поте лица реманными вожжами - больносердный к своим сытым лошадям - щекастый хозяин - "австрияк".

И за вечер-то, бывало, частовские мужики в горячих спорах - так и этак перекроют мир, деля его на страны, которые, как им того хотелось бы, были "за нас": это - Красный Китай, где уже какой год шла гражданская война с Гоминьданом;

Абиссиния - незнамо где находится; и (как бы мы сейчас ни говорили, а тогда была для нас, особенно мальчишек) святая и героическая Испания, в небе которой на стороне республиканцев сражался и частовской - "Чкалов": доброволец, военный летчик-истребитель Николай Жуков. И на страны, которые были "против нас": это - одноосная телега на трех колесах "Берлин-Рим-Токио".

Обычно такие споры-разговоры заканчивались трогательной песней о каких-то неведомых бурях, попавших в большую беду: "Трансвааль, Трансвааль, страна моя!" Эту песню-сказ однажды привез мой дед по отцу Иван Иванович (первый грамотей и книгочей в округе) из - "Большой деревни" - Питера, куда ездил с частовской плотницкой артелью на летние заработки. И всякий раз пели ее со священным огнем в глазах, будто страна "Бурия", как называли тогда ЮАР, находилась где-то за Красноборскими синими лесами и нуждалась в срочной выручке частовских "саналов" с дрекольем в руках.

Мне, тогдашнему дошколяру, всегда казалось, что эту песню я знал еще до своего рождения, а, может, и родился прямо из нее...

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Ты вся горишь в огне.
Под деревцом развесистым
Задумчив бур сидел.

- О чем горюешь, старина,
Чего задумчив ты?
- Горюю я по родине,
И жаль мне край родной.

Сынов всех десять у меня:
Троих уж нет в живых,
А за свободу борются
Семь юных остальных.

А старший сын, старик седой,
Убит уж на войне;
Он без молитвы, без креста
Зарыт в чужой земле.

Мой младший сын - тринадцать лет,
Просился на войну.
Решил я твердо: нет и нет,
Малютку не возьму.

Но он, нахмурясь, отвечал:
"Отец, пойду и я!
Пускай я слаб, пускай я мал -
Верна рука моя..."

Отец, не будешь ты краснеть
За мальчика в бою -
С тобой сумею умереть
За родину свою!..."

Я выслушал его мольбу,
Обнял, поцеловал.
Малютка в тот же день со мной
Пошел на вражий стан.

Однажды при сражении
Отбит был наш обоз,
Малютка на позицию
Ползком патрон принес.

На тех мужских посиделках мы, мальчишки, тоже были завсегдатаями. Мы росли на них. Жались к отцовским коленям и клятвенно умоляли глазами: случись беда со страной - война,

и мы сделали бы то же самое, как и далекий "малютка" из песни...

(Примечание: Во время англо-бурской войны (1890-1902 гг.) симпатии русского народа были на стороне буров - народа, пострадавшего от нападения английских колониалистов, что и обусловило появление этой песни.)

И все-таки Испания мне была ближе. Хотя бы потому, что наш частовской "Чкалов", Николай Жуков, с моим отцом - были дружки-приятели по ЦПШа, как они в шутку называли свою церковно-приходскую школу. Да еще и - герой! По возвращении из Испании он - Жуковской заправки: толстогуб, смугл, да еще и до черноты пропеченный на ненашенском солнце - приехал на побывку к себе в деревню с тремя кубарями в петлицах и орденом "Красного Знамени" на груди. И как тут было не втрескаться с первого взгляда нашей молоденькой городской училке Зое Андреевне.

А уже через неделю в деревне - нежданно-негаданно - сыграли веселую разлитую свадьбу, на которой частовской гость-герой подарил своему закадычному другу детства, и как запевале деревни, новую песню, которая, казалось, и сложена была для могучего голоса моего отца. И когда мой отец вывел первые его слова, по спинам разгоряченной застолы забегали цепкие холодные мураши, а в рамках окон нового клуба тоненько зазвенели стекла:

- Гренада, Гренада, Гренада моя!
И на подхват запевале частовские дружно загалдели:
- Горько, горько!
- Подсластить надоть!

Да, отец умел и любил не только от души работать, но и широко гульнуть. И особенно на моих именинах, на которые приглашалась вся деревня.

Так в день моего рождения - 22 июня в сорок первом году - и застал вскопе за столом, под яблонями-полудикарками, частовских мужиков срочный военкомовский вестовой, прискакавший пополудни на взмыленной лошади, зычно выкрикнув из седла:

- Мужики, шабаш веселью! Война уже с утра идет...

И Коленька Лещиков по прозвищу - за свой малый рост - Наперсток (через это он браковался для кадровой службы), видно, с радости, что и его черед пришел послужить Отечеству, разудало пропел:

- Эх, пить будем, и гулять будем,
Смерть придет - помирать будем!

А седовласый вестовой с двумя кубарями в петлицах, уже спешась с лошади и развернув давно заготовленные списки, громко и внятно выкрикивал:

- Абраменков Владимир Александрович!
- Ананьев Василий Иванович!
- Андреев Тимофей Афанасьевич!
- Васильев Иван Васильевич!
- Захаров Дмитрий Петрович!

И по всему-то алфавиту находились фамилии частовских мужиков и парней. Да еще и не по одной, все больше по две:

- Голубев Александр Иванович!
- Голубев Филипп Иванович!
- Ильин Иван Дмитриевич!
- Ильин Александр Дмитриевич!

Дмитриевых Ильичей так трое и значилось: Василий, Павел, Николай! Столько же сыскалось и Максимовых братанов Максимовичей: Осип, Иван, Александр!

А чернобровых Жучат (Жуковых) Николаевичей и того более, сразу уходило пятеро: Тимофей, Никандр, Николай, Иван, Михаил! И это при живых-то еще родителях... Каково же матери-то было пережить такую, свалившуюся на ее сивую голову, беду-разлуку? Сколько ж надо было иметь на всех слез?

Боже, сколько ж мужиков-то было в довоенной Частове? И это не считая тех, кто уже служил кадровую. И тех зеленых подростов, которые теперь будут уходить из деревни - слой за слоем - целых четыре года. И этот неотвратимый отток

человеческих жизней начнется уже очень скоро - через каких-то несколько недель. Как только огненный вал войны пригрохочет к стенам Вечного Града. И вслед за своими отцами и старшими братьями уйдут из деревни добровольцами и семнадцатилетние.

До прихода сибиряков, которые с первыми морозами - в новых "с иголки" белых нагольных полушубках - надолго засядут в надежную оборону у Синего Моста, частовские мальчишки, все до одного, погибнут в высоких травах предельменских пожен, захлопнув за собой тяжелую дверь в Вечность... Но похоронки же на них в их деревню, до которой рукой подать, пойдут каким-то круглым путем. Матери их получают только после войны. Видно, чья-то разумная голова рассудила: пусть мертвые мальчишки немного подрастут хотя б во Времени. Все не так будет больно их матерям.

Но это будет потом... Сейчас же частовские мужики и парни - прямо из-за именованного стола - только еще собирались на Великую бойню. И для многих - о чем они еще боялись загадывать - поименно оглашенный, державный реестр живых душ был уже поминальником...

Ленинградский военный округ в те годы значился прифронтовым, и сборы на войну были недолгими. Уже на другой день вся деревня, от мала до велика - матери с младенцами на руках, старичье с клюками в руках, - переправившись на пароме, высыпали на заречный Новинский луг, где зелеными волнами ходили высокие тучные травы, как никогда вымахавшие в этом году. Но они никого не радовали. Да и не на сенокосную толоку срядились сегодня частовские косари с заплечными сидорами на рушниках. На фронт уходили частовские косари. Среди них мельтешил и вчерашний седовласый нарочный-военкомовец, беспрестанно крича охрипшим голосом:

- Товарищи, выходи - стройся! - но его голоса из-за бабьего причитания никто не слышал.

Мало того, гармонист Василий Ильич (по-деревенски - за его благонравие - Васенька Ильин), словно себе наперед - на воспомин души, а может, и в укор на недавнее братание с нацистской Германией (потешный договор о "ненападении"), вскинул перед собой, как свадебную дугу, свою нарядную тальянку с медными планками и такое залихватское выдал на прощание, что будь поблизости Манкошевский погост - и мертвые поднялись бы из могил. Ну, как тут было устоять на месте сдвуродным высоченным братьям, холостякам-весельчакам: Николаю Васину, деревенскому искуснику на всех струнных инструментах и голосистому школьному учителю Алексею Голубеву. Схватившись за руки, они - всему назло - пошли по лугу в размашистой паре выделывать своими великанскими ногами скоморошьи кренделя и, будто в роги, трубно издвигаясь:

- Русский, немец и поляк
- танцевали краковяк:
Поляк - поскользнулся,
Немец - улыбнулся, а
Русский - матюгнулся!

И опять послышался настойчивый голос охрипшего военкомовца:

- Товарищи!.. Ворошиловцы, выходи - стройся!

И опять никакого внимания на чрезвычайные государственные хлопоты. Все были заняты - собою, родней своей, однодеревенцами.

"Оглохли, что ли, наши мужики и парни? - недоумевали мы, мальчишки, в душе радуясь войне. - Теперь то... раз частовские идут на фронт, будет фашистам пузатым-рогатым (какими их рисовали тогда на плакатах) - и за Абиссинию, и за Испанию - будет! Только жаль, что нас с собой не берут, а то еще и не так было б!.."

И как бы в ответ на наше недовольство мы услышали могучий голос моего отца:

- Трансвааль, Трансвааль, страна моя!

Ты вся горишь в огне...

На голос запева деревни, отозвавшегося на увещание военкомовца, частовские мужики и парни, вырываясь из объятий матерей, жен, сестер, невест, стали сбегаться кучно, как пчелы на жужжание своей матки начинают сбиваться в отлетающий рой.

И вот высыпавшая на заречный луг деревня строго разделилась на два роя - на неистово поющих мужиков и в беспамятстве плачущих баб. И когда мужичий рой, видно, почувствовал, что набрал силу в песне, лохмато - медведем - шевельнулся и покатился по лугу, приминая высокую траву, которая останется в это лето нескошенной.

Так песня о каких-то далеких бурах и увела из Частовы - деревни русской, деревенно-колхозной - подчистую всех косарей на войну.

За поющими мужиками вдогон двинулся обоз, в подводчиках которого были мы, мальчишки, чтобы отвезти наших отцов, дядьев, крестных, старших братьев на станцию Малая Вишера, а затем обратно пригнать порожние подводки.

За Новинским глубоким урочищем мужики расселись по телегам, и мы поехали на войну. Мои попутчики допили - на посошок - прихваченные отцом с моих именин пару поллитровок, но хмель никого не брал. И петь, видно, никому не хотелось, молчать тоже - все говорили об оставленных незавершенными домашних делах:

- Как-то сей год управятся тут наши благоверные без нас?

- Надо ж было такому случиться: бабы наши только сшили себе ситцевые сарафаны для страды, а мужики отбили косы, и нате - война!..

- Поди, знай, сумеем ли мы теперь управиться с военными хлопотами, хотя б к уборке огородов, - сетовали новинские косари, все еще теша себя надеждой о своем скором возвращении по домам с Победой "на чужой земле", как пелось еще вчера в песне "Если завтра война..."

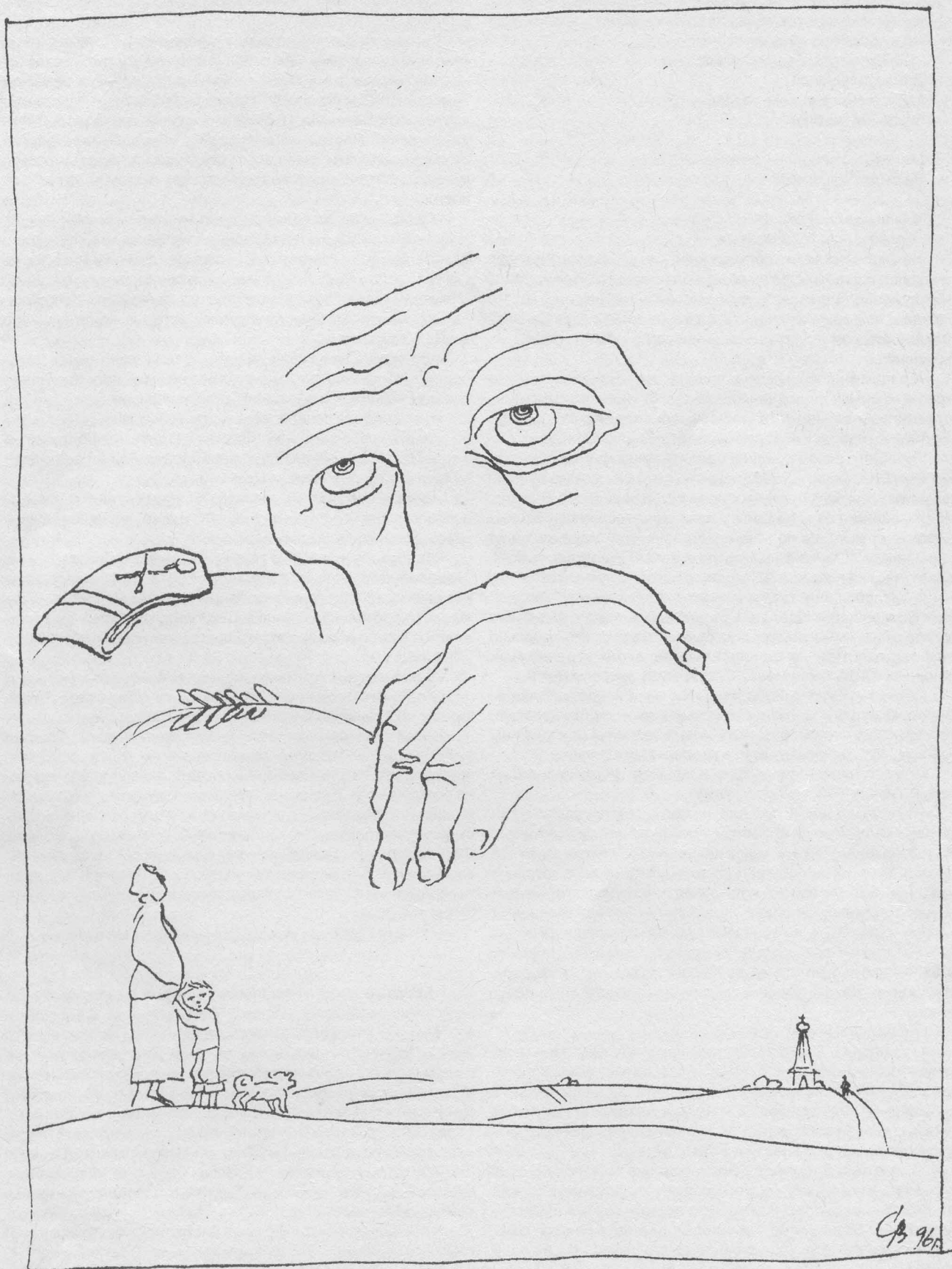
На станцию мы приехали уже с восходом солнца. Телегу поставили на заулок дома одной из каких-то "поперечных" улиц. Моих седюков сразу же увел куда-то военкомовец, который ехал с нами. А на его верховой лошади мне было позволено восседать в настоящем кавалерийском седле. И за дорогу в каких только я - мысленно - не побывал сражениях: всех врагов победил! Можно б нашим папкам и оглобли заворачивать к дому, но они ушли на сборный пункт. Отец обещал придти попрощаться. И велел потом ждать нашего председателя Егора Мельникова, с которым и поеду домой.

От нечего делать я распряг лошадь и поставил кормиться ее к вчерашнеукоской траве в телеге. А обследовав двор, по приставной пожарной лестнице вскарабкался на конек крыши: чтобы определиться, где я нахожусь, но старуха, копошившаяся на огороде, сердито пристыдила:

- Чай, не маленький, штоб по крышам-то лазить. Поди, за мужика у матки в доме остался?

Посрамленный, я завалился в телегу, вперился остановившимися гляделками в синее небо и стал ждать отца. А он все не приходил... Где-то неподалеку играла духовая музыка, перекрывая станционные гудки маневровых "кукушек" и громовой лязг буферов вагонов, спускаемых с "горки" (про "кукушек, буфера и горку" я узнаю намного позже, когда в зрелые годы стану работать на "железке" рефрижераторным механиком). Хотя и думал тогда о себе, что я - "вечный!", но и не загадывал, что буду так долго жить - целых еще полстолетия. А для начала надо было перемочь страшную войну, которая только разрасталась - у далеких и неприступных, как писались тогда в газетах, границ западных. "Далекие и неприступные рубежи наши" вскоре окажутся - блефом.

Потом-то стратеги наши будут валить на "внезапность". Вранье все это, как покажет время. Даже мы, тогдашние мальчишки, знали про то, что к нам грядет война. Играв в Чапая, мы ею уже жили. Да что там, про себя скажу: я даже читать выучился до школы по газетным сводкам - из Китая,

C.B. 96.

Абиссинии и Испании.

...Я - отрок двенадцати лет от роду - живой свидетель того грозного времени, лежал в телеге, вслушиваясь в голоса частовских певцов, особенно от других "хоров" дравших свои глотки в полюбившейся им песне:

- Да, час настал, - тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За ваших сыновей!

Молитесь, женщины, за нас,
За ваших сыновей!

И опять пели сначала:
- Трансвааль, Трансвааль...

Не знал я тогда, не догадывался - не к добру выйдет для наших однопороденцев их неумная ретивость. Немногим из них суждено будет вернуться домой - ни к Покрову, как им мнилось по дороге в райцентр, ни через четыре года Великой войны, которая лично мне еще навсегда испортила и день рождения...

А рядом мирно хрумкала лошадь, напоминая шуршание грибного дождя по драночной крыше. Может, поэтому мне и блазнилось, вернее, уже снилось, как я ходил с отцом в его любимый - неблизкий от деревни - бор Барская Нива.

Я любил с отцом наедине бродить по нашим заповедным местам. Он никогда не считал меня маленьким, всегда затевал какие-то игры, которые ему и самому "нравилась". Бывало, идем ранним утром по берегу реки, занавешенному живым пологом плывущего по течению молочного тумана, он вдруг спрашивает: "Сынка, а ну, быстро ответь - какая сейчас рыбина брязнула на перекате?" Заходим в бисерно-росный калинник - опять вопрос: "А ну, скажи, какая тут птаха тенькает краше?" Или, возвращаясь с дальних Березуг, куда всегда ходили на излете осени ранними утрами за белыми груздями, он невольно сам засмотрится на ошпаренные первыми утренниками осинники и вслух подумает: "Экая красотища полыхает!"

Сейчас же мне снился наш заветный кондовый сосняк Барская Нива, в подножье которого стлался иссиня-белесый, как первоапрельский ноздреватый наст, хрусткий мох, а на нем - то там, то сям - уже чудились коричневые шляпки...

Отец стаянул с головы кепку и, вдыхая, будто церковный ладан, смолистый дух бора, сказал:

- Ты только, сына, погляди: не лес - храм пресветлый! - и он широко показал своей большущей ручищей на веероусые надрезы подсоски на могучих лесинах, походивших на врезанные в их живое тело старые доски икон, с которых, казалось, вот-вот проглянет строгий лик святого угодника. А конусообразные глиняные горшочки для сбора живицы и впрямь смахивали на горящие лампы: стекавшие в них "слезы" смолы вспыхивали огоньками, когда их касались колеблющиеся лучи солнца, пробиваясь сквозь ветки макушек. И, видно от нахлынувших возвышенных чувств, отец вдруг запел:

- Боже, царя храни...

И кондовый, самоварный, сосняк в лад ему отозвался каким-то струнным эхом: "...ни-и!" - которое как бы подхватило меня, будто оброненное куропаткой перо, и легко понесло в кудрявые выси макушек. И вот, уже находясь в зеленом небытии, я то ли со страху, то ли от охватившего меня восторга, вдруг заплакал, услышав в яви голос отца:

- Что с тобой, сына? - Пребывая все еще во сне, мне помнилось, что я лежу на дне глубокого колодца, а на меня... из-под белого плывущего облака по-сродственному вглядывается архангел Гавриил, продолжая будить меня голосом моего отца. - Да очнись же ты, сына, это я - твой папка...

Мой отец, верно, очень смахивал на своего небесного тезку на треснутой темной доске в переднем углу. Строгое костистое

лошадиное лицо, и нос, не такой, как у наших матюжных мужиков - "картошкой" на конопатых обличьях, был благородный: тонкий с горбинкой, будто у Божьего воина с копьем...

Помню, он даже и коня мне, маленькому, смастерил из свилеватого комля осины в серых "живых" яблоках, похожим на себя. Через это его, Мастака, я иногда еще в шутку называл: "Конь ты мой Горбоносый!" Только в плечах был не в пример иконе - зело широк: кося сажень! А кулаки так и вовсе - гирьдвухпудовки. Поэтому он и не дрался никогда в престолы на стороне частовских "саналов", отшучиваясь, показывая свои кулачищи: "Не убивать же мне чужаков - пускай живут и поют песни!"

- Папка, ты так долго не приходил, что я во снах тебя увидел, - наконец очнулся я от наваждения. - На Барскую Ниву ходили ломать белые. - (Частовские, истовые грибки никогда не скажут "резать грибы", хотя и ходят в лес с ножами. А только: "ломать!" Право, "белые" растут у нас, как говорят в деревне, до того "запестоватыми" да упругими, которые, воистину, надо "ломать" с треском.)

- Да все не отпускали, сына, - повинулся отец. - Вот и пришел-то на какую-то минуту. Вагоны уже поданы - сейчас посадка начнется, и паровоз стоит под парами.

И, отгоняя все печали, помечтал несбыточно:

- А дивья б, сына, нам вместе сходить на прощание на Барскую за белыми-то. Поди, знай, доведется ли еще когда мять наши боровые сивые мхи.

- Конь Горбоносый, ты чего? - приструнил я его повзрослому, на что он намекает. - Лучше на прощание давай, как когда-то, поборемся понарошке.

- Теперь, сына, папке твоему будет с кем бороться и не "понарошке", - тяжело вздохнул отец и ошарашил меня незнакомыми словами, от которых повеяло холодом. - Раз объявлена тотальная мобилизация, тут шутки прочь!.. А теперь давай слезь с телеги и запряги лошадь, а я посмотрю, как ты умеешь.

- Сам знаешь, что умею, - буркнул я, боясь разреветься.

- Хорошо, сына, - пощадил мое самолюбие отец. - Тогда хоть на прощание давай это дело сладим вместе.

Я завел лошадь в оглобли и стал закладывать тяжелую рабочую дугу, которая оказалась мне не по силам - вывернулась из рук и другим концом больно ударила прямо по лодыжке ноги. Я запрыгал-заплакал, но уже от другой боли. Я вдруг остро осознал, что сейчас мой Конь Горбоносый уйдет от меня навсегда. И отец, видно, подумал об этом же. Сломавшись, как расхлябавшийся складной плотницкий метр, он с каким-то внутренним стоном рухнул на колени и, скрывая навернувшиеся слезы на глазах, крепко прижал меня к своей бугристой груди...

Так я во второй раз в своей жизни увидел его в слезах.

...Впервые такое с ним приключилось в лихую годину - в зиму с тридцать седьмого на тридцать восьмой. В бытность его "временного" председательства. В постоянные же "преды" колхоза он никак не соглашался. Да и не подходил ни с какой стороны, ибо считался - белой вороной, то есть помимо Мастера деревянных дел слыл в деревне еще и притчей во языцех, как "беспартийный большевик": много работал, жил по правде и с однопороденцами был в ладу, по-людски. А ежели дело доходило до чарки, ему ставили - его знаменитую кружку "РККА" (Рабоче-Крестьянская Красная Армия), чтобы уравнивать его с собой. Иначе, если пригубиваться наравне, он - сидит трезвехонек, поет песни, а они, уже осоловелые, вот-вот уберутся под стол, чтобы утром, бахвалясь, рассказывать о том, чего не помнят: "Вот вчера гульнули, так гульнули!"

А то, под настроение, такой-то семипудовый мужичище-сбитень пустится в пляс - вприсядку. Особенно под Никанорычеву тальянку - "Пиесу-Барыню", аж половые и

потолочные матицы ухали ему в лад!

Сколько я помню то время, отца постоянно "сватали" в партию, а он все отнекивался:

- Пока, дорогой товарищ, я до этого - не дорос, не созрел. Да и то правда - некогда мне расслаиваться на собраниях. Кто ж за меня будет махать топором, ежели я подамся в краснобай?

На что однажды один ретивый райкомовский уполномоченный (которых после войны уже нарекут "толкачами") на его очередной отказ вступить в ряды ВКП(б) раздраженно высказал ему:

- Однако ж, ты, Мастак, как я погляжу - размазня на постном масле... Не понимаешь, в какое время живешь. Гляди, не пожалей...

- Нет, пока до этого я еще - не дорос, не созрел, - гнул свое отец, замороченный темными намеками прилипчивого наставителя.

Но, как Мастак ни упрямился, ни упирался, а задвинули-таки его в председатели с оговоркой по его настоянию - с записью в протоколе общего собрания: "временный".

Так, не по своей воле, его отрешили от любимого дела - с утра до вечера, в жару и стужу - махать топором да перекатывать бревна, как карандаши. Двумя годами ранее за строительство - "образцовых" - коровника и конюшни он, как бригадир плотницкой бригады, на областном слете ударников был премирован патефоном Первого гатчинского завода с тремя пластинками в придачу: "Дударь, мой дударь", в исполнении Ольги Ковалевой; шотландской застольной "Выпьем, ей-Богу, еще!" и боевым маршем в честь дальневосточного командарма Блюхера, награжденного орденом "Красного Знамени" N1, "Бейте с неба, самолеты, - в бой идут коммунисты!" И тот же марш сразу стал для частовских мальчишек любимой песней - уж больно она задорно горлопанилась и шлепко топалась под нее босыми следами...

После того, как первого частовского председателя Егора Мельникова какая-то страшная болезнь - парализовало всю правую сторону тела - уложила надолго в областную клинику, дела в колхозе имени Клим-Лошадника круто покатались под гору. За это время сменилось несколько председателей - и все не в коня корм. Да и кормить скотину в ту зиму, когда отец принял разоренное хозяйство, в его "образцовых" коровнике и конюшне было нечем. И поневоле ворошиловцам во главе с новым председателем-плотником пришлось стать застрельщиками по нововведению. Вместо сена стали задавать в ясли гольем "витамины": еловый лапник и березовые голики.

Надо было готовиться к весеннему севу - пахать-боронить, а изморенных донельзя, облищенных лошадей нещадно косил страшный мор - сап с мытом. На деревню был наложен строжайший карантин, по которому - ни выехать, ни въехать не могли в Частову...

Из песни слов не выкинешь: не лучшим было и прошедшее лето. От зачумления людей революционным "зудом" деревня недосчиталась трех последних мужиков. И первым пал длинноногий, как журавль, Яков Прокофьев, по-деревенскому прозванию: Бело-Красный. Бывший кавалерист Белой и Красной армий, заупрямившийся в свое время - со всеми вместе - "дружно" вступить в колхоз, а стало быть и встать в первые ряды ворошиловцев. Может, и одумался бы упрямец - вступил по доброй воле в колхозные чертоги, куда ж деваться человеку, как загнанной в засеку лошади, если, куда ни глянь, будто в песне: "Все кругом - колхозное, все кругом - твоё!" И тут же про себя талдычил: "Только - не свое, и не мое..."

Но он сам подторопил свою планиду-злодейку. Как-то перед Спасом, после полуденного воскресного чая с черничными сканцами, выкатился из-за стола к себе в подоконье - освежиться на воздухе, и видит такую картину. По всему краю деревни извиваются сельчане, вперся гляделками в чистое небо. А старухи, так те крестились, словно перед кончиной света, видя, как на деревню, со стороны леса Борти, будто бы

с поля выплывала огромная светло-мышастая корова-барка с отвислым грузным выменем, которым, казалось, сердешная, вот-вот заденет за шишки ельника. На наеденном круглом боку отчетливо виднелось клеймо из больших синих букв, которое сипло считывал - выказывая, каков он грамотей! - старый бобыль Ероха, не знамо откуда прибывший к деревне:

- Сы Сы Сы Ры... (вот и догадайся, какой светло-мышастый зверь крался к деревне из "гнилого угла"?)

И тут Бело-Красный, бывалый рубака всех последних войн, зычным голосом внес ясность:

- Не дрейфьте, православные! Это дирижабль летит... - И, зло сплюнув, съязвил, скорее по привычке, чем для чужого длинного уха. - Ишь, раскатывается партийная неработь по небу букашками.

И верно, вместо вымени в подбрюшье "коровы-барки" висела корзина, из которой выглядывали, как грибы, какие-то человечки.

- Ох уж эти большевички, - продолжал негодовать бывший бывалый рубака. - Раскатываются по небу себе в удовольствие, а то, что на земле лошади дохнут от заразы, им - хоть бы хны!

Эти слова были кем-то услышаны и доложены - куда следует в свободном пересказе: Бело-Красная долговзаязкая калыганя прилюдно обзывал, мол, отважных большевиков - "букашками".

Так строптивый Яков Прокофьев (стоявший грудью в первую мировую войну за - царя-батюшку, в революцию занял сторону - большевиков, в гражданскую махал шашкой направо и налево сперва за - белых, затем за - красных; потом снова за - белых, и снова за - красных) из-за вздорного характера и не доносил форсистые штаны с лампасами. Бедолага по простоте своей укатил, будто в ночное, в недобрый час, на "бешеном воронке" в - Никуда. И сразу с концами, оставив на краю деревни, в крашеном доме, чернявую жену Веру из плодovitого древа Жуковых (сестра пятерых братанов и мать пятерых детей, мал мала меньше).

Вдогон Бело-Красному оракулу прокатились на том же "бешеном воронке" вскоре и Никитины: медвежатый отец Матвей-Молчун и его женатый рослый красавец сын Николай, который от Бога был еще и заядлым лошадином. Он и в колхоз-то вступил только из-за своего холеного жеребца Циклона, обобществленного закоперщиками новой "жисти" на разжив-почин свежеспеченного колхоза... Боялся, что тот попадет в чужие нерадивые руки. И златогривый любимец погубил своего бывшего хозяина в его новой ипостаси. В необузданной страсти при его моготе он оказался не по силам лягливой кобыленке с расхристанного подворья бывшего частовского предкомбеда. Чагровая темно-пепельной масти, после покрытия жеребцом Циклоном, сделала выкидыш. И вся вина в этом пала на молодого завконефермы - за его "родственные связи" с производителем. Ясное дело, что тут таился какой-то враждебный кулацкий подвох.

И укатили частовского красавца-лошадника его благие помыслы (хотел через своего жеребца в паре с чагровой вывести особую породу лошадей - колхозную!) по вымощенной дорожке в ад. Переворачиватели мира не посчитались, что жена Николая Матвеевича, Нина Ивановна, как порука мужу, была деревенской учительницей, вразумляла начальную грамоте их же неслухов. Нет, не посчитались!

Это случилось летом - на Казанскую. А после Покрова, темной ночью, умыкали из деревни и его медвежатого отца. Матвей-Молчун всегда слыл в деревне справным мужиком, хотя бы потому, что ел свой хлеб до нови.

В доколхозное время он с зари до зари "зверюгой" корчевал на вырубках пни - готовил пашню. Через это летом, экономя время, даже не ходил в баню - обходился рекой. Но вот на уговоры же вступить в колхоз, чтоб уже ломить сообща - стократной силой, на него находило какое-то затмение. Казалось, мужика вот-вот хватит столбняк - мычал что-то невразумительное: "Знаш-понимаш, понимаш-знаш"

обчелаш..." Вот и весь его был ответ на "общественное" ведение. Собрание хохотало и с миром отпусало домой. Ступай, мол, тугодум, и покумекай еще раз у родной печки, может, она что-то и присоветует тебе, как дальше быть? Так и жил мужик в тревоге.

Но вот на державном олимпе новые боги мудро и решительно начертали: "Кто не с нами, тот - против нас!" И когда раскаты их громов докатились до берегов бегучей реки, не стало на частовских нелегких белых подзолах трудяги-Молчуна. Да, пропал земляной червь, Матвей Никитин, ни за понох табаку...

Вот в какое, видно, спосланное самим Богом, проклятое время взвалил на свои могутные плечи бремя забот мой беспартийный отец, пока выдвигенец райкома, срочно принятый в ряды ВКП(б), проходил председательскую выучку в областной Совпартшколе.

Но как бы там ни было, жизнь в деревне на этом не кончилась. Плохо, хорошо ли, весной отселись в сроки. Памятуя о прошедшей зимней бескормице, и к сенокосу подошли серьезно. Тут, видно, сказалась заслуга нового председателя-плотника, который, готовясь к луговой страде, сделал перенасадку своей косы на литовку самого большого размера, а само косовье пустил длиннее обычного. А когда подоспела пора отбивать на заулках косы, он не стал созывать общее собрание, как было принято, а пошел по подворьям, где в разговорах с хозяевами напоминал им крестьянскую заповедь, уже напрочь забытую в колхозное время: "Коси, коса, пока роса: роса долой - косарь домой". И от себя добавлял: "Да и косить по холодку под зазорные наигрыши дергачей - азартнее выйдет!"

А на восходе солнца он встал впереди косарей и пошел, враскоряч, махать литовкой двойным прокосом, благо силушкой не был обижен Богом. Ну, а для настроения во время перекуров у него, запевалы деревни, про запас имелись песни. А без них - какой же сенокос на Руси?

В то лето - на удивление - не подкачал и лен. Когда его поля разлились голубыми озерами цветения, председателю-мастеру втемяшилась в голову затея - замахнуться на деревянную машину. Да не на какую-то там самоделку-безделицу, что-то вроде "вечного двигателя". А на самый что ни на есть настоящий агрегат-лынотрепалку, приводимую от конного привода, чертеж которой был напечатан во всесоюзной газете "Соц. Земледелие".

Помимо всего прочего, что мог сделать столяр-плотник, нужны были крепежные болты и простейшая ременная трансмиссия для передачи вращения от конного привода к двум брусам-валам с посаженными на них по четыре маховых деревянных колеса, к которым крепились бы нагелями по восемь тонких изящных трепал... Тут хоть имей пять пядей во лбу, а без кузнеца не обойтись...

С такой вот непростой заботушкой в разгар лета, ближе к вечеру, и пожаловал с поллитровкой в кармане частовской председатель-косарь в Заречье. На бывший столыпинский отруб Новинка в двух верстах от деревни - вниз по течению к известному, как и он, всей округе мастеру, но уже железных дел, Ивану-Кузнецу. И там у них, за хлебосольным столом, состоялась тайная "вечеря". На то был свой резон. В том крутом году им, уважаемым селянам, настрого было заказано что-либо делать помимо колхозной работы: одному - строгать, другому - ковать, чтобы - Боже, упаси! - не возродили частного промысла. Закоперишки новой "жисти", во хмелю вседозволенности, уже зарились и на своих селянских умельцев, замысливая, если не раскулачить, то - "обобществить" их струмент для общего пользования". На деле же вышло гораздо проще: расхватали бы все на-шарап - кому что достанется. Потом избурили бы руками неумех и выкинули на задворки за ненадобностью.

Открываться же мастерам до поры до времени не хотелось: а вдруг их дерзостная затея обернется пшиком на радость

местным зубоскалам? Да на том и ударили по рукам, порешив: творить свою задумку будут - на свой страх и риск - ранними да поздними упрягами, чтобы не вышло в ущерб колхозной работе. И что немаловажно, а это и было для них главное, пока пронирливые лежебоки валяются у себя в постелях под пологам, строгая на зорьке в услужу со своими беззаботными марьюшками себе подобных "пестухов". А так как столяр-председатель жил на юру лесного ручья, делившего деревню на два края - Козляевский и Аристовский, то и строгать-пилить ему пришлось у себя в столойне за занавешенными дерюжными покрывалами окнами.

И их тайно рожденное дитище закрутилось-завертелось, ни раньше, ни позже, а точно подгадало явиться на свет Божий - к октябрьским торжествам: другого срока для завершения любого дела - уже не мыслилось. На тогдашней "презентации" деревенской "фабрики" частовской Мастак не без бахвальства высокопарно сказал на стихийном сельском сходе:

- Дорогие наши труженицы, принимайте в услужение себе деревянную помощницу - на восемь персон! - Частовские, они - такие: и делом, и словом любили козырнуть.

Например, старый одноногий гармонист Никанорыч - инвалид русско-японской войны девяносто четвертого года - объявлял плясовую непременно с городским форсом: "Дык, уважаемые, пиеса "Барыня!"! Но и то правда, Частова всегда славилась гармонистами, не менее, чем плотниками. Но свадебным гармонистом в деревне был все-таки один - Никанорыч, которого так и величали с любовью: "Наш Пиеса-Барыня!"

Макет той чудо-лынотрепалки стал достоянием первой Всесоюзной сельхозвыставки в Москве. За участие в ней отец был премирован велосипедом Первого московского велосипедного завода.

Но это будет все потом, в следующем году. А тогда, вскоре после такого волнительного события в деревне с лынотрепалкой, отец наконец-таки сдал свои "временные" председательские хлопоты выученику Высшей взкэпэбэвской областной школы. (Но, как покажет время, не в коня корм пошел. Весной его поменяли снова на мало-мальски оклемавшегося кособокого Мельникова, который будет тянуть нелегкий председателский воз еще целых два десятилетия).

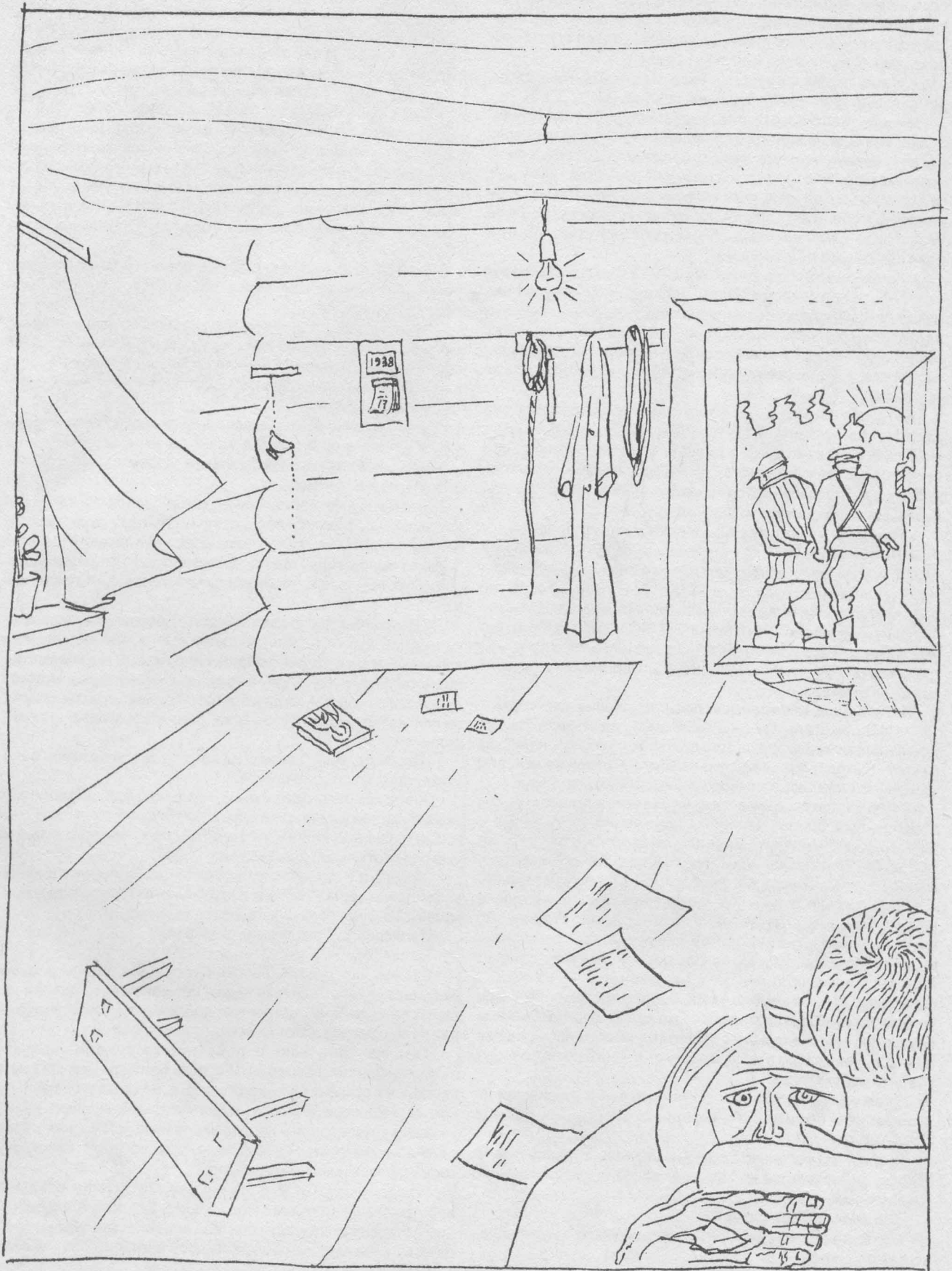
Мне запомнилось, как отец на общем собрании в клубе - после отчета и его перевыборов - винился перед однодеревенцами, показывая им свои тоскующие по любимому делу ладони:

- Простите, люди добрые, ежели что не так получалось, как хотелось бы... Да и то правда, не моими руками держать бумажки. Как ни осторожничал, все мятыми получались... Да и на свет Божий, сами знаете, я явился не белоручкой - на сенокосе в Березугах, когда мать-роженица моя заводила зарод стога, чтоб метать сено...

И уже на другой день частовской Гаврила Мастак к большой радости его бывшей плотницкой бригады, которая без своего одержимого бригадира как-то увяла духом, вернулся к любимому делу, дарованному самим Господом - махать топором. И планов у него было громадье - построить "образцовое!" овощехранилище: со сквозным проездом и вытяжной вентиляцией. И уже к следующим октябрьским торжествам оно в полном великолепии красовалось на бугре - за банями Аристовского края.

На этом можно было бы поставить точку на житии частовского Мастака. Можно, если бы был изжит до конца - проклятый тридцать восьмой, на излете которого он был срочно вызван в райцентр.

Домой отец вернулся где-то за полночь - усталым и донельзя взбудораженным. И сразу же от порога, не раздеваясь, кинулся в горницу - к раме с семейными фотографиями. Сорвал ее с гвоздя в простенке и извлек из-под стекла не очень ясную любительскую карточку, на которой он был изображен в веселом расположении духа с

председателем Маловишерского РИКа - районный исполнительный комитет - Иваном Федоровым, когда тот был еще начальником Парниевского химлесхозовского пункта. Отец поставлял ему бочки под живицу, которые мастерил зимними вечерами. С тех пор они и дружбу водили.

- Жена, живо - ножни! - выдохнул он с надсадом, нетерпеливо тряс расшиперенной ладоницей.

Мать то ли со сна, то ли с перепугу (таким взбеленным, видно, она еще не видела его) подала ему подвернувшиеся под руку овечьи ножницы. Ими-то отец и отхватил от себя на карточке своего задушевного дружка-приятеля, который, кружась, как палый лист, лег к его раскоряченным ногам. А уж они ли не любили друг друга? Одних только песен у них было перепето за семейно-праздничными столами столько! - ни в один парный воз на увяжешь...

А когда у свежиспеченного предРИКа Ивана Матвеевича скоропостижно умерла жена, оставив ему двух дочек (простудилась крупозным воспалением легких при переезде на подводе в осеннюю распутицу к новому месту службы мужа), отец - по истечении какого-то времени - сосватал ему в невесты первую красавицу деревни, гармонистову дочку Катерину, свою крестницу.

Потом он широко шагнул к угловому столику, где стоял дарственный патефон с открытой крышкой, сорвав с его круга мою любимую пластинку с боевым маршем легендарного Первого Маршала Советского Союза: "Бейте с неба, самолеты, в бой идут большевики!" И, к моему мальчишескому ужасу, разломил ее напополам, кидая на пол.

- Папка, ты что - ошалел? - кинулся я к нему с плачем.

- Не убивайся, сынка... это уже - мусор Истории! Враги народа! - услышал я в ответ какой-то чужой надрывный голос.

Оказывается, его и вызвал в район кто-то из доброжелателей к бывшему хлебосольному председателю - "упредить", чтобы он убрал все улики каких-либо связей с его уже теперь бывшим дружком-приятелем Федоровым, "разоблачение" которого совпало по времени с "делом" маршала Блюхера.

Бабка Груша, метя веником пол, сокрушенно причитала:

- Вседержатель ты наш небесный, да неужто ты так ничегошеньки и не ведаешь, што деется-то у Тебя тут, на Белом Свете?.. Выходит-таки, теперича на земле перевелись все твои крещеные. Остались одни вороги - ведьминопопоросу!

От этих слов отец аж вздрогнул, замотав головой, будто здоровенный бык на заклании, очухавшийся от удара в межрожье деревянной долбней, которой глушат рыбу на мелководьях по первольду. Он подбежал к бабке и выхватил из-под ее веника "мусор Истории", который сложил все вместе - обе половинки запретной фотокарточки и порушенные полукружья пластинки и тут же упрятал на дно старинного, красного дерева, китайского чайного ларца, где хранились в неистребимых ароматах чая домовые "ценные бумаги". Квитанции нескольких лет на сданные - "за так" - сельхозпродукты: картошки, мяса, молока, яиц, шерсти. И еще полагалось ежегодно сдать с подворья по две свежепосоленные шкуры, про которые мужики с опаской шутовали промеж себя: "Одну, хозяин, сдери с себя, а другую - с женки своей, и будут квиты с государством."

В том же ларце хранились - вместо денег - и никогда не выигранные облигации ежегодных оборонных займов "ОСОАВИАХИМа".

И, словно смертельно раненный медведь, обלאив руками голову, он заметался по горнице, распаяя себя каким-то нечеловеческим ревом:

- Не верю! Не ве-ерю-ю!

Вот тогда-то я и увидел его - такого огромного мужичища - впервые в слезах...

Приметив у отца свежую синеву на висках, я стянул с его головы кепку и - не узнал своего любимого Коня Горбоносого без его, такой знакомой для меня, косой черной челки прямых волос (он никогда не зачесывал волосы назад). И вот, желая развеселить как-то его, все еще стоящего надо мной на коленях, я шлепнул ладошкой по стриженной маковке:

- Какой смешной-то ты, папка... как огурец стал!

- Так легче считать будет нас, сынка, - отшутился отец. И поднявшись с колен, серьезно добавил. - К тому ж, огуречным чохом смелее будет ходить в атаку. - А насухо утерев кулаком глаза, он резко передернул плечами и посветовал мне, как ровне своей. - Фу, как разньюился, аж с души воротит... Ну, а мамке-то об этом совсем не обязательно говорить. Так уж как-то само получилось.

- Папка... Конь Горбоносый! да матюгнись ты, как следно, и тебе - полегчает, - дал я совет по-свойски, как у нас было заведено шутить.

(Отец не любил, да и не умел сквернословить: при его могучей стати с его величавым горбатым носом божьего воина на длинном лошадином обличии было как-то - "не к лицу". А если когда бывало и вспылит: "Маткин берег - батькин край!" - разве это матюг?)

От такой сыновьей подсказки отец снова сграбастал меня в свои сильные объятия и, вскочив на ноги, закружился на заулке со мной на руках, как с маленьким, громко, сквозь слезы, не то плача, не то хохоча:

- Сынка, я и не догадывался, какой чудной-то ты у меня растешь!.. - И мне казалось, что я не на двух руках сижу, а верхом кружусь на грохочущем весеннем громе и на мою двухвихровую маковку льется теплый дождь из отцовских слов. - Да как же мне теперь, кровушка ты моя, расстаться-то с тобой, а?

И вот, как бы "понарошке" всласть поборовшись, как когда-то любили дурачиться в ожидании ужина, мы продолжили извечное мужское дело - запрягать лошадь. Отец незаметно подмогнул перекинуть дугу на другую сторону, и у меня сразу дело пошло на лад. А когда я стал засупонивать клещи хомута, он подсказал завязать супонь на "бантик". И показал, как это делается:

- Это тебе, сын, "узелок" на память. Мало ль какая беда может приключиться в дороге...

(А вот как расстались мы с ним в последнюю минуту, у меня начисто выпало из головы, о чем буду потом жалеть всю жизнь. Только одного не знал я тогда, а сколько ж этой жизни мне будет отмерено в рушащемся мире?)

Очнулся я в горьких слезах, лежа ничком в телеге (видно, уложив в нее меня отец при своем уходе), от громовой духовой музыки, которая трубно выговаривала словами:

"Трансвааль, Трансвааль, страна моя!

Ты вся горишь в огне..."

Видно, частовские неумные певуны, уходя в свое Бессмертие, достали-таки своей полюбившейся песней до самых печенок городских железнодорожных трубачей, которые с ходу подхватили запоминающуюся мелодию.

Там же тревожно и прерывисто гудели, как бы остановившиеся, паровозы. И только один протяжный гудок удалялся в сторону Истинского моста: подальше от войны... Это маловишерцы, а с ними и наши частовские мужики и парни уезжали в Череповец - на формирование. Чтобы уже через день-другой пуститься в обратный путь - на Запад: навстречу своей грозной неминуемой планиде.

Посреди заулка в великой скорби стояла старуха, прогнавшая меня утром с крыши дома. Застигнутая музыкой на полдороге к огороду, она вслушивалась в убывающий печальный гудок, истово крестилась и вполголоса просила небеса:

- Спаси и оборони их - от всех напастей и напрасных смертей...

Мельников вернулся ко мне, кукувавшему на Поперечной улице, уже поздно, еще больше прежнего, как мне погляделось, кособочась и приволакивая парализованной ногой. И правая рука висела - плеть-плетью. От его прокуренных усов попахивало и вином, что говорило: частовской председатель проводил на войну своих одноклассников - честь по чести. Понюхавший вволю пороху и отравляющих газов в первую мировую, а затем и в гражданскую, он, как и мой отец, ошарашил меня незнакомыми словами войны:

- Раз объявлена "тотальная мобилизация", видно, теперь не скоро закончится эта кровавая катавасия... Ох, не скоро, - сказал он устало, скорее для себя, словно бы продолжая разговор на вокзале с провожающими после проводов земляков района.

Широко оглядев над головой небо и убедившись, что оно было пусто в его близости, он снова тяжело вздохнул и только после этого соизволил узреть меня:

- Ну вот, родный (дядька Егор всех так называл: "родный, родная"), и остались теперь мы, тыловики: старые да малые.

С этими тяжкими думами мы и снялись со двора Поперечной улицы, которых в деревенском городке районного масштаба было - ни много, ни мало - тринадцать. Одинаковых, как две капли воды: с голубыми палисадниками, полнившимися роскошными шапками георгинов, - летом и осенью с непролазной грязью проезжей части улиц. А так как стояла макушка небывало жаркого лета, то и ехали мы по затравенной улице к себе домой в начисто обезмужиченную деревню, как сказал дядька Егор, "крепить тыл обороны страны".

Вотчину маловишерских железнодорожников - деревню Глутно мы проехали уже с первыми петухами. Морило в сон. Лошадь, воспользовавшись попустительством юного ездового, брела сама по себе, хватая на выбор макушки высоких трав, росших по краю канавы. Дядька Егор, не выдержав такого дорожного разгильдяйства, потребовал своей председательской властью - навести порядок:

- Да ожи ты ее, каналью, кнутом!

Я хватился было за кнут - и не нашарил его в телеге, чем в конце раздосадовал Мельникова:

- Потерял, что ли?... Да остаться в дороге без кнута так же зазорно, как и потерять спяну шапку. - И чиховстил он меня, пока комарье, озверевшее на восходе солнца, не загнало его с головой под домотканое дерюжное покрывало.

Не выдержав комариного содома, я тоже вскоре убрался под покрывало. Так и ехали мы - от Глутна до Селищи, кимаря втемную под трескучие наигрыши ночных луговых музыкантов-дергачей, пока я не прохватился от дикого ржания лошади, ломкого хрюста кустовья и всполошенных криков председателя, которого как бы угорадило ухнуть куда-то в преисподнюю:

- Ой-ой, мать твою!..

Так оно и случилось. Лошадь, предоставленная сама себе, рванула вскачь под гору Крутого Ручья, а опущенные вожжи, намотавшись на замазученную дегтем ступицу переднего колеса, резко затянули ее на сторону. И мы с полного маху ухнули с кручи насыпи перемычки вниз, где телега, разъявшись с передками, повисла кверху колесами на сломанных ольшинах. Дядька Егор, слышно было, в жерле оврага брызгался в воде, чертыхаясь и кляня все и вся на свете. Я же оказался перед самой мордой лошади, которая вместе с передками лежала на боку, удушливо храпя и беспомощно лягаясь в воздухе ногами.

Вот тут-то и сгодился мне отцовский "узелок на память". Я дернул за конец супони, завязанной на "бантик", и лошадь сама распряглась. Затем и встала на ноги, с благодарностью отфыркиваясь. А я тем временем скатился вниз - вызволять из жерла оврага знаменитого на весь район Мельникова.

Потом немощного председателя - под руку и охромевшую лошадь - в поводу я повел на дорогу, выискивая пологость вздыма. Будто из окружения, мы пробирались по тучному, рослому дудняку. Дядька Егор, до нитки мокрый и все время

оскользываясь и спотыкаясь лядцами ногами, шел и кстил меня на чем стоит свет:

- ...Мужик ты еще херов, вот ты кто! - И с этими словами зашелся навзрыд, словно бы жалуясь солнцу, уже рассевшемуся на макушках елок над обочью оврага. - Да с кем я теперь остался-то, а? Как жить-воевать теперь будем, а?

Кружным путем, наконец, выйдя на дорогу, мы принялись вызволять телегу из-под кручи с помощью лошади. По подсказке моего, прожившего на свете, путника я приладил к гужу распущенные вожжи и на них мы - с великими трудами - подняли на насыпь перемычки сперва передки, а затем и саму телегу...

И кому было знать, что Крутой Ручей между деревень Глутно и Селищи в двадцати верстах от Частовы (через Подмошские болота с обитаемыми старообрядческими скитами) вскоре станет необоримой преградой для победоносного шествия на Восток грозного врага. В одну из ранних морозных ночей немцы, перейдя по первольду Волхов, на рассвете ворвутся в Малую Вишеру, замысливая сходу выйти во второй эшелон обороны уже определившегося Волховского фронта. К реке Мста, где правый ее берег - мы, мальчишки, старшие сестры и наши матери (и не только Частовы, но и всей глубинной округи), отложив все колхозные дела, с начала июля и до половины августа, под началом молоденького лейтенанта с перевязанной рукой на черной помочи на груди, подпоясывали, будто широким солдатским ремнем - противотанковым рвом. А когда он был готов, оказалось, по каким-то военно-стратегическим просчетам, укрепляли не тот берег. И все наши праведные труды - пошли коту под хвост. То есть не в пользу обороняемых, а против них. Мы обустривали, как нам внушал наш раненый лейтенант и его проверяющие со "шпалами" и саперно-инженерными знаками отличия в петлицах, по всем правилам военного искусства, правый берег, а на поверку вышло, надо было б кромить заступами и ломками - левый: неподатливый каменно-глинистый Грешневский кряж. Левый, черт побери, левый!.. Ну да, что там, задним-то умом мы все крепки.

Так в начале ранней зимы сорок первого немцы нежданно-негаданно оказались у Крутого Ручья, где всю ночь будет греметь жаркий бой, в котором непрощенных гостей отбросят на станцию. А через какое-то время их снова водворят за реку Волхов в сырые окопы, в которых они потом будут воевать-горевать без малого три года.

Рубеж у Крутого Ручья отстаивал и наш частовский красноармеец Филипп Голубев, который еще совсем недавно толково командовал бабьей ратью овощеводческой бригады, непревзойденный косарь-машинист на сенокосилке, отец троих чад.

За отличие в том сражении ему была предоставлена краткая побывка в родных палестинах при личном оружии. Помню, как он в морозных сумерках, весь заиндевелый, поднялся на припорошенный первым снегом частовской кряж с окровавленной повязкой на голове, видневшейся из-под шапки, с отечественным - в диковину - автоматом на плече, на ремне - кинжал-штык, а на груди совершенно новенькая медаль "За отвагу", которую, видно, перед деревней перецепил с гимнастерки прямо на нагольный полушубок, чтобы все видели, что он не просто Филипп Ионыч, а защитник Отечества! И нам, мальчишкам, сразу загорелось - хоть завтра! - пойти добровольцами в Красную Армию...

Но если сказать откровенно, первыми, кто выиграли бой уже на второй день войны у Крутого Ручья Волховского фронта, еще не значащегося ни в каких оперативно-стратегических планах - ни в наших, ни во вражеских штабах, это были мы с дядькой Егором. Вызволяя из-под кручи телегу, давась слезами и соплями, я разом отыграл все свои мальчишьи забавы. С этого утра я уже стал мужиком и все колхозно-оборонные работы деревни теперь станут и моими работами, пока не кончится война. А когда она кончится, еще никто об этом не

загадывал...

Мельников, глядя со слезами на глазах на мою путанную расторопность, видно, воспрял духом, уверяясь, что еще будет ему с кем "крепить тыл обороны страны":

- Ну, родный, гляжу, с тобой не пропадешь, - сказал он, посмеиваясь своими карими, с теплотой, глазами. - Хошь и прокатил ты председателя с ветерком по кустовью да овражью, но и сметку крестьянскую не запамятовал. И как это ты сумел догадаться ментом рассупонить лошадь-то вовремя? Не сделай этого враз - могла б и задохнуться. Ничего не скажешь - мужик, молодчага!

- А-а-а, - махнул я рукой и нарочито обыденно ответил: - Вспомнил папкин "узелок на память". Делов-то!

- Ишь ты, - удивился Егор Екимич, - это горазд хорошо, когда есть чем вспомнить своего папку.

Вот уже осталась позади, после Крутого Ручья, опрятная деревня Поддубье, где живут скуповатые и ходкие на ногу маловишерские "молоконосы", которым с берестяными заплочными кошельками на три четвертных бутылки десять верст до рынка - не расстояние.

Как только въехали в частовские заречные угодия новинской бригады, Мельников, уже обсохший на все жарче разгорающимся солнцем ядреного лета, обратился ко мне на полном серьезе, как к своей ровне:

- Дак, запевай, Гаврилыч, папкину любимую песню - она

щас, как никогда, кстати. Да и в деревне пускай слышат, наши, мол, едут! Так уж у нас, частовских, было заведено от века.

И он первым затянул своим дребезжащим, как расщепленное полено, голосом:

- Трансвааль, Трансвааль...

А в это время, как потом узнаем - в Первопрестольной, на Белорусском вокзале, набирала силу уже другая, нашенская песня:

"Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой!"

Вскоре мы получили от отца красноармейский привет - "треугольник". Первое и последнее письмо, в котором он писал перед отправкой на фронт: срочно получил, мол, "швейную машинку", а понимать надо было - "максима". Он был кадровым пулеметчиком во время военных сборов на переподготовку, и "максим" ему был по плечу.

А уже в середине августа, на частовской престол - яблочный Спас, Мастака-пулеметчика не стало. Погиб на Ленинградском фронте... Правда, об этом мы узнаем уже после войны из посмертного извещения, в котором говорилось, что он погиб "смертью храбрых" под Красным Селом.

В те же срединные августовские жаркие дни сорок первого пал и наш златоглавый Вечный Град - Новгород, вознесясь в небо в аспидно-жирных свивах чада, терпко пропахшего темными веками...

*Владимир КРАСНОВ
родился в 1950 году
в деревне Пирос
Новгородской области.
Окончил Новгородский
пединститут
и факультет
журналистики МГУ.
Журналист. Очерки
и рассказы его
печатались в
новгородских и
столичных газетах,
в журнале "Север".
Живет
в Малой Вишере.*

Владимир КРАСНОВ

рассказы

ПАДАЛ СНЕГ

Лошадь, прикрытая старой попоной, стояла на дворе и аппетитно хрумкала сеном. Была она тощей усталой клячонкой, давно утратившей молодое любопытство, ей дела не было до пацана-маломерка, который смотрел, как она, встряхивая тяжелой умной мордой, сосредоточенно жевала сено. От нее солоновато пахло конским потом; на дровнях, свернувшись черным клубком, дремала собака. На попону, на черную собачью шерсть, а заодно и на шапку и плечи мальчугана падал снег. Он был самым пассивным участником той давней истории, и у него не было другого

дела, кроме как падать с низкого дымно-серого неба. Позвякивала уздечка, шуршали и хрустели на крупных лошадиных зубах остатки сена, а собака спала так крепко, что казалась неживой. Мальчик подошел поближе и хотел рукой без варежки смахнуть с нее снег, как она вдруг вскинулась и заворчала. Он не испугался, но на всякий случай отступил в сторону.

Снег повалил сильнее, крупными мохнатыми хлопьями, они таяли, едва коснувшись маленькой грязной ладошки, оставляя после себя маленькую капельку, которую очень хотелось слизнуть. Так он и делал, благо никто его тут не видел. Отец и этот маленький смешной старик, имени которого он так и не запомнил, сидят сейчас за кухонным столом, курят после обеда, разговаривают, а потом поедут в Ефремово на собрание и, может быть (очень хотелось в это верить), возьмут с собой и его. Поэтому он и ждал здесь, нарочно не уходил, чтобы его не забыли. Впрочем, он и так никуда бы не ушел. Здесь, возле лошади, было интересно и так удивительно пахло конюшней, дорогой - совсем другой, незнакомой жизнью, которая вызывала у мальчика смутную зависть. И так славно шел легкий как пух снег, до неузнаваемости изменивший знакомый двор с воротами и дровяным сараем. Он вздохнул и, осмелев, притронулся к теплой лошадиной шее. Она не обратила на это никакого внимания, жевала свое сено, которого оставалось совсем немного, жалкие клочки. Он присел, собрал их в пучок и протянул лошади. Она благодарно звякнула уздечкой, дунула ему на руку и большой мягкой губой подобрала все без остатка.

Хлопнула дверь. На улицу вышел старик в распахнутом желтом тулупе. "Справилась. Готово дело, - укоризненно сказал он. - Чего головой-то мотаешь? Сена на тебя не напараться! И куды столько лезет?" Он, кряхтя, принялся подтягивать упряжь. "Вот такие, брат ты мой, дела, - бормотал старик, встряхивая заснеженную попону. - Поедем сейчас с батьком твоим на собрание. И тебя прокатим. Как не прокатить? Прокатим, обязательно прокатим..." Он

топтался вокруг дровней, что-то там увязывая и перекладывая. Собака с появлением хозяина оправилась от сна, бойко выскочила из саней и умильно завилала хвостом.

Еще раз хлопнула дверь, и на крыльце появился отец. Высокий и ладный, он упруго захрустел по снегу подшитыми валенками. "Ну что? Поедешь с нами? - подмигнул он озябшему сыну. - Только до сенопункта, брат. Мы в Ефремово с ночлегом. Елку тебе оттуда привезем. Согласен? Тогда беги, скажи бабушке, да побыстрей..."

Сани дернулись, визгнули полозьями и мягко покатались по снегу. Черная собака бежала следом, дружелюбно скаля на бегу желтые зубы. А он полулежал на обмятом,

засыревшем сене, с удовольствием вдыхая запах накатанной дороги, и было ему весело и легко, и не хотелось думать, что все это скоро кончится, придется вылезать из саней, где он чувствовал себя таким взрослым и значительным, и возвращаться домой пешком. Чтобы не портить впечатления от езды, он стал смотреть по сторонам. Забавно было наблюдать, как удаляются дома, как мельтешат заборы и как чуть набок бежит и бежит собака - и незаметно, чтобы она устала или выбилась из сил. Жаль только, что никто не видел, как он едет на лошади, улицы в этот час были на удивление безлюдны. Только вдалеке прошла тетенька с ведрами на коромысле, глянула им вслед и пошла своей дорогой.

Сельповская кобыла заметно поубавила прыти, сани поползли медленно, толчками, и уже не занимало дух, когда на ухабах и выбоинах они кренились набок и черпали краем придорожный снег, присыпанный сеной трухой. Наконец, они совсем остановились, и отец сказал: "Приехали. Ну, сынок, беги домой." И похлопал его по плечу.

Мальчик еще долго стоял на дороге и смотрел, как удаляются сани с отцом, который теперь расположился на его месте и махал ему рукой. Старик в тулупе так и сидел, чуть сгорбясь, впереди, собака черным мохнатым клубком, точно привязанная, бежала сзади. Опять пошел переставший было снег, и в этом белом живом тумане, как по волшебству, исчезла лошадь с седоками, пропала дорога, и если бы не свежий санный след под ногами, можно было бы подумать, что все это мальчику только что приснилось. Он повернулся и пошел прочь, засунув руки в карманы и не глядя на заснеженные скирды и стога.

О чем он думал, возвращаясь домой, сказать теперь трудно - так давно это было, в совсем другой жизни. Маленькие следы тут же засыпал снег. Может быть, он думал о елке, которую привезет из Ефремова отец, может, мечтал о гостинцах от Деда Мороза, но было ему не по-детски грустно. Он еще не знал, что так бывает даже в ожидании самых светлых и радостных праздников.

ТОРЬКИЙ ЗАПАХ ДЫМА

Баня давно не топилась. Из щелей в полу тянулись бледные неживые травинки, а из подгнившего нижнего венца, изогнувшись, лез хлипконогий гриб. Остывшая каменка, разошедшая шайка, закопченный котел, в котором успел свить паутину домовитый паук, - все это было на своих местах, но не было уже во всем этом того неукоснительного порядка, который сам собой говорит, что нынче же, в субботу, затрещит в печке сосновая лучина, огонь нехотя лизнет горкой сложенные дрова, поползет по мореным бревнам белый дым, отыскивая под потолком тесное оконце душника и вываливаясь наружу сизым пахучим облаком... Хватаясь за грудь и кашляя, выскочит из бани стриженный подросток, плюхнется на скамейку у колодца, оботрет кепкой вспотевший лоб и, отдышавшись, вновь ринется в дым поглядеть, не потухли ль сырые дрова.

Баня топилась плохо. Всякий раз она долго исходила дымом, пока огонь, наконец, не набирал силу и не принимался утробно и напористо гудеть. Дым понемногу рассеивался, и теперь можно было носить воду в большую пузатую кадку. Раз за разом бежать к колодцу и, перебирая руками тяжелый, в заусеницах, крюк, тащить из сумрачной пустоты точно свинцом налитое ведро, слыша, как срываются и звонко плещутся где-то внизу живые тяжелые

капли и ходуном ходит взбаламученная вода... Пока бочка наполнялась, прогорали дрова, надо было рубить на еловом чурбаке сваленный в кучу древесный хлам и снова подбрасывать в ненастную утробу жарко мерцавшей печи. В бане становилось тепло и сухо, и только слегка ело и пощипывало глаза. Под дощатой крышкой котла шумело. Мальчик подтаскивал к стене большой молочный бидон и широкий алюминиевый бак, располагая их пудобней, шуровал кочергой в топке и выметал голичком остатки мусора.

Щеки его покраснелись, в глазах плясали огоньки: то ли отсветы углей, то ли искры азарта - поди разберись, да и некогда разбираться, когда вот-вот сливать первый котел и опять носиться от колодца к бане, от бани к колодцу... Работа, за которую он с такой неохотой взялся, была весело от сознания взрослой силы и сноровки, с которой, как казалось ему, он колот дрова, носил воду и следил за огнем. Все тут было в его власти, и он, уже без суесть, невольно подражая отцу, присел на корточки у печки, наблюдая, как волнами пробегает по углям синеватый жар. Ему даже захотелось покурить, хотя еще маленьким он до зеленой рвоты накурился махорки, которую стащил из дома беспечный Христофор, неизвестно за что получивший свою странную кличку и охотно на нее откликавшийся. В тот раз, воображая себя почему-то индейцами, они долго, одну за одной, смолили неумело и наспех скрученные самокрутки, пока обоих не скорчил выворачивающий внутренности

кашель. С тех пор он не притрагивался к табаку, хотя многие пацаны из его класса уже вовсю дымили в туалете, и от них по-взрослому независимо пахло куревом.

А однажды все с тем же выдумщиком Христофором сели после уроков в автобус, собираясь выйти у кладбища и берегом реки вернуться назад, но полупустой дребезжащий автобус, урча и подвывая, проскочил мимо, и они, неожиданно для себя, очутились в большом соседнем селе, за семь верст от дома. Сперва это их сместило, и они без умолку хохотали, дурачились, кидали в воду камни и щепки, слушая, как с гулким жалким чмоканьем пропадают они в желтой пене грозно ревущих порогов, спорили, кто дальше кинет, даже пытались столкнуть с обрывистого берега огромный, нависший козырьком валун, но чуть сами не свалились в воду, и бросили это занятие, вдруг обнаружив, что день, так беззаботно прожитый, сменился вечером, и вязкие, гнилые сумерки уже клубятся в чахлом прибрежном лесу, делая его чужим и недобрым. Недоброе что-то чудилось и в сухом шорохе листьев, и в ровном несмолкаемом шуме реки, и в шелесте ветра, ставшего вдруг сырым и холодным... Не сговариваясь, они побежали по засыпанной листьями тропке и уже не глядели по сторонам и не рассуждали о том, как было бы интересно залезть в пещеру на той стороне, откуда бежала, разбиваясь о камни, подземная речка. Сама мысль о пещере казалась неприятной, пробирала по спине ознобом, и они бежали и бежали, пока не закололо в боку. Христофор скрючился, присел и, отдышавшись, сказал, что он не рыжий, что дальше не побегит, пусть дураки бегают, а он посидит на камне, и вознамерился было взгромоздиться на большой замшелый валун, наполовину вросший в землю, но тут глаза его округлились, он побледнел и, тыча пальцем в неглубокую, блюдечком, выбоину, прошептал побелевшими губами: "Кровь!" И так он это произнес, что оба застыли, как вкопанные, у этого обыкновенного с виду камня, от которого вдруг пахнуло таким могильным холодом, таким мраком, что они сразу вспомнили о недавнем убийстве, случившемся таким же вот осенним вечером, когда дядя Коля Сергеев подстерег на берегу дядю Сашу Барулина, с которым подрался накануне по пьяному делу, и застрелил его из ружья, а сам скрылся неизвестно где, и его разыскивала милиция... Выбоина в камне багрово отливала красным, и не оставалось никаких сомнений, что это, конечно же, кровь еще одной несчастной жертвы, и что дядя Коля, может быть, где-то рядом, в кустах, и, может быть, даже целится в них из ружья, ведь говорили же мужики, что ему нечего теперь терять...

Как их оттуда унесло и как очутились дома, поклявшись никогда и никому не раскрывать своей страшной тайны, оба тогда так и не поняли. В ушах свистел ветер, ноги едва касались земли, и только когда впереди показалось кладбище, а за ним колхозные мастерские и вытянутые в линию дома, еще темные и пустые в этот час, они перевели дух и, стараясь не глядеть на кресты за оградой, пошли хоть и быстро, но шагом. Вот тогда-то и договорились они никому ничего не говорить, но Христофор всем все разболтал, да еще наврал, что они видели гильзу от патрона и охотничий нож со следами крови. Он тогда смолчал и даже как будто поддакнул, а потом и сам незаметно для себя стал что-то

прибавлять, с чем Христофор радостно соглашался, вспоминал на ходу новые подробности о страшном камне. Они даже договаривались туда сходить, чтобы на месте показать все, о чем с таким упоением говорили. Но вскоре зарядили дожди, потом повалил снег, рано замерзло, после школы ребятня расчищала на пруду лед и каталась на коньках, прикручивая "канады" и "снегурочки" к валенкам. У бедняги Христофора коньков сроду не бывало, и он терпеливо ждал, когда ему дадут прокатиться, хотя, сказать по правде, катался он, как худая девчонка, и ничего, кроме насмешек, своим появлением на катке не вызывал.

Дядю Колю нашли по весне рыбаки. Он застрелился той же осенью, и труп его, лежавший на берегу глухого лесного озера, был, говорят, до неузнаваемости исклеван воронами. И схоронили его темной ночью на краю Нилушки в закрытом гробу. Об этом еще какое-то время с суеверным ужасом все говорили, а потом забыли, и если вспоминали, то как-то вскользь, не вороша подробностей. История с камнем к тому времени тоже забылась, и они с Христофором больше не вспоминали о ней.

...Шум в котле нарастал, пар валил сквозь все щели, в бане сделалось сыро и душно. И когда он ковшом стал отливать кипяток сперва в бидон, а потом в бак, пар заметался под потолком, обжигая своим горячим дыханьем и мешая работать. Жарко взмокла спина, пот струйками бежал за ворот, заливал глаза, и не было никакой возможности стереть его. Шаркнув ковшом по дну, он усмирив раскаленный котел ведром холодной воды и, согнувшись, выскочил на волю.

Сердце трепыхалось под мокрой рубахой, в висках стучало и тюкало, он жадно хватал ртом холодный осенний воздух, пахнувший подопревшей картофельной ботвой, дымом и коровьим навозом. У соседей тоже топили баню, слышно было, как звякают за забором ведра, как плещется в колодце растревоженная вода...

И теперь здесь все так же, как было когда-то. Еще висят в предбаннике порыжевшие, никому не нужные веники, притулилась в углу ржавая кочерга, лежит на лавке кусок хозяйственного мыла, похожий на обломок кирпича... Все здесь, как было, только жизнь незаметно выветрилась из этих прокопченных стен, оставив зачем-то безнадежно горький запах дыма.

какая-то тайная злая сила. Помнишь, как шли мы сухим, кочковатым полем, и жесткая, иссушенная дневным зноем трава стегала тебя по голым ногам? Что-то резкое, порывистое было в тебе в ту ночь, точно ветер гнал тебя, и ты не знала, куда и зачем понесет тебя дальше...

Прищуренным немигающим взглядом смотрела ты на костер, который развели на краю поля, и отблески рыжего

ВМЕСТО ПИСЬМА

Ты помнишь ту тревожную мутную ночь, когда ветер гнал невидимые с земли тучи и влажно дышал в лицо? Вдали, за рекой, бесшумно полыхали немисливо яркие костры, и на душе делалось беспокойно, будто исходила от этих костров

пламени плясали в твоих темных зрачках. Я не знаю, какой вихрь вдруг подхватил меня, но дальше мы оказались вместе...

Было весело и жутковато от мысли, что все догадываются об этом, видя, как стараюсь я оказаться возле тебя, как ищу в темноте твою сухую горячую руку и, только легко коснувшись ее, успокаиваюсь и делаю вид, что случайно очутился рядом.

Помнишь, как проди-рались мы сквозь ольховые заросли, путаясь в крапиве, которая нещадно жгла твои ноги? Ты вскрикивала, и в голосе твоём слышалось то же тревожное ожидание, которым полна была эта языческая ночь на Ивана Купалу, летевшая незнамо куда, как венки, пущенный по течению быстрой студеной речки. Ее невнятный, торопливый говор мешался с шумом ветра и беспокойным гомоном береговой ольхи, заставляя

ВЕЧЕРОМ

...А за окном стыл на ветру бедный монастырский парк с шапками вороньих гнезд на старых липах; выщербленная кирпичная стена с остатками чугунной ограды в проеме ворот скрадывала берег Волхова, заросший жалкими в своей покорной наготе кустами. По весне они окутывались легкой невесомой дымкой и загадочно светились вечерами, отражаясь в речной воде. Пахло илом, древесной и травяной зеленью, захлебывались трелями соловьи, и на душе делалось горько и беспокойно, точно тебя где-то ждут, а ты забыл, где.

Какие это были вечера! Какие мысли и воспоминания гнали неведомо куда, какие желания вспыхивали, пропадали и снова вспыхивали, как лунные блики на воде!

Пыхтя и отдуваясь, проплывал в текучей густеющей мгле буксир, обдав берега теплым запахом мазута и копоты и прошуршав в кустах вязкой томительной волной.

И снова стихал и успокаивался Волхов, слышался чей-то смех, и шум засыпающего города накатывался, как шум

вслушиваться в него до холода в груди, до легкого озноба...

Роняя искры, мимо нас пробежали деревенские пацаны с ключьями горячей пакли. Ветер гнал по темному небу стада туч, раздувал костры за рекой и глухо, рассерженно шумел, суля близкую грозу. Вдали уже посверкивало, пока еще слабо, безмолвно, но всюду уже разливалась глухая смутная тревога, и эта тревога непонятно как передавалась нам. Кругом были люди - много всякого народа собралось к костру, пылавшему в ночи как-то особенно бесстыдно и ярко. Хрипел и надрывался чей-то магнитофон, и ты без устали кружилась у огня, и движения твои были легки и плавны. Рядом с тобой я казался себе неуклюжим, неловким и все чаще отступал в сторону и смотрел на тебя долго и пристально, зная, что в темноте этого никто не увидит. Меня снова тащили в круг, я не сопротивлялся, но к веселью был безучастен, и у костра видел только тебя.

Помнишь, как танцевали мы под музыку старинного романса, и я говорил тебе, что вот ехал русский человек полтора-два года тому назад в бричке или в карете ранним утром по унылой осенней дороге, смотрел по сторонам, и было ему так же грустно, как грустно теперь нам, - значит, ничто в мире не исчезает, останется и эта ночь.

А ночь слабела, догорал подернутый пеплом костер, и уже не казались зловещими безликими тени, шарахающиеся от огня. Светало. Воздух сырел, сползал в низину туман, а над сизым от росы овсяным полем дрожала бледная полоска зари. Я вдыхал теплый воздух твоих волос и молчал. Не хотелось ни говорить, ни думать о том, что кончается ночь, догорает костер, что утром мне уезжать... Впереди еще был рассвет, еще тлели под пеплом угли, еще ветер зачём-то раздувал их, напоминая об ушедшей грозе, и они мерцали, шипели и потрескивали, как упавшие в траву звезды.

далекого приюта. Ночь становилась похожей на театр в ожидании спектакля. Еще закрыт занавес, и за кулисами слышны торопливые шаги, что-то там гремит и падает, в оркестровой яме нестройно и пугливо всхлипывают скрипки, звенят литавры и взлетает ввысь нежно тоскующий голос флейты, он зовет всех, кто еще ничего не забыл и кому дороги воспоминания об ушедшей юности. Юность всегда уходит, это старость приходит, но так и не успевает прийти, потому что все мы, даже глубокие старики, умираем, в сущности, молодыми, и не по нам ли это плачут навзрыд белые чайки, кружась над темной водой, и не нас ли разыскивают впотьмах хмурые, ворчливые дергачи, зовущие кого-то хрипло и устало: "Иди, иди..."

И мы идем навстречу этому зову в пустоту и мрак сошедшей с небес ночи и пропадая в ней по одному и возвращаемся только во сне, смущая своим внезапным появлением старых друзей и всех, кто нам дорог и мил в той навсегда исчезнувшей жизни, которая катится куда-то вдаль уже без нас.

Уже без нас...

Петр АЛЕШКОВСКИЙ

родился в 1957 году. В 1974-1979 гг. учился на историческом факультете МГУ. Специализировался на кафедре археологии. Несколько лет принимал участие в полевых работах Новгородской археологической экспедиции. Работал археологом на реставрационном комбинате. Принимал участие в раскопках и реставрации Соловецкого, Кирилло-

Белозерского и Ферапонтова монастырей, новгородских церквей и башен Окольного города. С 1985 года публикуется в различных журналах и газетах. Член Союза писателей. Автор пяти книг художественной прозы. Предлагаем два рассказа из его книги "СТАРГОРОД".

Петр Гайдуков

ПО КАЙФУ

Санька - рыжий, а рыжим, бабка говорила, бог помогает, если, конечно, нос не вешать. А Санька не вешает, знает, чего хочется. А отсюда какой вывод - будет Саньке удача в жизни, обязательно будет, не в Мареве же в колхозе погибать. Мать, хоть и рыжая, а загубила себя, а Санька не станет. Да и мать - одно слово, рыжая - была рыжая, а теперь и не поймешь. Отца Санька в глаза не видал - как сел, так и исчез, корова его языком слизала. Ну и хрен с ним, деревенских тюрьмой не напугаешь - через дом сидят. А Санек не станет, Санек по морской части пойдет - эт факт, железка - через плечо четыре раза, и в ухо болт тому, кто сглазит, ясно! Глину месить - дураков нету, телевизор смотрели.

В Мареве название только - райцентр, один аэродром чего стоит: кукурузник садится - куры с поля в разные стороны бегут. А автобусом до Старгорода - шесть часов: через Борки, Шалды-Бодуново, Сусло, Пазарань, чтоб они все в своих болотах потонули. Нет, Санька в "Старгородской правде" вычитал - поедет в ПТУ на электрика судовых машин учиться, а там и в море. А в море - свобода, как "Машина времени" поет: "За тех, кому светит волна, за тех, кому повезло...", да? Да! Не создан Рыжий для болотины, только если клюкву собирать, а и ну ее к бесу, клюкву ту!

У Саньки на удачу морскую якорь на запястье наколот, на правой руке, на пальцах - год: единичка, девятка, семерка и вопросительный знак - девчонки любят отгадывать. И еще имя - "Санек", чтоб сразу, значит, ясно было, с кем дело имеешь. Они в школе наколки заделали - кто что; кто - перстни, кто - имя, а кто - сердце со стрелой - на любовь с первого взгляда. Баловство, конечно, никакого это отношения к ИТЛ не имеет, просто здорово было. Тушь, правда, расплывчатая попалась - якорь здорово получился, а "Санек" - портачка - буквы немного поплыли. Ну, да бывает и хуже, когда гноится, положим, совсем не в дугу, а так - очень даже и браво смотрится, по кайфу.

Якорек, между прочим, его и выручил. Как на суд возли - Морячок увидал, спросил:

- Мариман?

- Не-а... пока нет - это на удачу морскую.

Не хотелось говорить, но ответил - страшно тогда было, как там осудят.

- Да ты не бойся, - понял его Морячок, - дальше Сибири не сошлют, - хохотнул, и уже серьезно: - У меня друг был, как ты - рыжий, теперь все по лагерям. Ну, вали ко мне, будем по корешам, раз ты в мариманы собрался.

Под крыло, значит, взял, и вовремя, а то б Кол в шестерки записал. После суда в камеру затолкали, Кол-урка сразу пятаку наставил - на пробняк: "Почеши-ка, малолеточка!" А Морячок своей кувалдой по пятке хрясь!

- Убери грязные, кент, мы с Санькой по корешам.

Кол сразу отвалил - против Морячка не с понта выступать.

Разобрались по нарам, задымили потихоньку в кулачок, завели разговор. Про баб, конечно. Но на сутках какие мужики - опойки да шелупонь вокзальная, для них все бабы - профуры. Они их и в хвост, и в гриву, но Морячок в такие разговоры не вступает - молчит. И Санек молчит - на ус мотает. У него-то все будет: вот корешок нашелся, найдется и девчонка - будет у них оно самое. У этих-то все позади - только вздох между ног, а у Саньки жизнь начинается. Главное, что из Марева слинял, а что попался - попался, с кем не случается. И с деньгами выкрутится. И любовь будет, и море - он точно знает, а за невезуху пусть невезушники базланят. Нет, Саньке повезет, потому что он - рыжий. Вот якорек-то выручил, значит - полный порядок.

Мужики наговорились, набахвалились, стали спать распозаться. Морячок его в свой угол зазвал, бушлат под голову постелил: "Спи, Санек!" Санек и растянулся: по кайфу на бушлате! Перед сном уже шепотом рассказал ему, за что повязали.

Мать возражать не стала - все едут, пускай и Сашка счастья попытает. Дала триста рублей. До Старгорода доехать, придется, ну и на еду и фантики. Триста дала, а больше просить неудобно - не даст, нет у ней. Кто ж знал, что экзамены в ПТУ только через семнадцать дней начинаются?

Санек первым рейсом прилетел в Старгород, в семь тридцать. Послonyaлся-послonyaлся, пошел в ПТУ, документы на медкомиссию сдал, а ночевать в общагу не пустили. "Поступишь, - говорят, - дадим тебе место, а сейчас - нет. Поезжай назад в свое Мареве." А что он там забыл - сороковник на ветер бросать? Решил в гостинице пожить, опять же и по городу походить - по кайфу! - лето. Но в гостиницу не пустили. Хорошо, в мотеле на выезде дали койку, пожалела его тетка. Снял на три дня. Два тридцать в сутки, с подселением. Жил там один паренек из Питера - Филипок. Встретил Саньку по-свойски, а че, Санька везе свой в доску. "Деревня, - говорит, - приехала покорять большие просторы!" Но не зло сказал, с юмором. Клевый такой паренек - джинсы "Левис Страус", варенка с накладными кармашками, мокасы "Адидас" и майка "Монтана" - строевой. А че, Санька в Питере был на экскурсии - там такие на каждом шагу - по кайфу живут.

Пошли вечером в бар. Филя портмоне с Нефертити у Саньки взял - на сохранение, как старший, он и платил. А че - не жалко. Портвейна взяли бутылку "Ереванского", потом еще одну, по кайфу пошло! Потом танцевали. Потом фирмачей целый автобус с экскурсии прикатил. Филя сразу к фирме прилип, ну, и Санек с ним. Филя - шурлы-мурлы - по-английски свободно волочет. Платок им зеленый с цветками толкнул. Саньку скучно стало - потянул его в бар, но куда там - их уже водой не разольешь. Потом пиво пили из баночек и водку из "Березки". Потом что-то Саньку в голову въехало - обиделся, никто на него не смотрит, пошел, в фонтанчике искупался, а иностранцы набежали, стоят кружком, хохочут. Ну, он за ними со щеткой половой и погнался. Потом менты повязали.

Когда уводили, он Филю просил: "Филя, отдай деньги!" А тот, гад: "Какие, рыжий, деньги, ты че, сдурел, я ж тебе отдал." И вся любовь.

В вытрезвителе глядят - денег нет, паспорт есть да

хулиганка - вкатили пятнадцать суток, а Морячку следом столько же - в ресторане помахался с какими-то фраерами. Так что выходить им в один день - вот и корешились.

Морячок объяснил: "Филя твой - фарцовщик. Но не бойсь, никуда он не денется - выйдем, поговорим по душам."

А с корешком-заступником на сутках не беда, да и мужики Саньку полюбили - рыжий, черт, проныра. Саня то, Саня се, Саня нигде не пропадет, и Кол, как его Морячок образумил, стал по-человечески.

У того любовь наметилась - Ленка-Губа, что от женского отделения полы моет. Узнала, через ментов, что у Кола пять сотен в паспорте лежат, ждут деньков свободных, подкинула записочку - признание в любви пламенной и приглашение в хату с обещанием райской жизни. В глазок поглядывает, песенки на весь коридор напевает. Мужики хохочут: "Разденет она тебя, Кол, подчистую."

- А мне не привыкать, все они - профуры, - но доволен - в центре внимания.

Даже менты зашевелились, - скучно им сидеть, а тут событие - Ленка-Губа влюбилась. Она ж не стесняется - всем растрезвонила. Наведались в камеру.

- Кол, а Кол, запереть тебя с Ленкой в одиночку на ночь, а?

- Запри, начальник, гад буду, сука, в отличники выбьюсь, только запри.

- Попариться захотелось, а? Хы-га-га, - ржут, кони нехолощенные. Дверью хлопнули: "Сиди, голуба, сам себе правой помогай, любовь - штука серьезная, а барышня у нас - девица завидная."

Кол в истерику: "Ненавижу сук, легавых!"

Так, в показухную, конечно, но все ж, по кайфу - актер! А мужикам - комедия за бесплатно.

Саньку, как молодого, дернули вечером бачки с ужином грузить, он письмецо походя у женской камеры обронил - Кол попросил. Менты нашли, до слез обоготались, хором зачитывали, но Губе передали - пусть помечтает. А Ленка утром опять песни петь: "Тебя я сразу полюбила-а-а!" Ни черта не стесняется - лезет напролом, а, с другой стороны, че ей стесняться - тут ей дом родной.

Такая вот любовь.

После оправки до завтрака - развод, улицы подметать. Трое метут, Санек в командировке - бутылки сшибает. На свой страх и риск, конечно, но не опасно - надзирающего нет.

- Хоть вы все бегите, - старшина говорит, - поймаем обязательно, паспортишки же здесь лежат, и на повторку, и в одиночку.

Одиночки все боятся - без света, без тепла, без выводов - каторга.

Улицы мести - по кайфу, одно название работа - махнул два раза и стой или садись покурить. А Санек в это время стрелкой - шмыг - собрал, сдал. Купил мужикам чаю, бутылку "Имбирной", себе хлеба и сырков - на сутках по тридцать семь копеек на душу в день отпускают, да еще все отделение кормится - не разгуляешься. Нет, с Морячком жить хорошо - хуже б без него пришлось, Кол-урка загонял бы. А так - балагурит, все про свою любовь рассуждает, цифирек варит, а вся компания слушает. По кругу баночка консервная путешествует, но Саньке не дают - молод еще да не учен. Но он не обижается - наворачивает хлеб с сырками. По кайфу!

Так четыре дня бегал, на пятый по вокзалу проходил, заметил: Филя, друган, в будку к чистильщику садится. Прибежал скорей - доложил мужикам.

- Айсор - ткач - перекупщик, - пояснил Кол, - всего скорей долларя ему твой дружок спулил.

- Ну и отлично, значит, при деньгах, - это уже Морячок. - Не бойсь, Санек, будет и на нашей улице праздник.

И правда. Он же рыжий, выпала ему удача, сперва только нос повесил, когда утром в камере проснулся да как на суд

дернули. Но якорек спас - Морячок заметил. Рассказал потом про Ваську Малышева - друга детства. Тоже рыжий был, они с Морячком в детдоме все о море мечтали. Потом попался Васек, и пошел "гуляй-Сибирь", а Санька Морячку Ваську напомнил. Хороший мужик Морячок, настоящий кореш, таких у Саньки еще не бывало.

Освободились, пошли в баню. Почистились - и прямоком в мотель. Сидит Филя в баре - поздний завтрак у него: куры гриль и кофэ с коньяком. Морячок прямоком туда, а Рыжий - к домику. В мотеле домики отдельные, а номер их бывший - на первом этаже.

Дальше - дело техники, благо форточка не затворена - нырь! Тумбочку, кейс Филин, шкафчик, все обшарил - нету. А потом дотумкал - под матрасом, как же он забыл? И точно. Лежат, резиночкой перетянуты, доллары - отдельно - сто тридцать один, и портмоне с Нефертити, его, Санькино. В Питере живет, а деньги как колхозник прячет, ай да Филя. Хорошенькое местечко. В карман запихал, заровнял все как было, три платка зеленых с цветками - последние - за пазуху и в окошко назад, нырь! И в кусты - привет бизнесменам! И на остановку, как договорились. А денег много - целый карман.

Вскоре и Морячок подошел. Тормознул тачку, дал шоферу десятку, ищи их, Филя.

В машине все рассказал.

- Я, - говорит, - в туалет его пригласил, объяснил что к чему, привет с зоны передал, он аж затрясся. Карманы вывернул, почти три сотни там оказалось. Дальше - дело техники. - Протянул руки - все костяшки кровоточат. - Это, - Морячок говорит, - ерунда, бывало и хуже.

Приехали в город. Морячок сразу в ПТУ. Проследил, чтоб Санек медкомиссию прошел, отвел потом в гостиницу, сунул там администраторше, их и поселили. Пока Санек не сдал экзамены, Морячок жил в Старгороде. Днем Санек на экзаменах - вечером с Морячком в ресторане. По кайфу!

Официанты Морячка уже знали - "Стол заказан!" И с девками он просто - шить-пить и за борт - по-морячки. Моряк любит море, свой корабль и хорошего друга. Морячок теперь Саньке друг на всю жизнь. Даже братишкой звать стал - бывает же в жизни удача!

А экзамены - одна проформа, в ПТУ всегда недобор. Поступил. Прописали в общежитии. Денег у них к тому времени осталось тысяча триста, а было почти пять - по кайфу гуляли. На триста Морячок Саньке магнитофон купил портативный и заказал подпись у гравера: "Саньке от брата на долгую память." Еще якорь заставил нарисовать. Триста на жизнь ему оставил, а остальное - себе. До Мурманска добраться хватит. И на корабль, и в море, отгулял, значит, отпуск. Вообще-то он к девчонке приезжал, списывались они с ней, но та его кинула - не дождалась. Как у них не вышло, он и направился в ресторан, а там помахался - пары спустил.

Расставались - братья так не расстаются - Санька даже всплакнул, своих-то у него не было. Теперь - появился. Они фотку сделали совместную - ее Санька над кроватью приколот, рядом с "Машиной времени". А че - "Я пью до дна, за тех, кто в море!" Так? А как же!

Адресами обменялись. А на те доллары Морячок обещал ему джинсы купить. А че, и купит - у них там специальный магазин функционирует - по кайфу!

Как Санек кончит ПТУ, отслужит, пойдет к нему на корабль электриком. И жизнь, парни, начнется, самый занисштук, потому что рыжим всегда везет, если нос не вешать, конечно.

Без Морячка, правда, скучновато стало, но Старгород не Марево - тут можно погулять. Они с пацанами на "Веселую горку" ходили в воскресенье, танцевали - атас полный, а Санька со Светкой познакомился из культпросветучилища. Подарил ей Филин платок зеленый, последний, два других матери и бабке послал, в тот же день.

А Светке обещал - будет любовь, ее фотку рядом с братней повесит и имя ее на левой руке наколет. А че, главное, чтоб тушь была нормальная, а так - поболит-поболит и перестанет. А есть такие, что боятся. А че бояться, че бояться, главное, чтоб все по кайфу, верно?

Они когда вчера в подъезде сухарь распивали, Санька такой тост сказал: "За ветер, значит, удачи, за счастье морское, глаза, что нас любят, и пену прибоя!" А Светка шепотом: "По кайфу, Санек, это ты сам сочинил?" Но Санька врать не стал, признался, что Морячок научил, и все-все про него рассказал, а Светка пообещала свою фотку завтра принести.

Вот оно - о н о с а м о е! По кайфу, по кайфу, пацаны! Вы-то как думаете, бывает такое, или это все сказки старгородские, а?

ДВЕ ШАПКИ

Вот Васька Грозный - он кто был? Бабки за юродивого держали, попы боялись, менты стороной обходили, - да что говорить - колоритный, конечно, мужик, но не более того. В войну, когда партизанил, - детей им пугали. "Фамилия, - он объяснял, - обзывала!" В сорок шестом, не охолонув еще, шлепнул одного хапугу-милиционера - прямо в отделение зашел и из люгера в упор. "На тебя, - говорит, - гад, такая только управа." Памятутя боевые заслуги, впаляли ему десятку, но он и в Коми не утих - открыл войну уголовникам, ну, а те просто - уронили на Васю елку: жив остался, а ноги по самую сиделку отпилили.

Назад в Старгород въехал он на каталке: борода лопатой, на груди, вечно не застегнутой, вторая борода, в ней иконка медная - за километр блестит (по Сибириям шляясь, сумел он заучить Библию почти наизусть - как накатит, прям кусками шарил), и ватник, кажется, на любую погоду один; за спиной рюкзачок, в руках деревянные окованные: герой-инвалид - нога не болит, потому как нету - гони за то монету.

Сначала сидел около телеграфа - и его "Две шапки" окрестили: на голове кепка, перед тележкой трюх для копеечек - это летом, зимой - наоборот. После стали гонять - не положено в стране побираться, так он к нам на "Электросилу" перебрался. Сидит около проходной (не просил никогда - сами ктали), кому ласково скажет, кого языком зацепит, особенно если женщина - балагур был. А бабки - особая статья - он с ними много якшался. Идет такая бабка в церковь мимо завода, Васька подъедет да как гаркнет на всю улицу: "Радуйся, дочь моя едомская, дойдет и до тебя чашка, уж напьешься тогда допьяна и обнажишься!" Что-то вроде того. Мы стоим в кустах с портвешком - с ног валимся, а бабка на серьезе с ним так раскланяется, копеечку положит. И, что интересно, в церковь вроде не ходил никогда, а проедет мимо - перекрестится обязательно. Но попов все больше не любил.

- Вась, а Вась, - начнут его подначивать, - икону продай.
- Никак нельзя - хороший человек подарил.
- Вась, а Вась, а чего ты икону носишь, Библию читаешь, а в церковь не ходишь?

- Нельзя мне: попа увижу - прибыю, а я и так грешен.

- Чего ж так, Вась? - мужики уже в хохот.

- Жадные стали, только деньги на уме.

- Ты им что, завидуешь небось, сам миллион скопил?

Ну он и сорвется, как пойдет матюгать - специалист по этой части был почище старой цыганки, а нам и весело. Все нас "анчихристами" называл, но любил - стакан чистый принесет, закуску какая есть - поделится, и сам, конечно, не отказывался. Он только неправду не любил.

Раз на вокзале углядел двух наших мужиков: поддавши - им море по колено, а тут спецдилижанс выворачивает. Он их

за руки: "Везите меня к такси, быстро!"

- У нас, дядя Вася, денег нет.

- Не вашего ума дело.

Подвезли к стоянке. А там только один лихач и стоит, вечно он на вокзале ошивается.

- Заноси меня, ребята, назад!

Занесли.

Лихач на голос, конечно, берет - известный давила: "Куда вы мне вонючего ложите - не повезу."

Ну, дядя Вася ему: "Не спеши, сынок, нам недалеко - на ту сторону, по Ломоносова."

- Сказал, не повезу.

- Я тебе хорошо заплачу.

А все знали - кошелек у Грозного на поясе висел. Вот Вася руку в кошелек запустил, вытащил целый ком денег: "Видал?" Лихач объявляет: "Тридцатка!"

- Хорошо, хорошо, парень, только доведи.

Доехали. Мужики что - слезли, дядьку Васю вытягивают. Он к передней двери подъехал - расплатиться. Поискал, поискал на поясе и говорит: "Слушай, сынок, дай-ка мне спичек, я, кажется, на сиденье кошелек обронил."

Таксист смекнул что к чему - по газам и уехал - сам решил кошелек поискать. А он как на поясе висел, так висеть и остался. Весь город потом таксиста подкалывал: "Ну как, нашел грознинский кошелек?"

И бесстрашный был.

Наш Главный утром никогда на машине не ездил, обязательно пешком - демократию еще тогда насаждал. Вот они и повстречались как-то на мосту: Вася Грозный катит, а Сам ему навстречу. Увидал инвалида - решил заботу проявить:

- Кто таков будете, дедушка? Не нужно ли чего... - и осекся, иконку разглядел.

А Вася Грозный как завопит: "Вспомни, господи, что над нами совершилось; посмотри на поругание наше: добро наше перешло к чужим, дома наши - инопланетяне забрали!" - ну и дальше - любимая у него пластинка, как выпьет - все нам читал.

У Главного сразу остекленение глаза: как услышал Васькин рев, отвернулся и пошел командирским, но Грозный не отстает - катит да вопит: "Нас погоняют в шею, мы работаем и не имеем отдыха!" Охрана опешила: народ кругом, а дед - инвалид, неудобно как-то вязать, решили не замечать. Главный шаг убыстряет - Васька не отстает. Охрана шипит уже, а он знай себе поливает: "Рабы господствуют над нами, и некому избавить от руки их!" - весело ему. Так до самого обкома и проводил. И ничего ему не было. А Главный, говорят, два дня на машине ездил, но потом опять пешком стал ходить.

Так же и попа нашего отбрил. Прислали откуда-то из столицы провинившегося попа - толстый такой, что бочка, коса масляная. А Старгород для них в таком деле - тупик - дальше не прыгнешь, выше не взлетишь. Вот он со скуки и пошел бабок оббирать да водку пить с райкомовскими на катере. У нас ведь ничего не утаишь. Дошло до Васи Грозного - отправился порядок наводить - беспорядка мужик не терпел. Выждал его у церкви и при всем честном народе на рясу ему харкнул и понес: "Сребролюбец ты, сукин сын..." Поп от неожиданности в землю врос. А Васька Грозный ему: "Покайся, сыне, ибо жить тебе не долго осталось - знай, пожрет тебе змей печень!" И как в воду глядел - поп через полгода от цирроза загнулся прямо у доктора Вдовина на койке. Вот уж бабки зашушукались. А если правду, так, может, он и чувствовал что - не одному попу смерть напропорочил, теперь же не зря про биополя эти говорят на каждом углу.

Лечить - случалось, что лечил, но не каждого вылечивал. Вон, Костя Терентьев, с пальцем к нему пришел - Грозный его в больницу погнал: "Руби немедленно - иначе месяц тебе сроку даю!" Костька испугался - так Грозный на три дня и ошибся всего. Он этих гангренов навидался-нагляделся в Сибириях

- рассказывал. А бабу раз привезли зятя - сам видел - змея ее укусила. Нога как тумба и синяя аж в черноту. Так Вася что-то тер-массировал - лимфу, видно, перегонял, и через неделю спала опухоль - запрыгала бабка, что пуховая коза. Если было - я того никак не отрицаю, как Грозный говорил: "Да - да, нет - нет", у него таких присказок полным-полно было. Но взглядом никогда никого не лечил, хотя взгляд у него вмиг как колун тяжелел. Раз, помню, пили пиво в "Ветерке", залетный один развыступался: "Там я был, это видал...", так Грозный выкатил: только поглядел на болтуна - его и сдуло. Глаза у него, бывало, как бешеные, сверкают, а бывало, в одну точку глядит, не заметит тебя - чудаковина, конечно, за ним водилась, только самая обыкновенная. Но что могу сказать точно - после стакана никогда не плакался на судьбу, как у нас водится, а видели бы, в какой он норе жил - бабка его пускала. Так жил же!

Вот так катался-катался, привыкли мы к нему.

В один день (утром потом вспомнилось бабке, он сказал: "Зажился я, старая, пора мне и на покой") проходили мимо двое с химии. Увидали шапку, а денег в ней на бутылку было точно - первая смена как раз на завод прошла, отобрали. Вася Грозный им вдогонку: "Козлы вонючие, где мои ноги!" Эти вернулись и спрашивают: "Кто здесь из нас козел, а, обрубок?" А он: "Ну не я же!" Сунули заточкой в горло - и вся любовь.

Хорошо еще, Людка Селиванова с электролитного видала - прибежала к нам в ремонтный: "Ребята, дядю Васю зарезали!" Кто с чем был - с тем и побегал. Догнали мы ласточек: один прямо на месте кончился, другой в больничке, Грозный был

бы жив - порадовался бы.

Похоронили мы дядю Васю. Бабок море натекло - иконку его заказали Пашке Смолину в нержавейку заделать и на крест. Ну, он и заделал капитально - не оторвать будет, а с бабок столько стробовал. Да не с бабок получилось - от Грозного остались тысячи три, на них бабки и оградку, и камень соорудили. Мы же и шабашили - с того свету дядька Вася нас опохмелил - уж мы ему как своему старались. А бабки - что с них взять, совсем умом тронутые - лампадку навесили, и потянулась их череда: всяко тут каются, поклоны бьют, иконку зацеловали, а уж слухов, слухов - мол, юродивый старгородский исцеляет.

Может, кому он послабление и делает: во-первых, медь чистая полезна - ион ее отрицательный наше поле притормаживает, во-вторых, элемент самоуспокоения не забудьте - сосредоточение на одной точке напряжение снимает - я книжки-то читаю, интересуюсь этим делом, но лично нас он всегда от скуки исцелял. Подкатит к нашим кустикам, всем приветы раздаст и возопит: "Ну, наливай, анчихристово племя", и как-то сразу от присутствия его одного хорошело. Вот похочем-похочем, а и задумаешься с его рассказов - как он в жизни повидал, мало кто видел.

Мы и теперь соберемся с мужиками, вспомним дядьку Васю, поднимем стакашок, и кто-нибудь скажет: "Радуйся, дочь моя едомская, дойдет и до тебя чашка, уже напьешься тогда допьяна и обнажишься!" И что это за дочка едомская, мы не знаем, но смешно. Мы и смеемся, а после уж - выпиваем.

Олег ШПАКОВСКИЙ

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР ДВУХ ВЕТРОВ, ЛЕТЕВШИХ В ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ СТОРОНЫ

- Привет!

- Привет!

- Ты откуда?

- Я из Будущего. А ты?

- А я из Прошлого. А ты куда летишь?

- В Прошлом. Хочу понять, с чего все это началось. А ты?

- А я в Будущее. Хочу посмотреть, как все это продолжается.

- Ну и как там, в Прошлом?

- Хорошо, только как-то скучно - я ведь из далекого Прошлого. Ну, а как там, в Будущем?

- Плохо. Все рушится. Все горит. Все стонет.

- Да не может быть!!!

- Еще как может. Там такое творится, что и придумать нельзя. Царь над народом глумится, а народ над царем потешается. Брат брата убивает, а третий брат смотрит и смеется. Больницы как крепости захватывают, а больных как трофеи на торги выставляют. Солдатами землю удобряют, а генеральские мундиры бантами Святополка I орубинивают. С нищих да убогих последнюю одежду снимают, а тем, кто снимает, памятники ставят и ленты

Остапа XII Стольного на плечи вешают. В общем, явным таким эпилогом попахивает, вернее - смердит.

- Да как же так!? А с чего все началось-то?

- Так вот я и хочу узнать. А ты разве не знаешь?

- Нет. Но ведь я из далекого Прошлого лечу и последние несколько тысяч лет ни в одном веке больше мига не задерживался. Ну, а у нас все хорошо и спокойно до скуčnosti. Землю пашут. Песни поют. Любят. Детей растят. Так значит, я что-то важное пропустил?

- Да не что-то, а все! Ну ладно, брат, полечу я. Впрочем, я не прощаюсь. Ты все равно меня скоро где-нибудь в Прошлом догонишь.

И улетел.

Первый ветер (задумчиво):

- Да нет! Он что-то путает! Не может же такого быть! Ведь все так хорошо начиналось!

И полетел в Будущее. Своего брата, в Прошлом улетевшего, догонять, но пока еще не зная об этом.

Встретились однажды два одиночества. Первое было уже дряхлым, трясущимся, построившим когда-то Охотско-Балтийский канал и усыпавшим своими зубами всю свою отчизну. А второе было хоть еще не седым, но уже тоже пугливым и подослепшим от решеток и белых халатов.

Встретились они, как и все одиночества на свете, - случайно, на стыке двух каких-то неправдоподобных своей непонятностью миров. Постояли, поговорили и собрались уже было перешагнуть этот самый стык, как вдруг первое одиночество говорит:

- Я же не смогу его перешагнуть, пока слово одно волшебное кому-нибудь не передам.

- А что это за слово? - спросило его второе одиночество.

- Слово как слово. Им можно всякие прихоти и желания исполнять. Но только есть в нем один изъян, - почему-то погрузнев, добавило первое одиночество. - Понимаешь, оно может только что-нибудь для владельца своего исполнить. И что-нибудь такое... ну попроще - камни, там, в золото превратить или шалаш во дворец перестроить, но только для того, кто этим словом владеет. А если пожелаешь что-нибудь такое, что еще кому-нибудь послужит, то оно, конечно, исполнит, но только твоим же горбом и потом и настолько, насколько у тебя здоровья и сил хватит.

- И ты что же, желало? - спросило его второе одиночество.

- Ну, сначала-то я такого нажелало, что чуть от блаженства да от радости в гроб не слегло, - рассмеялось первое одиночество. - Но вот потом, - вновь опечалившись, - ...потом захотело я, чтоб люди меня помнили. По-доброму так помнили, с благодарностью.

- Ну и...? - с нетерпением торопит его второе.

- Ну и сделало оно меня вечным каторжанином. Золото мыл, каналы рыл, в рудниках корячился.

- Так какая же тебе от этого память и благодарность?! - недоумевает второе.

- То есть как какая? Берут люди в руки золото и говорят нежно: "Нашим Зеком оно намытое!" Плывут из моря в море и говорят ласково: "Нашим Зеком они соединенные!" Смотрят на огромные заводы и фабрики и говорят с восхищением: "Нашим Зеком они построены!" А ты спрашиваешь - "какая память": Вечная! Добрая! Благодарная! Вот только устал я очень, да и здоровьишко порастряс.

- Послушай-ка! - говорит ему второе одиночество, - а передай ты мне это слово, - есть у меня одна мечта заветная. А за стык я потом перешагну. Попозже.

- Ну, хорошо, - сказала первое и шепнуло ему что-то на ухо.

- И все?! - вытаращило глаза второе.

- Все! - улыбнулось первое и перешагнуло стык.

Посмотрело второе одиночество на небо, засмеялось, прошептало какое-то слово, да как закричит:

- Хочу! Чтоб все люди! Были счастливы! И никогда не умирали!!!

Прошло пару мгновений... и вдруг затряслось, завывало, забулькало второе одиночество. Отовсюду кровь у него хлынула, а из глаз слезы черные ручьями побежали.

И... взорвалось.

Разлетелось оно на оплавленные, багряносоленые капельки, двух шагов не дойдя до стыка миров своих грезорешетчатых. Но ты только представь себе, Целых

Два Мгновения никто не умер и не плакал! ЦЕЛЫХ ДВА МГНОВЕНИЯ все люди были счастливы!

Ц-Е-Л-Ы-Х Д-В-А М-Г-Н-О-В-Е-Н-И-Я!!!!!!!

Правда, никто этого не заметил. Вот только сторож Антипыч, который по причине жуткого опьянения хлебнул вместо воды ацетона и немного пролил его на себя - долго потом сокрушался о прожженной и безнадежно испорченной телогрейке. И ругал всех подряд за то, что

он дожил до такого черного в своей жизни дня. С тех самых пор бродит то слово где-то возле нас. И ты смотри, не произнеси его ненароком, а то кто знает, чем тогда все это кончится. Так что это за слово? Ох, если бы я знал!

* * *

Жил в одной деревне богатый барин. Одних работников было у него с полсотни, а уж коров, лошадей, свиней и птицы разной - вообще несчитанное множество. Закрома всегда полны были, шкафы от всякого добра ломились, в сундуках золотишко позвякивало - все было у барина, да мало ему казалось.

Может, он жадный был, может, хитрый, а может, и просто глупый, кто его знает, но все время плакался своим соседям и работникам, что беден и несчастен до крайности.

Работники хоть и знали, сколь велико его богатство, но почему-то верили ему. Может, считать не умели, может думать, но факт есть факт - верили.

Ну, а соседи у того барина были под стать ему, такие же - не то хитрые, не то глупые, и всегда с радостью ему помогали. То деньжат ссудят, то пару подвод хлеба займут.

Что со всем этим делал барин, одному только богу известно, но... все куда-то бесследно исчезало. И на следующий день он снова ходил по деревне и жаловался на свою нищету. Соседи вздыхали и вновь что-нибудь ему подавали, не забыв, конечно, приплюсовать это к старым долгам.

На что они надеялись? Трудно сказать. Может, на честность того барина, а может, грели думку все его хозяйство, со временем, за долги забрать - про то не ведомо.

И вот как-то случилась у того барина ссора с одним из его работников. Разругались они в пух и прах, но только говорить про это никому не стали. Барин, наверное, не хотел этим других батраков расстраивать, ну, а тот работник не хотел с барского довольствия сниматься, да и много ему барин за работу задолжал, но не платил ничего, и поэтому договорились они, что работник этот как бы и останется работником, но будет он сам по себе, только чтоб втихаря, а то и другие работники тоже начнут расплату требовать и на волю подаваться. Такой вот договор у них был.

И стали они дальше жить-поживать, но только каждый из них стал сам себе добра наживать. Работник тот по ночам начал с барского двора скот уводить и соседям его продавать. А барин, в отместку, начал у него деньги, которые тот за ворованный скот выручал, выманивать, а то и просто отнимать, да еще и с лишком. И вот так полегонечку, потихонечку вконец озлобились они друг на друга и стали уже в открытую враждовать.

Собрались соседи да работники, смотрят на них и никак решить не могут, кто же из них виноват. Смотрели, смотрели да и в азарт вошли, разделились на две команды и давай вовсю болеть за своих избранников (т.е. свистеть, улюлюкать, спички подавать, ну и т.д.)

Посмотрел я на это и понял, что пора из той деревни сматываться, и как можно быстрее. Потому что не дело это, в такой вот деревушке с очень близко стоящими друг к другу домиками помогать кому-нибудь хоть один из них поджигать. Глупо это, да и бессмысленно!

Ведь выигравших и проигравших, в конечном итоге, не будет, а будут одни сплошные пепелища и, может, еще пара чудом уцелевших погорельцев. Да и то вряд ли. Потому что чудес, к сожалению, в таких деревнях давно уже не бывает!

Жизнь, суд, время...
Извечный вопрос - что есть истина? Не на нем ли замешаны эти человеческие категории?

Прожить жизнь - и не познать истины.

Прожить жизнь - и не осуществить предначертаний судьбы.

Воистину Время - Великий Лекарь.

Читая стихи Тамары Сигаловой понимаешь, что суть даже не в трепетной искренности и неожиданных образах, а в неизбежности вечно струящегося времени.

Где кончается Вселенная и начинается простая человеческая судьба? Где эта грань между извечным круговоротом Великого Времени и маленькой жизнью?... Желание увидеть ее и даже заглянуть за пределы непреодолимо.

Творчество - блестящая возможность постижения. Каждой своей строчкой Тамара убеждает в этом.

Михаил Смирнов

Тамара СИГАЛОВА

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА
"МЕСЯЦЫ - МОИ ДРУЗЬЯ"

ЖЕЛАННЫЙ АВГУСТ

Вошел степенно,
у рояля сел,
Внимательно взгляделся в ноты,
И в полдень, скучный до зевоты,
Хотел играть, но не посмел.
Его я чаем напоила,
Просила другом быть
и не скучать.
Так неуютно нам молчать...
Ему стихи я сочинила.

Мы пили чай,
и в листике кипрея,
Дрожа от слез и чуть алея,
Любовь меня ждала в свой час.

Ее ведь не прогонишь!
Грех на душу не смея взять,
Конечно, надо нам страдать,
Конечно, надо торопить нам годы.

Как я давно не прикасалась
к белизне
Забытых клавиш, нот забытых,
Закрытых суетой, бедой,
дурацким бытом...
Как я давно не слушала рояль!

Звучал Шопен, Шопен
торжествовал,
Врывалась в окна осень
в паутинках,
Мы с августом играли тихо
Этюд, похожий на овал.

СЕРДЦЕ ОСТАВЛЯЮ МАЮ

Сентябрь, здравствуй!
Как твои заботы
И дней дождливые длинноты,
И желтых листьев череда?
Ты навсегда?
Смеешься удивленно,
Кладешь в ладонь листочек клена
И даришь миг, исполненный
в миноре.
Ну, что ж, не петь с тобой
нам в хоре!
Давай поговорим:
о лете быстротечном,
О сером небе вечном,
о любви.
Какой мятежной и больной
ее твой брат мне подарил однажды -
Глоток не утоляет жажды...
А счастье - как слетевший
с ветки лист,
Давай поговорим.
Мне нужен собеседник -
Ведь ты моей беды наследник,
Так продолжай,
что начал май!
Благослови рукою в янтаре
И я тебя благословляю,
но сердце оставляю маю,
Чтоб не болело в сентябре.

Владимиру Поветкину

ОКТАБРЬ - С ЧЕМ?

Еще сентябрь укутывает ветром,
Кидается под зябнущие ноги
Великолепным разноцветьем,
Игрою красок, слов игрою.
Меня он умоляет не прощаться
И с меньшим братом не общаться...
Как мне унять упрямство сентября?
Как мне понять трагедию ухода,
Когда любое время года
Все же бесценно для меня?
- Сентябрь, ты вновь придешь,
Но вот приду ли я?..
Октябрь - с чем?
Все зная наперед,
Поведай мне, как можно откровенней
В какую краску этот год
Не в ту ли, что течет по вене?
Я знаю улицу, она почти из льна
Есть дом - и в доме много света.
Той улице название - Ильина,
Мне там не страшно ждать ответа.

* * *

Позвоните мне в никуда,
Упадет с листка карандаш,
Вздрагнет утренняя звезда
И растает, как голос Ваш.
Светлой грустью грустят купола,
Брови сдвинул Софийский собор,
Я Вас очень долго ждала,
Потому так суров приговор.

Светлой грустью грустят купола...

* * *

Ларисе Ланской

Какие октябрины на дворе!
Нашила платьев из осенних листьев
И, чтобы не казаться лишней,
Пришла на бал в старинном серебре.

Я перед осенью колени преклонила,
Накинула на плечи яркий плат
Из удивительных заплат
И осени колечко подарила.

Гадала: снег, и холод,
и мороз,
И неуют, и зимняя тревога.
Таинственная дальняя дорога,
Король крестовый, много слез...

Ну, а пока - пришла на именины
И желтые святыя октябрины
Даруют праздник.

В день прекрасного листопада -
середины октября 1995 года

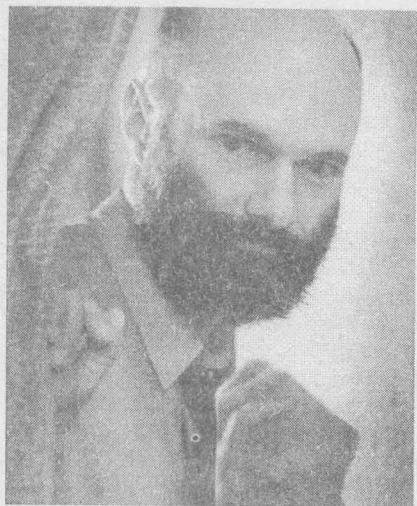
Константин БУЗУЛУЦКИЙ

ОБЛАКА

Вот облако - лебедь,
Вот облако - кот,
Вот облако - слон,
Ну, а вот - бегемот.
Вот облако -
Мышка - разинула - рот -
И - облачко - корочку - сыра - грызет.
Вот облако - всадник -
На - белом - коне.
Рысцей приближается
Всадник ко мне.
Не вижу я пыли,
Не слышу копыт,
Ведь конь белокрылый
Неслышно спешит.

Волшебные небом
Плывут облака.
Волшебна меж ними
И неба река.
Вот облако - яблоко,
Облако - дом,
Вот облако - ветер,
Вот облако - гром.
Вот облако - мама,
Вот облако - дочь,
Вот облако - утро,
Вот облако - ночь.
Над облаком солнце,
Под облаком тень...
И так каждый день
Через год... каждый день...

фото
В.Ищенко

Андрей КОЛОДИН

ПОДПИСЬ ПОД ФОТОГРАФИЕЙ

Окна, как лица -
Те же гримасы,
Не без амбиций
Злые анфасы.

Ливень ли, солнце -
Без перемены:
Маски-оконца
Глухи и немые.

Души-фрамуги
Плотно закрыты.
Где же вы, други??
Лица размыты...

Мутные стекла -
Тусклые взгляды.
Память поблекла,
В сердце прохлада.

Окна, как лица,
Ставни, как руки...
Горю не сбыться -
Сбыться разлуке.

Старые вехи -
Окон глазницы,
Вспухшие веки -
Шторы-ресницы.

Окна, как лица...
Что-то взгрустнулось...
Вдруг (или мнится?)
Одно распахнулось!..

*Мне фальшь —
как бритвой по лицу!..*

Я болен. И неизлечимо.
Таким я при рождении стал.
Я болен. Дни проходят мимо...
Я болен. И еще устал...

Я болен болью мироздания:
Я болен всем, что не познал.
Я болен страстью без названья
И больно равнодушным стал.

Я хвор любовью несусветной,
Той, что не дал, когда хотел.
Я болен той мечтой заветной,
Какой ни разу не имел.

Я болен вашей лютой злобой,
Мертворожденной добротой,
Я болен лести пышной сдобой
И постно-пресной суетой.

Я болен самой страшной мстью,
Какою только мстят себе,
Мое призванье - бег на месте
До боли даже при ходьбе.

Я болен пением синицы
И улетевшим журавлем.
Я болен - мне пустыня снится
И небо скомканным рублем.

Я болен детскими слезами
(Они всегда так больно жгут)
И ожиданьем встречи с вами
(Меня теперь уже не ждут).

Я болен, трижды болен ложью!
Мне фальшь - как бритвой по лицу.
(Я чист и честен волей Божьей??.)
Мне слава - как протез скопцу.

Я слаб и болен от потери,
Я занемог от неудач,
Я болен и совсем не верю,
Что для меня найдется врач.

Мой недуг не пройдет по воле
Моих настырных докторов...
Я болен и кричу от боли -
По той причине, что здоров.

* * *

Там, за ветхой калиткою детства,
На заре, в звенящей тиши
Вот бы снова - разуться, раздеться,
Да и в воду с мостков - не смеши!..

Небывалому быть несуразным,
Невозникшему чудом не быть.
Ну, а чащи, как встарь - непролазны,
И водицы живой не испить.

Не отведать и крохи смиренья,
Все знакомо, привычно до мук.
Вот и пилишь до остервененья
Под собою единственный сук.

Нынче сон: на реке островочек,
Белой башенки вежа в леске...
Все ostatние нервы - в комочек,
И не выкрикнуть слова в тоске.

Островок на глазах уплывает,
Мой последний, негаженный скит.
Что там - гибель? рожденье? - Кто знает!
Кто проверит: кто - верит, кто - мнит?

В духоворстве себя побеждая,
Грудь рванув от плеча к плечу,
Разбегаюсь, кричу, пробуждаюсь,
Но не падаю - к цели лечу...

СКАЗКА

Надо что-то сказать, сделать, вспомнить, ответить...
И часы на руке жгут нещадно огнем.
Что же, душу продать, коли правду не встретить?!
Или... Сказку придумать! О ней и о нем.

В ожидании чуда в беспомощном веке
Средь ликующих "вместо", "будто" и "бы"
Жил да был часовой, не смыкающий веки,
И жила танцовщица с глазами судьбы.

Это ж надо так е! Конфуз, незадача!
Милый Андерсен, вас обокрасть не желал.
В заблуждении память - старая кляча!
Оловянный солдат... Тот, что сроду не лгал...

Я вот лгу. И когда-нибудь ложь подытожа,
Подсчитав очень быстро правдивые дни,
Я пойму, что в чести и недели не прожил,
Принимая за лес полусгнившие пни.

Все наличные маски теперь перемерив,
В бытовом лицедействе поднявшись на пик,
Мне до слез захотелось, себе не поверив,
Разглядеть свой первичный, некрашенный лик.

Ну да ладно! И так, жили-были на свете
Двое - он и она. Но не пара, скорей.
Скажем, он мужичок, верный доброй примете,
А она сумасбродочка царских кровей.

Ну, уж это совсем никуда не годится!
Видно, чем-то фантазию я отпугнул.
Словно что-то должно непременно случиться,
Словно страх - мой советчик - нехстати заснул.

Окаянную сказку свою сочиняя,
Понимаю, не ведаю, что и творю.
Как младенец святой, не пугаюсь огня.
Сочинив, вдруг поверю? И всею сгорю!

Но уж поздно! Объявлена нынче охота!
Отдаю на закланье пройдоху мечту.
Кто-то в спину толкает! Ну, кто же ты, "кто-то"?!
Кто-то щелкнул бичом, кто-то крикнул: "Ату-у-у!.."

Вот и сумерки - то-то нечистым потеха!
Слышу стон - вурдалак задудел во дуду.
Хрустнул лук мой тугой от ведьмачьего смеха.
Безоружный,

вслепую,
на голос
иду!..

Наталья МОРЫЛЕВА,
главный библиотекарь
научной библиотеки НовГУ

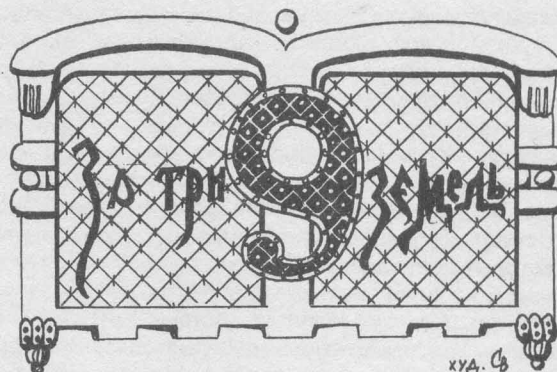
ЗЕМЛЯ, ОПАЛЕННАЯ ДЫХАНИЕМ САХАРЫ

Тунис - маленькая арабская страна, расположенная на Средиземноморском побережье Африки прямо напротив Итальянского сапожка. От Туниса до Сицилии, по морю, всего 140 километров, и нет ничего удивительного в том, что история цивилизации на его территории насчитывает не одно тысячелетие. Это и Ливийское царство, и Карфаген, и сельскохозяйственная провинция Римской империи. По этой земле прошли когда-то и вандалы, и византийцы, и арабы, и турки, и французы. А с 1956 года Тунис стал независимым государством.

Я попала в эту страну благодаря фирме "Постшоп", выиграла путевку при подписке на издаваемые ею журналы. Сначала удивление, радость - оттого, что вдруг появилась возможность съездить в столь экзотическую и неизвестную российскому туристу страну, тем более что жизнь не баловала меня подобными удачами. Потом настороженность - а не очередной ли это обман, с которым мы, увы, все чаще сталкиваемся. И я сама, и мои знакомые уже не раз страдали из-за безграничной веры в красивые обещания различных фирм. Поэтому, рассказывая друзьям о неожиданном подарке фортуны, я говорила, что поверю в то, что побываю в Тунисе, только вернувшись оттуда. И вот теперь, когда позади тунисское путешествие, с трудом верится, что все это не было удивительным сном. Наяву или во сне, но я бродила по улицам тунисских городов, вдыхала воздух, в котором благоуханье цветущего жасмина и миндаля, смешиваясь с запахами кожи и пряных специй, рождало какой-то особый тунисский "букет" ароматов; погружалась в стихию шумных базаров, вскипающих ритмическими звуками зажигательных тунисских мелодий и разноязыким говором торга. Торга, без которого немыслимо что-либо продать или купить на настоящем восточном базаре.

Видела Средиземное море. То серое, с клочковатыми пенными волнами, набегаящими неровной чередой во время шторма на светлый песок пляжа, то меняющее свой цвет от небесно-голубого до бутылочно-зеленого под яркими лучами солнца. Ощущала терпкий, чуть горьковатый вкус только что выдавленного апельсинового сока, медовую сладость подвявших на солнце фиников и "пожар", который вызывает во рту первая же ложка острого и пряного кус-куса. А прикосновения к нежной, атласно-гладкой поверхности шелковых, ручной работы, ковров! Холодок металлических дисков-тарелок, сплошь покрытых чеканной арабской вязью, по переплетению которой так заманчиво скользить пальцем...

После четырехчасового перелета из Москвы мы из столицы Туниса на автобусе отправились в город Сусс. И первым пейзажем за окном автобуса - были бесконечные ряды оливковых деревьев, причудливым

рисунком убегающие вдаль по холмистым равнинам; небольшие, с округлой кроной, корявыми ветками и серебристо-зеленой листвой, тянулись они нескончаемой чередой по разрыхленной красноватой земле. При движении автобуса по шоссе создавалось полное впечатление, что ты смотришь в детский kaleidoscope, и оливковые посадки складываются в разнообразные, изменчивые узоры. То сходятся острым углом к дороге, то расходятся концентрическими окружностями, уходя переплетающимися линиями за горизонт. А там, вдалеке, где небо сходилась с землей, темной массой вставали невысокие скалистые горы. Вскоре я убедилась - этот пейзаж основной для Туниса. И в этом нет ничего удивительного, так как доходы от экспорта оливкового масла и оливок являются одними из основных в экономике страны; агротехнические методы возделывания этой культуры, как и многих других, характерных для Туниса, - апельсинов, фиников, пшеницы, кукурузы - восходят еще к античным временам и не менялись в течение нескольких тысячелетий.

Города Порт-Кантауи, Сусс (где нам предстояло жить) и Монастир сплошной линией протянулись вдоль Средиземноморского побережья, плавно перетекая один в другой. Порт-Кантауи - фешенебельный курорт, главной достопримечательностью которого являются превосходные поля для гольфа и шикарный яхт-клуб. В небольшой гавани, окруженной со всех сторон домами оригинальной архитектуры, где расположены рестораны, антикварные лавки, магазины, художественные галереи, гостиницы, собрались яхты со всего Средиземноморья, и не только. Среди портов приписки можно встретить названия не только греческих, испанских, итальянских городов, но и Германии, Швеции, Англии. Есть здесь яхты, принадлежащие и вовсе неморским державам - Австрии, Швейцарии...

Как говорят местные жители, в последние 2-3 года здесь появились и русские яхтсмены. Яхты спокойно стоят у берега, с выключенными двигателями, опустевшими палубами и свернутыми парусами, а на берегу кипит жизнь. Разноязыкая толпа гуляет по набережной, приценивается к товарам, выставленным на улице; смотрит, как работают художники, которые создают морские акварели; сидит за столиками открытых кафе, наслаждаясь изысканным вкусом кофе или потягивая очень крепкий и сладкий чай из маленьких стеклянных стаканчиков, доверху наполненных миндальными орехами (чай в Тунисе, кстати, не заваривают, а варят сразу же вместе с сахаром). Сюда же рыбаки привозят свой дневной улов и под взглядами любопытных туристов выгружают на причал рыбу, креветки, langoustes.

Почти у самого выхода из порта стоит пиратский корабль, на котором все желающие могут насладиться

прогулкой по морю. Обогнув длинный мол, корабль выходит на морской простор и, словно птица крылья, распускает свои паруса. Впечатление незабываемое: солнце сильно припекает, но морской бриз приносит желанную прохладу, и судно, подпрыгивая на волнах, медленно движется вдоль берега. Узкий длинный нос корабля высоко выдается над палубой, на нем видна сделанная из дерева фигура покровителя корабля. Она рассекает волны, поднимая при ударах о воду мириады брызг, которые долетают до сетки, натянутой высоко над водой между носом судна и палубой. На эту сетку можно забраться, что и делают любители острых ощущений, и качаться в ней, словно в гамаке, над пролетающей внизу морской стихией. Желаящие ловят на леску с крючком серебристых сардинок, их тут же на палубе жарят на решетке и едят, запивая чудесным тунисским красным вином. Самые бойкие присоединяются к команде, танцующей знаменитый танец живота. Несколько часов моря, солнца, свежего ветра и веселья пролетают незаметно, и с хорошим настроением, пресытившиеся впечатлениями, возвращаемся мы в гавань Порт-Кантауи.

В Монастире особенно хорош высокий скалистый мыс, глубоко вдающийся в море. Если встать на самом его краю, можно увидеть, как далеко внизу, у основания красноватых скал, с шипением и грохотом бьется морской прибой, вам открывается прекрасный вид на залив, вдоль которого расположился курорт. Отсюда просматриваются и современные гостиницы, протянувшиеся вдоль морского пляжа, и старинная средневековая крепость Рибат с высокими, глухими, песочного цвета, стенами, с башнями и переходами; немного в стороне от крепости - мавзолей первого президента Туниса. Мавзолей по архитектуре напоминает стамбульскую Айя-Софию. Огромный золотисто-желтый купол высоко вознесен на белом барабане, а рядом

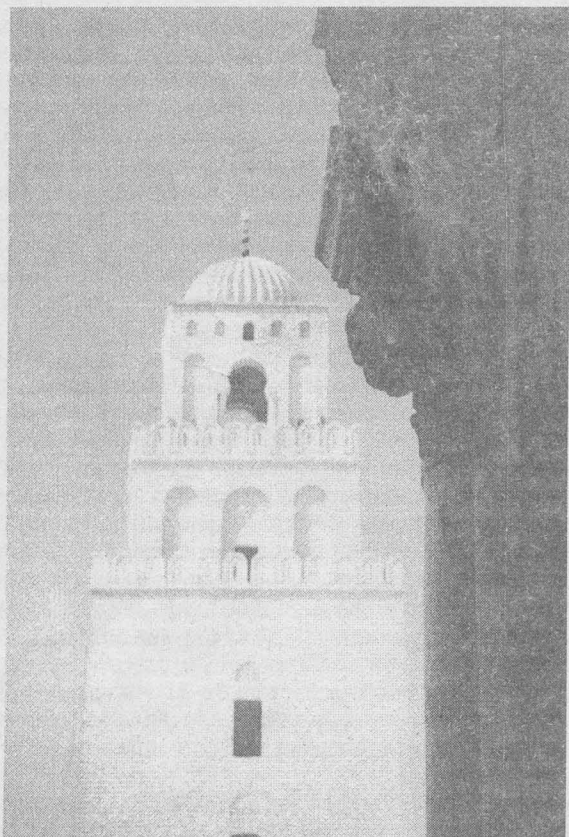
встают две высокие стройные башни, с такими же куполами, напоминающие минареты. Завершает ансамбль площадь перед мавзолеем, выложенная оригинальной нарядной плиткой.

Первым из увиденных мной городов был Сусс. Поразила абсолютная его белизна. Как оказалось, это вообще особенность тунисских городов, да и, вероятно, всех городов африканского Магриба, ведь недаром же один из городов Марокко называется Касабланка, т.е. "белый дом". В Суссе белые жилые дома, в основном двухэтажные, с плоской крышей, белые огромные гостиницы, белые магазины, банки и кинотеатры, глухие побеленные стены ограждают территорию дворов, и лишь зелень растений да некоторые современные здания, построенные из темного зеркального стекла (эта мода совсем недавно пришла из Европы), как-то оживляют и разбивают эту белизну. Наверное, чтобы спастись от такой жары и солнца, белый цвет подходит лучше всего. Но вот что интересно, люди на улицах попадают чаще всего в темных одеждах.

Вся жизнь Сусса подчинена, в основном, обслуживанию туристов. Несколько центральных улиц этого крупного порта протянулись вдоль морского залива: гостиницы, магазины, кафе, лавочки, обслуживающие туристов, дальше начинаются городские кварталы, что карабкаются потихоньку на небольшую возвышенность, окружающую город. Если смотреть на него с высокой точки, создается впечатление, что Сусс лежит в неглубокой чаше. Чудесная набережная тянется вдоль длинного песчаного пляжа и упирается в центр города, там - кварталы Медины (так во всех тунисских городах называют старый город). Средневековые старинные жилые кварталы, торговые ряды, большая мечеть, построенная еще в 851 году, крепость, с высоты башни которой простирается перед вами широкая панорама всего Сусса. Отсюда видны и замок Рибат, построенный в VIII веке и почитаемый как один из значительных исламских памятников Магриба, и крепость Рампар, в стенах которой находится коллекция мозаик эпохи Древнего Рима. Город, история которого уже на подходе к трехтысячелетнему рубежу, с античных времен пользуется славой курортного центра благодаря своему мягкому и целебному климату.

Большая мечеть, католическая церковь св. Феликса, евангелическая церковь, синагога - сам этот перечень культовых зданий в Суссе словно говорит о том, что, будучи мусульманской и арабской страной, Тунис не грешит тем не менее проявлениями религиозного фанатизма. Мусульманские фундаменталисты, столь активные в ближайших Египте, Алжире, к счастью, никак не проявляют себя в Тунисе, сделав эту страну раем для чужестранцев. Наверное, более спокойной, комфортной и приятной страны, чем Тунис, нет на всем Средиземноморском побережье Африки.

Городское население, большинство которого составляет молодежь, привержено скорее к европейскому образу жизни. Конечно, старшее поколение, особенно жители деревень, придерживается традиционного быта, хотя и не отказывается от современных достижений цивилизации. В национальной одежде встречаются, в основном, пожилые люди. Женщины в городе ходят в больших светлых накидках, их как-то очень ловко оборачивают вокруг тела, закидывая конец на голову и все время придерживая рукой. Если же руки заняты, то уголки накидки берутся в рот и крепко зажимаются зубами. Мужчин иногда можно увидеть в красных фесках и накидках из верблюжьей

шерсти. Но все же преобладает европейский стиль одежды, как правило, темных тонов.

О том, что Тунис необычная мусульманская страна, говорят и такие факты. С 1956 года женщины здесь полностью уравниены во всех правах с мужчинами. Тогда же были запрещены полигамные браки. Даже самый правопослушный мусульманин, которому Коран разрешает иметь четыре жены, по законам Туниса может иметь только одну. Собственно говоря, чтобы получить эту единственную жену, тунисцу ах как надо постараться. Дело в том, что за невесту тут принято платить очень большой калым, который жених способен заработать только годам к тридцати. Плюс по-восточному пышная свадьба, которую тоже оплачивает он, плюс на его деньги должна быть куплена мебель и все необходимое для молодой семьи. Словом, семья женщины отдает только невесту, все остальное забота жениха. Но и женившись, тунисский мужчина не находит успокоения. Новая забота, чтобы жена не захотела с ним развестись, т.к. по тунисским законам в этом случае женщине без всякого судебного разбирательства отходит половина всего имущества, принадлежащего мужу.

Конечно, многовековые традиции играют свою роль, мужчины все равно ощущают себя главой семьи, и на бытовом уровне поведение мужчин и женщин отличается от европейских стандартов. Например, на террасах многочисленных открытых кафе вы увидите только мужчин, женщинам здесь сидеть неприлично. Муж, заходя в помещение, никогда не пропустит жену вперед, женщина должна идти за мужчиной, и хотя присутствие женщины в мужской компании, за столом не возбраняется, но вести разговор на равных она не имеет права. Ее удел - сидеть молча и слушать...

А вообще люди в Тунисе очень доброжелательны, улыбки, общительны, всегда стремятся вступить в разговор. Такое впечатление, что все владеют несколькими европейскими языками. С английским, правда, дело обстоит не очень хорошо, зато французский знают все, так как это второй государственный язык после арабского, и в школе, которая, кстати, является бесплатной и обязательной, преподавание на арабском ведется только в младших классах, а в средних - уже на французском. Немецкий знают тоже очень неплохо, так как немцы являются основными европейскими туристами в Тунисе. А многие европейцы из Германии, Франции, выйдя на пенсию, вообще предпочитают перебраться на жительство в Тунис, выезжая в Европу лишь в самые жаркие месяцы, когда из Сахары начинает дуть сильный ветер сирокко, тогда температура воздуха может подниматься здесь до +56 °C в тени. Но это происходит в строго определенное время года, а вообще летом термометр показывает в пределах от +25 до +35 °C, и жару смягчает постоянно дующий с моря легкий бриз. Зима здесь благодатная, сухая, солнечная, со средней температурой от +11 до +17 °C.

Жаркий климат не мог не наложить отпечаток на планировку и внешний облик городов Туниса, традиционные особенности устройства жилищ. В старых средневековых городах всегда были узкие улочки, которые перекрывались тенью от домов, с какой бы стороны ни светило солнце. Традиционные дома не имели окон, только двери, по принципу: как можно меньше проемов, выходящих на улицу, чтобы солнце не могло проникнуть внутрь помещения. Дворы ограждались высокими глухими стенами, тоже дающими глубокую тень. Площади по периметру, общественные здания, мечети были окружены открытыми галереями с

аркадами.

Современные городские улицы уже не узкие, а достаточно широкие, свободно продуваемые ветрами, затененные деревьями, которые имеют интересный вид: они выстроились ровной линией и совсем срослись кронами, причем кроны подстрижены прямоугольниками. Создается впечатление, что на высоте двух метров от земли идет сплошной аккуратный зеленый бордюр, и из него через определенные промежутки к земле отходят стволы, а на земле лежит ровная, непрерывная полоска тени. Дома на этих улицах уже традиционно европейской архитектуры. У них нет галерей, но есть окна, правда, крыши плоские, с большими террасами, нижние этажи часто под тентами, особенно если это магазинчики, кафе. Делается все, чтобы в помещениях было как можно прохладней, поэтому полы и стены изнутри облицованы плиткой, камнем, мрамором, спасают от жары и кондиционеры. Только в Тунисе, поехав по этим прохладным полам, я поняла пристрастие восточных людей к коврам. Да без ковров в таких домах, особенно зимой, просто не обойтись, ведь ни о каком отоплении зданий нет и речи.

Еще одна особенность тунисского климата - большие перепады между ночными и дневными температурами. Здесь, как во всякой южной стране, солнце заходит довольно рано, часов в 8-9 вечера, и даже если днем было очень жарко, быстро наступает живительная прохлада. Поздно вечером или ночью я не посоветовала бы выходить на улицу, не накинув теплой кофты. Конечно, море смягчает эти перепады. Вот в Сахаре, где более резкие температурные контрасты, если днем, к примеру, вы в шортах, то ночью не помешает и теплое пальто.

Недалеко от Сусса находится деревня Дуар, жители которой устраивают фольклорные вечера для туристов. Здесь мы познакомились не только с зажигательными

тунискими танцами, песнями, музыкой, костюмами разных областей страны, но и попробовали блюда национальной туниской кухни, в частности, знаменитый кус-кус.

В ухоженном, благоухающем парке, где расположились мастера-ремесленники, можно было наблюдать, как вручную ткются ковры, как из-под рук гончара выходят кувшины и блюда, украшенные традиционным туниским орнаментом, как чешут и прядут шерсть, вышивают искусными узорами и украшают блестками традиционный женский костюм, представляющий из себя тонкую, короткую, украшенную вышивкой тунику и длинный широкий кусок материи. Его особым образом оборачивают вокруг фигуры, закрепляют специальными заколками на плечах и обвязывают по бедрам широким поясом. Завершает костюм расшитая и украшенная металлическими подвесками повязка на голову. Традиционные украшения чаще всего серебряные, с бирюзой или кораллами, очень красивые ожерелья тонкой ручной работы, браслеты, кольца, серьги.

В Дуаре нам показывали, как добывают с помощью верблюдов воду из глубоких колодцев, как наносят татуировки на руки и лицо (еще недавно женщине, выходявшей замуж, на подбородок и лоб наносили татуировку, которая оставалась на всю жизнь). Теперь эти татуировки наносятся хной на мизинцы рук, через некоторое время они исчезают. Женщины в ручных жерновах мололи кукурузу, готовили тесто и тут же в печах, похожих на тындыры, пекли тонкие хрустящие лепешки. Мужчины демонстрировали свое умение управлять лошадью и приемы джигитовки, а о многовековом прошлом Туниса нам напомнили римские мозаики и скульптуры, рассеянные по всему парку.

Вообще, следов римской и доримской, античной истории в Тунисе осталось множество. Первое, о чем вспоминаешь в связи с Тунисом, это, конечно же, Карфаген. Карфаген был основан финикийцами в 8 веке до н.э. и со временем превратился в столь мощное государство, что оспаривал владычество Рима на Средиземноморье. Ему в годы расцвета принадлежала Испания и Сицилия. Войска под предводительством Ганнибала, перейдя Альпы, подступали к самому Риму, но в результате трех пунических войн (пунами в Риме называли жителей Карфагена) владычество Карфагена было подорвано и он был захвачен и разрушен. Не раз еще потом место, где находился Карфаген, отстраивалось и вновь разрушалось все новыми волнами завоевателей, о чем свидетельствуют сохранившиеся в пригороде Туниса и Сиди-бу-Саиде, что стоит сейчас на первоначальном месте расположения Карфагена, и мавзолеей мусульманского святого покровителя города, и величественный католический храм, возведенный в XVIII веке, и развалины византийских вилл, римский и пунический порты, и Одеонский холм с развалинами античного театра, стадиона, амфитеатра (где до сих пор проходят театральные и музыкальные представления), общественных бань-терм и мест религиозных ритуалов.

Еще один из замечательных памятников римского владычества - Колизей, расположенный в местечке Эль-Джем далеко на юге Туниса, на подступах к Сахаре. В ясный солнечный день за многие километры встает на горизонте его величественный силуэт. Здесь пересекались торговые караванные пути всего запада Африки, для увеселения торгового люда и был выстроен этот Колизей, лишь немного уступающий в размерах

римскому. На его арене проходили бои гладиаторов и сражения с дикими животными, знаменитыми берберийскими львами.

Эль-Джем был первой остановкой в нашем путешествии по Сахаре. Когда мы приблизились к горной гряде Ксур, перед нами открылись неповторимые пейзажи местечка Матматы, где находятся знаменитые пещерные города берберов. По извилистой горной дороге мы быстро поднимались к вершинам гор. Их розовато-песчаные склоны лишь местами оживлены клочками травянистого покрова да редкими группками худосочных пальм. Время от времени на склонах гор перед нами появлялись круглые отверстия, похожие на кратеры от ударов метеорита. При близком рассмотрении оказалось, что это и есть знаменитые дома-пещеры. В одном из таких домов мы побывали, познакомились с его хозяйкой, бабушкой Фатимой. Конечно, немногих людей в настоящее время устраивают эти пещеры в качестве жилья, но старшее поколение, как, например, Фатима, ей 84 года, не хочет переезжать в современные дома, хотя и не отказывается от благ цивилизации. К пещерам подведено электричество, есть газ, но уклад жизни, многие предметы домашнего обихода, одежда остались такими же, какими были и тысячелетие назад. Та круглая дыра, которую мы увидели еще из окна автобуса, оказалась внутренним двориком дома. К этому дворiku ведет узкий проход, пробитый в скалах, а в сам дворик выходят двери "комнат". Комнаты эти выбиты в скалах, они с овальным потолком и обмазаны глиной, окон в них нет. При увеличении семьи проблем с жилплощадью обычно не возникало, просто вырывали новую комнату. Надо сказать, что в отоплении эти помещения не нуждаются, и в разгар зимы, и в самую жару в них одинаковая температура воздуха +18 С.

По мере нашего продвижения к окраинам Сахары растительность постепенно уступала место песчаным барханам, они достигали огромных размеров по краям шоссе. С их почти отвесных склонов, высотой метров двадцать, открывался изумительный вид на бесконечное море песчаных дюн. Мимо проносились то чахлые группки деревьев, то небольшие кустарники, зеленеющие на фоне желтого песка, то вдруг возникали перед нами небольшие пальмовые рощи. Когда же въезжали в оазисы, мощные, величественные стволы пальмовых деревьев, в тесном беспорядке растущих на небольших участках земли, словно говорили нам, что власть пустыни еще не безгранична, живительные источники воды позволяют и здесь, в Сахаре, распускаться изумительным, похожим на орхидеи, розовато-желтым цветкам бананов и вызревать сладким финикам... Особенно хороша была пальмовая роща в оазисе Тозер, это один из крупнейших сахарских оазисов, финиковая роща здесь одна из самых обширных в Тунисе. Интересно было прокатиться на повозках, запряженных лошадьми, по дорожкам между пальмами, побывать в небольшом зоопарке, где широко представлен экзотический животный мир Сахары: львы, газели, верблюды, маленкие ушастые феники, страшные обитатели пустыни скорпионы, саламандры и самая ядовитая змея - эфа.

Не меньше удовольствия можно было получить от аттракционов парка по мотивам арабских сказок "Тысячи и одной ночи". В этом маленьком уютном парке, с чудесными цветущими садами, ручьями, водопадами, дворцами и домами в стиле традиционной арабской архитектуры можно было вдруг очутиться в пещере Али-Бабы, встретить дива из волшебной лампы Алладина,

увидеть птицу Рух и Шахерезаду, рассказывающую свои волшебные сказки.

А посещение рынка специй, где всем знакомый шафран, кардамон, мускатный орех, корица, карри чередовались в избытке с неизвестной хариссой и загадочными смесями из нескольких видов специй...

Но самое большое впечатление осталось, пожалуй, от двух мест. Рассвет на солончаках Шотт-Джерид и прогулка на верблюдах по пустыне в Эль-Фауаре. Когда вечером мы подъехали к Эль-Фауару, то увидели целый караван верблюдов. Накинув на нас полосатые бурнусы и обвязав головы куском белой материи в виде чалмы, погонщики рассадили всех по спинам верблюдов и медленно двинулись вглубь песчаных барханов. К неспешному, размеренному ритму движения каравана приспосабливаешься довольно быстро, но, когда верблюд поднимается или спускается с бархана, кажется, что ты вот-вот съедешь с его спины или нырнешь вперед через верблюжью голову, и от этого возникают не очень приятные ощущения. Удержаться на месте удается, только крепко держась за деревянную дощечку с двумя ручками, укрепленную впереди попоны, покрывающей спину верблюда. Эти животные по характеру, как оказалось, бывают очень разные: одни всю дорогу возмущались, рычали, словно голодные львы, фыркали и всячески выражали свое плохое настроение, другие стремительно неслись вперед, а некоторые меланхолично и неспешно плыли между песчаными барханами, сохраняя на морде выражение полного благодушия и довольства жизнью. Несмотря на то, что караван состоял из довольно большой группы людей, в пути на всех словно снизошла какая-то необыкновенная тишина, заходящее солнце окрасило в розоватые тона небо и песчаные дюны, а поднимающийся мягкий ветерок нес с собой ночную прохладу. И на минуту показалось, что время словно остановилось или даже пошло вспять и это уже не я, а безвестный бедуин пустыни медленно совершает свой извечный путь через просторы бесконечной Сахары.

Так же прекрасен был и рассвет на соляных озерах. Правда, к сожалению, легкая дымка и низкая облачность не позволили увидеть момент, когда диск солнца встает над горизонтом, вернее, появляется из-за гряды гор, что тянутся цепью вдоль солончаков. Но, может быть, именно благодаря этому горы и полоска неба над ними окрасились в нежнейшие сиреневато-жемчужные тона, очень напомнившие мне итальянские зарисовки Павла Корина, нежнейшей пастелью передававшего очарование умбрийских холмов и силуэтов Флоренции. Фотография, к сожалению, была бессильна отразить эти тончайшие цветовые нюансы. А через несколько минут, когда солнце вышло из облаков, под его лучами засверкали зеркальные поверхности солончаков и заискрились розы пустыни, причудливые каменно-соляные образования, по форме действительно напоминающие розы с распустившимися лепестками.

На обратном пути из Сахары мы побывали в Кайруане - арабской мусульманской столице Туниса на протяжении многих веков. Кайруан, первый священный город Магриба, основанный в VII веке, стал центром распространения ислама в этой части Африканского материка. Недаром семикратное посещение Большой

мечети в Кайруане в течение года приравнивается к хаджу в Мекку и Медину. Такие памятники архитектуры, как мавзолей Барьера, бассейн Аглабитов, свидетельствуют о присутствии ислама повсюду в городе.

В Кайруане мы впервые увидели настоящий восточный базар. Как и везде, по традиции он располагался в Медине. Потом мы побывали на таких же базарах и в Суссе, и в Тунисе. Это были бесконечные лабиринты узких улочек, которые то карабкаются на вершины холмов, то извилистыми лентами спускаются вниз. Иногда улицы превращались в лестницы, порой - в крытые запутанные галереи и переходы с каменными полами и сводчатыми потолками, где лавочки, тесно прижимаясь друг к другу, охотно предлагают покупателям разнообразные изделия из серебра и кораллов, полудрагоценных камней и слоновой кости, медные сосуды, металлические блюда и вазы, покрытые серебряной и медной гравировкой, тонко переплетенные птичьи клетки, по форме напоминающие силуэты мечетей, кожаную обувь, сумки, глухо звучащие кожаные барабаны, изящные стеклянные сосуды причудливой формы с цветными рисунками и плотно притертой пробкой - для масел, духов и благовоний - и сами эфирные масла, на основе которых делаются знаменитые французские духи; керамические изделия, деревянные фигурки, шкатулки, инкрустированные перламутром, ковры... Перечислить все просто невозможно. Мы с удовольствием окунулись в радостную, яркую, праздничную атмосферу восточного базара, торговались с продавцами, которые не просто стремились навязать нам свой товар, но и интересовались, кто мы такие, откуда приехали. Как только мы говорили, что из России, звучали два слова - Горбачев и Чечня, и больше никаких других ассоциаций.

Каждый день мы наслаждались солнцем, пляжем, морем. Правда, вода в марте еще достаточно холодная, градусов 16, зато температура воздуха чрезвычайно комфортная, от +22 до +25 С (надо сказать, местные жители считали, что зима еще не кончилась и в большинстве своем ходили в кожаных куртках, теплых ботинках и шерстяных пальто).

Солнце уже припекало настолько сильно, что мы все оборели, причем не столько на пляже (там мы все-таки береглись), сколько во время прогулок по городу. Единственным спасением от бешеного солнца был сад нашего отеля. Затененный цветущими кустами и пальмами, с дорожками, выложенными цветной плиткой, с зелеными газонами, фонтанами, колодцами и копиями античных скульптур, разбросанных по всему саду, с открытым бассейном и шезлонгами повсюду, он один давал желанную прохладу нашей измученной коже.

Вот так, между поездками по стране, пляжем, морем, прогулками по городу и восточным базарам, и пролетели мгновенно и незаметно две недели, подаренные нам для знакомства с Тунисом. Побывав в стране лета, мы снова возвращались в зиму. 28 марта, когда прилетели в Москву, термометр показывал -6 С.

Здравствуй, Россия, прощай, - Тунис! Хотя ах как хочется вернуться сюда хотя бы еще раз, на эту цветущую, экзотическую землю, опаленную дыханием Сахары.

Ирина САВИНОВА,
заведующая отделом научного
использования документов
государственного архива
Новгородской области

В истории взаимоотношений России и Польши много страниц, отмеченных напряжением, враждою и даже столкновениями с человеческими жертвами. Венский конгресс победителей Наполеона в 1815 году фактически осуществил четвертый раздел Польши. На землях, отошедших к России, было создано конституционное Королевство Польское, объединенное с империей.

Власть царского самодержавия вызывала у поляков чувство протеста и способствовала укреплению их национально-освободительного духа. Постепенно зарождался и креп освободительно-демократический порыв, который сочетал патриотические лозунги борьбы за независимость Польши с лозунгами социального освобождения.

Наиболее крупным протестом стало восстание 1830-1831 годов, жестоко подавленное правительственными войсками. Следующим выступлением явилось восстание, вспыхнувшее в январе 1863 года, проходившее в дальнейшем в виде партизанской войны до февраля 1864 года и распространившееся не только в Польше, но и в некоторых губерниях Литвы и Белоруссии.

После длительных и кровопролитных сражений регулярные войска подавили восстание. Его руководители К.Калиновский, З.Сераковский, Р.Траугутт вместе с десятками активных повстанцев были преданы военно-полевому суду и казнены. Тысячи поляков подверглись высылке за пределы Польши. На 1 июля 1864 года их число достигло 25 тысяч человек. Одним предстоял долгий и нелегкий путь по этапу в Сибирь, в знаменитые Петровские рудники, другим - в разные губернии России под надзор полиции.

Циркулярным письмом от 28 мая 1863 года Департамент полиции МВД определил конкретные губернии империи, куда надлежало высылать "признанных вредными по политическим стремлениям лиц" из западных губерний и Царства Польского: Архангельская, Воронежская, Казанская, Костромская, Лифляндская, Нижегородская, Олонецкая, Пензенская, Оренбургская, Пермская, Саратовская, Тамбовская, Эстляндская. В этом списке значилась и Новгородская губерния с указанием уездных городов, определенных для поселения ссыльных: Белозерск - 22 человека, Кириллов - 15.

Цирюляры поступали в канцелярию губернатора каждый месяц. В них просматривается попытка предвидеть всевозможные ситуации, могущие возникнуть на местах. Ссыльных уроженцев западных губерний предписывалось отделять от великороссийских. Губернатор получал право распределять сосланных с учетом климатических, топографических особенностей населенных пунктов, материальных удобств для жизни в них. Ему же надлежало рассматривать все просьбы и жалобы поднадзорных в случае надобности и выходить с ходатайством в МВД.

ПОЛЬСКАЯ РЕЧЬ В НОВГОРОДЕ

Если сосланные имели собственные средства для существования, они должны были довольствоваться ими. Неимущие получали от казны пособие. Дворянам устанавливалось содержание 72 рубля в год. За сосланными могли следовать и их семейства, если они пожелали разделить судьбу родного человека. В таких случаях жены получали те же 72 рубля, дети - половину этого содержания.

Партия ссыльных, направленных в Новгородскую губернию, прибыла в губернский город 12 августа 1863 года, в составе 37 человек, как и предписывалось правительственной разнарядкой. До Новгорода они следовали по железной дороге, а далее - на подводах за неимением путей, в сопровождении конвойных.

Кем были первые ссыльные?

Сохранились краткие характеристики, составленные на них белозерским уездным исправником Николаевым.

Бороздич Йероним, слущий городской врач. Поведения хорошего, человек образованный, характера тихого. Мерам правительства подчиняется беспрекословно и ничего вредного в политическом отношении не обнаруживает.

Ковзан Казимир, поведения прекрасного, необразованный, характера тихого... Подчиняется без ропота.

Конторович Фреймонт - кроток, тих, всем распоряжениям правительства подчиняется. Но в частной жизни поведение его не одобряется: по временам предается разгулу... ничем не занимается.

Ястрежомский Франц - поведения хорошего, малообразованный, но довольно энергичен, способен при случае быть увлеченным... человеком. Сам по себе не может иметь влияния на своих соотечественников, мерам правительства подчиняется неохотно.

Подобные характеристики имеются и на ссыльных в Кирилловский уезд.

Многие жены согласились последовать вместе с детьми за высланными мужьями. Залесский Егор прибыл с женой Леонидой и тремя детьми. "Как сам Залесский, так и его семья поведения хорошего. Сослан за неуместные с крестьянами разговоры, выражающие сочувствие к мятежу", - записал исправник. За Коркошко Михайлом отправились в дальний край его дети: сыновья Яков, Роман, дочери Мария и Эрика Романова с малолетними сыном Антоном и дочерью Ульяной.

Со временем в Кириллов и Белозерск приедут жены других ссыльных, выплочут право разделить судьбу наказанных их невесты. Всем сосланным запрещалось поступать на государственную службу, учить детей в домах новгородцев.

Среди сосланных были и женщины. Елена Вериги, дворянка, девица, "виновная в мытье рубах для мятежников, принятии от них в мытье грязного белья... совершенно неблагонадежная в политическом отношении и вредная для дальнейшего здесь пребывания". "За явную неблагонадежность в политическом отношении" в Кириллов была сослана Йоганна Витковская, дворянка 29 лет. За политическую неблагонадежность, за сокрытие оружия, материальное содействие мятежу в Кириллове оказались Зенон Свирицкий, Николай Зальтц, Иван Качинский, Иосиф Скрынский.

В осенние месяцы 1863 года губернский Новгород стал пересыльным пунктом для тех, чей путь направлялся через Москву в Уфу, Пермь, Пензу. Имена почти сорока человек

остались в документах Новгородской казенной палаты, которая выплачивала конвоирам и их подопечным прогонные и суточные средства. Предписание для стражников гласило: "В пути иметь постоянный за ними присмотр, в особенности наблюдать, чтобы они ни под каким видом не могли иметь сообщения или вступать в разговоры с кем бы то ни было."

Три семейства были выселены в Новгородскую губернию на поселение на казенных землях. Осип Щука с семьей из четырех человек был направлен в Кирилловский уезд. Викентий Шарфенберг с женою и сыном и Тадеуш Клавсюк с четырьмя членами семьи в Боровичский. Все они получили по 55 рублей для обезвреживания хозяйством на новых землях.

Следом, за партией сосланных, 28 сентября 1863 года в Новгород была доставлена вдова руководителя восстания Аполлинария Сераковская. Днями раньше новгородский губернатор В.Я.Скарятин получил пространное послание от губернатора города Вильно.

"В г. Вильно проживало семейство Далевских, состоявшее из матери - дворянки Далевской, сына Франца и дочерей: Теклы, Сусанны, Юзефы, Ксаверии и Аполлонии. Все это семейство постоянно отличалось политическим направлением, обнаружившимся еще в 1849 году тем, что один из членов оного, именно Франц Далевский, принял тогда деятельное участие в устройстве восстания на Литве, первый подал мысль об этом, собирал денежную сумму и рассылал по всему краю своих агентов.

Такие действия Франца Далевского были вскоре обнаружены, и, по произведенному суду признанный виновным, несмотря на упорное заперательство, он был сослан в каторжную работу в рудниках сроком на пятнадцать лет. Впоследствии, по милосердию Государя Императора, Далевскому было дозволено возвратиться на родину, но по прибытии в Вильно он, не почувствовав монаршего милосердия, вновь обнаружил революционное направление, а по открытию в здешних краях мятежа принял деятельное в нем участие, вступил в сношение с лицами, подозревавшимися в образовании в Вильно революционного комитета и, как обнаружено некоторыми показаниями, сам сделался членом комитета.

Вместе с этим Далевский начал вербовать молодых людей, но в июле месяце был захвачен на месте преступления в то время, когда прибыл в квартиру чиновника Гаевского для отправления его в шайку Вислоуха. В сем последнем преступлении Далевского приняла участие его старшая сестра девица Текла, причем она сначала сама познакомилась с Гаевским и его теткою, и затем настоятельно упрасивала брата вступить в сношение с Гаевским.

Из других сестер Далевского девицы Сусанна, Юзефа и Ксаверия, равно мать Далевского, вдова Доменика, оказывали явное потворство преступным действиям своих родных... при производстве следствия, видимо, старались скрыть истину, давая уклончивые ответы.

Наконец, известный предводитель мятежнических шаек Сигизмунд Сераковский имел близкое знакомство с домом Далевских и женился на Аполлонии Далевской. Вдова этого преступника, оставаясь после казни мужа на жительстве в Вильно, возбуждает в людях, не расположенных к правительству, явное сочувствие к своему положению.

Виленская следственная комиссия по политическим делам, производя следствие о преступлениях Франца Далевского и его сестры Теклы, обратила внимание на доказанное делом вредное политическое направление всего семейства Далевских, в заключении своем признает необходимым выслать все это семейство в одну из внутренних губерний России на жительство.

Главный начальник края, признав такое заключение комиссии правильным и соответствующим нынешнему положению края, сделал о Франце и Текле Далевских особое распоряжение, определив вдове Сераковскую выслать на жительство в Новгородскую губернию, а вдове дворянку

Доменику Далевскую и ее дочерей девиц Сусанну, Юзефу и Ксаверию выслать в Пермскую губернию. На новых местах жительства за всеми сказанными женщинами учредить строгий полицейский надзор.

Сделав надлежащее распоряжение об отправлении из Вильно по железной дороге в сопровождении жандарма вдовы Аполлонии Сераковской через Псков, я о вышеизложенном имею честь уведомить Ваше Превосходительство для зависящих со стороны Вашей распоряжений, присовокупляя, что, за получением затребованных мною сведений о состоянии Сераковской, я о последующем не замедлю Вас уведомить. Гражданский губернатор, камергер"

Аполлинария Сераковская ждала ребенка, ее физическое состояние было настолько плохо, что новгородские губернские власти решили оставить молодую женщину в Новгороде, опасаясь, что та не вынесет пути до Белозерска. Аполлинария тяжело переживала гибель любимого мужа, с которым обвенчалась незадолго до трагических событий. С ним ее связывала теперь жизнь будущего дитя. В октябре 1863 года на свет появилась девочка, которую в память об отце нарекли Зигмунтой. Сераковская поселилась на Торговой стороне Новгорода, в доме Чистякова.

Перенесенные страдания, дальняя дорога, тяжелые роды подорвали ее здоровье. Старший врач Аренский (отец будущего композитора) 29 мая 1864 года выдал свидетельство Сераковской: "...отправление ее в дальний путь в настоящее время должно быть отсрочено..."

В эти же самые октябрьские дни 1863 года, когда на свет появилась маленькая Зигмунта, в Новгород прибыла ее бабка, старая Доменика Далевская с тремя дочерьми. Им предстоял долгий путь - на лошадях до Москвы, а оттуда - в Пермскую губернию. Знала ли Доменика, что ее Аполлония в эти дни стала матерью в Новгороде? Что она находилась здесь же? Вряд ли... Но, видимо, материнское сердце что-то чуяло - Доменика вдруг разболелась, и врачу пришлось почти на неделю задержать Далевских в Новгороде. Они выехали в Москву только 10 октября.

А из Петербурга в это же время поступила телеграмма за подписью генерал-губернатора князя Суворова: "Прошу приостановить отправление в Белозерск вдовы Сераковской впредь до особого распоряжения Министра Внутренних Дел..." Можно только предположить, что через князя хлопотали друзья Сераковского по Генеральному штабу, где когда-то служил Зигмунт.

Только в июне следующего года Аполлонию отправили на жительство в Боровичи - тихий солнечный городок на берегу Мсты, который по климатическим условиям значительно лучше не только Белозерска, но и Новгорода. Строгий полицейский надзор отменен не был. В сентябре в Боровичи прибыла сестра Сераковской, Текла Далевская. После рождения племянницы она добилась перевода из Пензенской губернии, где отбывала ссылку. Помощь ее была спасительной для ослабшей Аполлинарии.

В рапорте от 17 ноября 1864 года боровичский исправник сообщал: "...состоящие под надзором полиции вдова Сераковская и сестра ее Далевская со времени прибытия в Боровичи вообще ведут жизнь скромную и уединенную, знакомства имеют редкие, случайные, возникшие по месту их квартирования. О нравственном их направлении в политическом отношении я могу лишь одно сказать, что они еще очень живо помнят прошедшие события, но никаких убеждений или рассуждений, кои могли бы открывать, до сих пор ничего предосудительного в их поступках замечено не было..."

Сестры попытались частным образом давать уроки французского и музыки, но подобные занятия для ссыльных были запрещены, - им дозволялась только простая физическая работа. Вскоре еще одна беда обрушилась на молодую мать - в дочке стали проявляться признаки эпилепсии. После того, как все боровичские врачи, призванные матерью на помощь,

не смогли справиться с болезнью, Аполлинария в июне 1865 года обратилась к губернатору Э.В.Лерхе, сменившему В.Я.Скарятину: "...обращаюсь к Вам со всепокорнейшей просьбой, как к человеку, которому чувства родительские хорошо известны: исходатайствовать мне приехать в Петербург для подания помощи моей бедной малютке..." Из-за отсутствия губернатора в Новгороде пришлось ожидать решения до августа. Поездка была позволена, но полицейский надзор сохранялся и в столице.

Дальнейшая судьба Сераковской и ее дочери просматривается в запросе Новгородской казенной палаты, с которым они обратилась в Министерство финансов 12 января 1867 года: "...за получением назначенного им в 1866 году содержания, как видно из донесения боровичского и белозерского казначейств, - не явились..." Из Петербурга поступил ответ в адрес губернатора, что бывшие ссыльные А.Сераковская и Т.Далевская 17 октября 1865 года выехали в Западные губернии. Остается только предположить, что петербургские сослуживцы Сераковского нашли возможность облегчить участь молодой вдовы.

С Новгородом связана судьба еще одного Далевского - Франца. Как один из активных участников восстания, Франц Далевский был сослан в Петровские рудники Иркутской губернии. В феврале 1865 года он писал из Петровска: "Мои любезные сестрицы Текла и Аполлония! Узнав от сестры из Кунгура, что вы теперь вместе, я гораздо спокойнее теперь о вас. От Аполлонии я получил письмо одно, из Боровичей уже тотчас по ее прибытии, но от Теклы ни одного. Матушка прислала мне фотографии Аполлонии и Зигмунты вместо своей. Любезная Аполлония, вышли матушке взамен другую. Теклу же сердечно прошу сделать свою и прислать мне. Я буду за это много и много благодарен. Целую вас и обнимаю..."

После десятилетнего пребывания в Петровском железном заводе Франц Далевский в июне 1874 года получил разрешение переехать в Новгородскую губернию. Обстоятельства позволили ему остаться в Новгороде. В 1881 году он женится, а в марте 1882 с него снимут негласный полицейский надзор. В скором времени Франц получит возможность уехать в Варшаву.

Среди ссыльных находилось 9 ксендзов: Грохольский, Волотовский, Пиотровский, Дубовик, Гавельчик, Дзяжовский, Назаревич, Скульский, Валестович, Тваровский, Зелигородский, Табенский.

Разные обстоятельства собрали их под холодными северными небесами. Большая их часть так или иначе имела отношение к пронесшейся буре. Феликс Грохольский, ксендз Радожского костела Гомельского уезда, "в разговорах неоднократно выражал крайнее свое недовольство к правительству и высказал надежду на успех поляков в деле их восстания..."

Станислав Влодковский, настоятель костела в местечке Цехановец Бельского уезда, был осужден за отказ хоронить тело повешенного мятежниками майора Хлуса. Антоний Пиотровский, ксендз из местечка Русяты Ковенской губернии, выслан как вредный и совершенно неблагонадежный в политическом отношении... Все они были лишены главного дела своей жизни - богослужения в храмах.

В эти же годы в Новгороде находился еще один ссыльный поляк, который, будучи сосланным, избежал общей участи соотечественников. Это плоцкий епископ Винцент Попель. О его высылке сообщили на всю империю петербургские "Биржевые ведомости" N239 за 28-30 августа 1868 года: "Варшава. На днях выслан на жительство в Новгород плоцкий епископ Попель. Он, как пишут в Москву, постоянно отличался оппозиционным характером. Все новые реформы, даже не касающиеся Церкви, находили в нем тайного или явного противника, и не пропускал он случая возбуждать и в населении подобные же чувства."

Так, в прошлом году граф-наместник, снисходя к просьбам некоторых католических духовных особ и некатолических

светских, разрешил епископам католическим объехать свои епархии. Попель не преминул воспользоваться этим случаем, чтобы произвести целый ряд манифестаций. Карета его была конвоирована от 120 до 200 человек отрядом, составленным из польских патриотов, наряженных в виде улан, гусар и т.д. Всюду стекались тысячи народу, предшествуемые знаменами, хоругвями и т.п.

На вопрос администрации, что это значит, Попель объяснил, что все это суть выражения преданности невинных овечек к нему, Попелю, как к доброму пастырю, и что во всех этих манифестациях он дурного ничего не видит. Другие епископы также обозревали епархии, однако ничего подобного не происходило. Но это дело прошедшее.

Теперь правительство, говорят, обратилось к нему, Попелю, с требованием выслать депутата в С.-Петербург, в учреждающуюся здесь коллегия или синод католический. Попель отказался исполнить это требование, и потому, так рассказывают, отправили его на жительство в Новгород, куда он выписал свою карету, своего повара и все, что нужно для удобства жизни богатому человеку.

Сверх сего Попелю сохранено и все содержание, простирающееся до 6000 рублей.

Для нас поучительно то, что епископ Попель, будучи богатым здешним землевладельцем или просто попом, переселившись в Новгород, заживет там жизнью, полную довольства и роскоши, и прослывет в то же время между своими "родаками" и по всей Европе мучеником "за свои убеждения, за свою веру и свою Отчизну."

Власти проявили к сосланному епископу повышенное внимание. Накануне его прибытия новгородский губернатор получил от Министра Внутренних Дел Тимашева запрос: "Достаточно ли поместительна и удобна для него квартира?" Ответ был дан незамедлительно: "...квартира для епископа Попеля нанята в доме купца Федорова в 1-й части по Чудиновской улице с платой в 35 рублей." Сведения о прибытии сосланного поступили в Петербург буквально через два часа: "19 августа. 9 1/2 вечера. Сегодня в 7 часов вечера прибыл в Новгород из Варшавы назначенный сюда на житье католический епископ Попель из Плоцка."

Содержание опальному священнослужителю было определено в 3000 рублей (не сравнить с информацией в "Биржевых ведомостях"). Приезд Попеля отметили и сами ссыльные. Славинский 7 ноября 1868 года писал в Екатеринослав Михаилу Еничу: "Приехал епископ Попель из Плоцка, 40 лет, превосходно образован, милостивый, гостеприимный и хороший наставник. Живет недалеко от костела, но в нем бывает редко, ибо там обидни не совершает, а у себя, в особу для того устроенной капличке. Ожидает со дня на день приезда своего капеллана. Имеет хорошую квартиру и прилично живет, но скромно, ибо получает только 3000 рублей. Нигде не бывает, только у ксендза, с которым в хороших отношениях, ежедневно гуляет по несколько часов со своим камердинером..."

На примере ближайшего окружения епископа наглядно просматривается раздел Польши: слуги - прусские подданные Поликарп и Марианна Ледер, с дочерью их Станиславой, в августе 1871 года его посещает австрийская подданная, невестка Эва Попель с дочерью Марией, сам епископ - подданный Российского государства.

Многие подробности из жизни ссыльного епископа можно узнать из его переписки, вернее - переводов писем, которые после проверки оставались в канцелярии губернатора. Переписка эта составила три тома на 502 страницах. Адресатами Попеля были прежде всего родные братья: Павел, проживающий в родовом поместье Куравенки, Вацлав - в Варшаве, Ипполит - в Кракове, многочисленные племянники и племянницы, знакомые, несколько ссыльных, пребывавших в дальних российских губерниях.

Не в пример современникам, письма в те времена писались регулярно и обстоятельно. Адресаты обязательно сообщали

друг другу о получении писем, благодарили за память. Каждое письмо, вернее, его изложение, сопровождалось припиской переводчика: "Вообще, письмо не заключает ничего, что бы препятствовало выдаче его адресату". Эти письма представляют особый интерес для исследователей как польских, так и русских, потому как в них сохранились такие житейские подробности, которые могли и не попасть на страницы газет и журналов той поры.

Брат Вацлав сообщал, что подал ходатайство наместнику, графу Бергу, и сын Ян получил разрешение вернуться на родину из шестилетней эмиграции, он же описал визит в Варшаву Великого Князя. Многие адресаты писали о катастрофе на соляной шахте в Величке (ноябрь 1866 г.), а также о том, что встреча нового 1867 года сопровождалась невиданной ранее бурей, от которой пострадал даже костел в Плоцке. Из этих писем можно узнать и о дуэлях, все еще существовавших в обществе: Потоцкий стрелялся с Броневским и был тяжело ранен, но пулю удалось вынуть (сын Генриха увез жену Владислава Потоцкого, что и объясняло причину дуэли).

Интересны и первые впечатления ссыльного епископа о пребывании в Новгороде. "...Октябрь 1866 г. Солнце у нас заходит перед 5 часами, но тепло. До сего времени раз только топили."

"Я первый раз в жизни видел здесь северное сияние, которое у нас почти не бывает."

"...на прошлой неделе осмотрел здешний собор (Собор Св. Софии - И.С.). Очень меня заинтересовал. Ему насчитывается более 800 лет. Стены неслыханной толщины, и все расписаны. Осмотрел ризницу. Очень заинтересовали старинные кресты, сделанные из слоновой кости. Имеются изделия из старинных материй (не могу оценить их без специальной литературы). Нигде раньше не видел такой отделки из жемчуга - им обшиты огромные ризы. В соборе много святых мощей."

Весьма примечательно такое сообщение от 2 декабря 1866 года: "В Польше уже две недели поста, а здесь пост еще и не наступал. Удивительна для меня эта отсталость от всего света. Если бы только постановили несколько лет февраль считать вместо 28 в 30 дней, то сравнялись бы..."

В мае следующего года брату Вацлаву епископ описывает свои прогулки по окрестностям Новгорода, по полям, где крестьяне обрабатывали землю и сеяли хлеб. Брату Павлу он рассказывает о близлежащих монастырях и их садах, о немецкой колонии в пригороде. Некоторые наблюдения весьма интересны: "В Новгороде до 6 августа не едят плодов и фруктов, что очень хорошо, так как плоды в Новгороде невкусные. По ночам - грозы." Другу Вербицкому в Варшаву он сообщает: "В Новгороде в году бывает 219 дней пасмурных, 59 - дождливых и 39 снежных... От Новгорода в 47 милях, в Старой Руссе есть минеральные воды. На этих водах много лечится людей. Летом лечились Великие Князья." (Впоследствии и сам Попель побывает на курорте).

О том, как жилось епископу Попелю под надзором, передает сам губернатор Э.В. Лерхе в служебной записке новгородскому полицмейстеру от 17 ноября 1874 года: "Вчера я лично убедился, что надзор полиции за высланными в Новгород лицами совершенно номинальный. Желая посетить епископа Попеля, новая квартира которого мне была неизвестна, я спросил встретившихся мне двух городских полицейских, служителей того квартала, где квартира Попеля, но они объявили, что не знают не только ... прежней и ... новой его квартиры, но даже ... что такая личность проживает в городе..."

Родственникам Попеля не возбранялось навещать его. Брат Вацлав, невестка Эва с дочерью, племянники Антоний и Игнатий побывали в Новгороде, чем доставили естественную радость и ссыльному, и самим себе. Из писем видно, что по возвращении на родину они еще долго делились впечатлениями о поездке.

Ссылка епископа Попеля закончилась в августе 1875 года: императорским указом от 29 августа он был назначен Куявско-

Калишским епископом и в сентябре выехал в Польшу.

Все ссыльные не лишались права переписки, а поскольку эпистолярное искусство в XIX веке пользовалось особым вниманием и любовью, то писем на польском языке шло множество во все губернии империи. Переписка, конечно, была под контролем, адресовать ее следовало на канцелярию губернатора. Для осуществления контроля в штат губернского правления был определен переводчик, штабс-капитан Николай Леохновский. От него не требовался дословный перевод, - достаточно было кратко изложить послание, а то и просто передать основные мысли.

9 томов по 120-200 страниц исписаны мелким аккуратным почерком штабс-капитана, получавшего в месяц 10 рублей за эту тихую работу. Они представляют сейчас хронику жизни ссыльных. Что же рассказывали они о своем ссыльном пребывании в чужом краю?

Весьма интересными, отмеченными дарованием эпистолярным, были письма отставного подпоручика Нарвского пехотного полка Богуслава Николаи. Он был сослан в Белозерск за то, что не донес на своего родного брата Владислава, состоявшего в рядах повстанцев. 11 июня 1865 года он сообщал в Томск брату Стасу: "...Из Варшавы получил посылку с семенами огородной зелени, так как в Белозерске эту зелень в кухне не употребляют. Я сам и повар, и все, что можно вообразить - поневоле научись всему, чтобы только как-нибудь прожить на 5 руб. 75 коп. в месяц... Вишни так дозрели, что стали красными, и так много, что меру набрали. Слив нет. Яблоки только дикие. Фрукты привозят из Вологды, но дороговизна страшная. Все здесь дорого: обувь, одежда. Работа портных неоценима, как и жизнь. Рыбы, хотя живем над самым озером, тоже мало. Говорят, что стерляди (не знаю, знаете ли вы, что такое стерлядь) постоянно ловили здесь, а теперь - как редкость - можно достать только за дорогую цену. Я пробовал эту рыбу и, несмотря на то, что не люблю рыбы, с удовольствием желал бы иметь ее чаще на обеде. Мясо не очень хорошее, только и можно иметь говяжье. Земледелие в плачевном состоянии, зато судохводство цветет."

Может быть, едучи в Томск, приходилось и тебе ехать "людьми"? Я не ездил, а вижу каждый день, как люди, запряженные в шлейку, тянут плотно набитую людьми барку по каналу, идя сами "бичевиком", как они сами называют - "на бечевке", по сто и более верст. Берут за эту работу по несколько рублей и идут охотно, так как это зависит от их воли.

Могли бы заняться земледелием - земли много и земля неплохая, были бы и урожаи, если бы только приложили труд и старание. Земледельческие орудия, т.е. соха, борона здесь совершенно другой конструкции, менее практичны, чем у нас..."

В январе, 10 числа, 1866 года Богуслав писал матери: "...Каждый раз узнаю более, что для меня нет дороже тебя, матушка, родины и родной крови. О! Все это вместе делает человека счастливым... Здесь в Крещение было так тепло, как в прошлом году на Святой. Вчера и в субботу дождь, в некоторых местах показалась земля, и вообще, до сего дня морозов значительных не было..."

Интересный отзыв о новгородском губернаторе Э.В. Лерхе оставил Б.Николай в своем письме матери от 15 октября 1865 года: "...Не помню точно, в последних числах прошлого месяца или в первых настоящего был здесь г.губернатор - человек очень внимательный - такое о нем всех единогласное мнение... Это и я могу подтвердить. Как губернатор, имел полное право нас всех потребовать к себе, но представил это на нашу волю - быть или не быть у него. Вероятно, потому, что и без нас имел о чем думать, слушать и с кем говорить. Поэтому я и не утруждал его своею бытностью. Однако некоторые из нашей эмиграции были: кто с прошением, кто с запискою, и он этим некоторым, бывшим у него в квартире, на жалобу их на бедное содержание, которому он не причина, - не мог лучше посоветовать, как то, что позволил за рекомендацией головы заниматься местными работами. Позволил заниматься переплетением книг, какой работы с открытием женского

училища будет много, и она для слабых заменит работу топором или пилою, владеть которыми нужно уметь.

Словом, сделал то, что мог, потому что увеличивать содержание из своего кармана он не мог же. Достаточно его добрых желаний, хоть и с ними трудно всем угодить..."

Встречаются отзывы об отношении к ним властей и у других сосланных. Анна Багинская пишет мужу в Кириллов 7 февраля 1866 года: "...Что касается контроля наших писем, то я вижу, что в Новгороде люди более внимательны, чем здесь, в Варшаве." Церпинский - дочери в Новогрудок 29 сентября 1865 года: "Жители в Белозерске хорошие и не пренебрегают нами..."

Российские жители настолько не пренебрегали ссылными, что губернатору пришлось 15 апреля 1871 года напомнить своей полицейской службе: "...Ныне вновь дошли до меня сведения, что некоторые из состоящих под надзором полиции лиц по-прежнему допускаются в частные дома для обучения детей..."

Не менее примечательна просьба уездного исправника города Кириллова Д. Трубникова, с которой он обратился к губернатору: "...Дозволить время от времени лицам, сосланным под надзор полиции, отлучки за черту города на недалекое расстояние вместе со мною и под моей личной ответственностью, дабы тем самым дать им возможность иметь хоть какое-либо развлечение в однообразной и не слишком привычной для них жизни среди чуждого им общества."

Когда читаешь пересказы писем ссылных, читаешь спокойно, вдумчиво, без пропусков, то постепенно все они складываются в один большой увлекательный роман с множеством лиц, которые вскоре становятся знакомыми. В этих письмах есть все: боль расставаний, радость любви, трудности бытия и удовольствие от охоты на зайцев, переживания за судьбы близких и свое состояние, надежды на будущее. Примечательна история женитьбы Михаила Пляттера, сосланного в Томск. Сестра его Михайлина оказалась в Кириллове. Она несколько лет до высылки прожила в Вильно у своей тетки княжны Огинской. Одна из сестер была замужем за князем Огинским, другая - за князем Толстым и третья - за графом Голыным.

Большой круг людей на родине, в Новгородской губернии, в Сибири всколыхнула весть, что Стефания Пьонтен добилась разрешения выехать в Сибирь, в Томск, чтобы обвенчаться с Михаилом Пяттером. Ей пришлось дать подписку, что отсюда она никогда не вернется и что это ее не страшит. Стефания выехала из Петербурга 12 августа 1865 года. Отец со слезами благословил ее на трудную судьбу и на счастье с Михаилом. Она добралась до Томска на пароходе "Сибиряк" 6 октября, но оказалось, что Михаил не ожидал ее с этим рейсом. Свадьба была назначена через год - на 26 октября 1866 года. Сестра Голынская писала Михайлине в Кириллов о женитьбе брата: "...Меня эта весть обрадовала и искренне удивила. В настоящем его положении какая карьера будет в будущем для сына, если Бог пошлет его? Не понимаю, почему невозможно подождать, хотя и трудно переносить это возлюбленным... Мать очень не рада выбору Михаила. Кто ее родственники? Какие у них связи? Хороша ли она?"

Сама Стефания сообщала из Томска, что она теперь стала кухаркою, все стряпает сама, очень переменялась и даже постарела. Она часто вспоминает о родине и родных, что так далеко, и плачет. Конечно, жизнь в далеком незнакомом городе, в среде чужих по языку и вере людей весьма скоро показала свою прозаическую сторону. Но главной печалью оказался ее жених: "...Да, я бедная и разочарованная Стефания. Хотя я и с Михаилом, но каждая новая минута наносит мне новую рану в сердце. Моя любовь и самопожертвование не имеют награды. Перестала даже думать, что он любит меня. Оставить родину, родных, все надежды на лучшее будущее, всем пожертвовать

для любви - и не видеть ни внимания, ни сочувствия - ужасно! Предо мною - тяжелая жизнь. Но я должна выпить чашу горести до дна. Я не могу спать от боли сердца. Вместо любви ко мне Михаил требует от меня, чтобы я стала купцом, спекулятором, как он. (Михаил Пляттер вместе с товарищами арендовал мыловаренный завод. - И.С.). Не знаю, что у меня будет. Слезы не высыхают на моих глазах... Наняла кухарку. Будут столоваться еще трое. Квартира очень маленькая - 0-4-х комнатах, в 1-й - контора. Михаил заметил ей, что она мало привезла столового серебра... Приходит мысль - не болезненный ли это сон или не проба ли моей любви к Михаилу..."

Такой тщательный перевод свидетельствует, что исповедальные послания, каких немало в делах, привлекали внимание переводчика, и он оставил для нас подробные описания душевных переживаний. В переводах промелькнуло сообщение о том, что Стефания обвенчалась и пока счастлива. Для рассказа о ее дальнейшей судьбе потребовалось бы специальное исследование.

В 1875 году царским указом с большей части высланных снимался гласный полицейский надзор, отбывшие более половины срока каторжных работ в Сибири получили возможность перейти на поселение, отбывшие сибирскую ссылку смогли переехать в центральные губернии. Нашлись желающие переселиться в Новгородскую. В октябре 1875 года здесь находилось 44 ссылных, из Сибири ожидалось 20. Решено было 19 человек оставить в самом Новгороде, остальных, в том числе проживающих в северных уездах Кириллове и Белозерске, перевести в более благоприятные места: Демянск, Крестцы, Старую Руссу.

В 80-е годы, после гибели императора Александра II, многие поляки выехали на родину. Часть же их, получив некоторые свободы, все еще находилась под надзором полиции, но уже негласным. Интересен такой факт - документы этого периода отложились в фонде жандармского управления, тогда как все ранее упоминавшееся - в фонде канцелярии новгородского губернатора. И самое в них примечательное - из делопроизводства исчезли упоминания о польском восстании, о принадлежности поднадзорных к полякам. Например, в ведомости проходит Далевский Франц, дворянин. В графе о причине надзора записано "неизвестно". Откуда выслан - из Иркутской губернии. Домбровский Михаил, дворянин. Причина надзора - неизвестно. По таким спискам только человек, сведущий в "польской ссылке", может догадаться, что под негласным надзором находились бывшие участники польского восстания.

Закончить этот далеко не полный рассказ о ссылных поляках мне бы хотелось словами из письма иеромонаха Бонавентуры Гавельчика, который 17 лет провел в Кириллове. (Из его писем и заявлений следует, что сослан он был не как участник восстания, а вследствие какой-то интриги его начальства, воспользовавшегося ситуацией). Он писал своему брату: "Не грустите, не скучайте и не плачьте, не думайте, что люди русские съедят поляка, как только он у них появится. С поляками обходятся так же, как мы в Царстве Польском с россиянами, и даже здесь более и более вижу откровенности, любезности, помощи и доброго сердца, чем имеют некоторые из поляков. Верьте мне, когда говорю это вам от сердца."

ИСТОЧНИКИ:

В статье использованы документы Государственного архива Новгородской области: фонд канцелярии губернатора Ф-138, оп.1. Дела: 2261, 2262, 2263, 2278, 2290, 2327, 2359, 2358, 2360, 2410, 2411, 2501, 2505, 2513, 2743, 2825. Фонд жандармского управления Ф-117, оп.1, д.96, д.18.

Павел ЛИЗУНОВ,
доцент Северо-Двинского
гуманитарного института

Нет, наверное, в России человека, который бы никогда не слышал имени знаменитой новгородской посадницы Марфы Борецкой, но мало кому ныне известен далекий северный Николаевский Корельский монастырь. О честолубивой вдове бывшего новгородского посадника Исака Борецкого и драматических событиях покорения Новгорода написано немало литературных и исторических сочинений. Незаурядная личность этой "злохитревой жены", происходившей из боярского рода Лошинских, не раз привлекала внимание многочисленных авторов. Московские летописи и церковный летописец Новгорода сравнивали Марфу с Иезавелью, бесноватой Иродиадой, царицей Евдоксией и "окаянной Далидой". Московские книжники XVI-XVII столетий любили вносить в свои сочинения повествования о гибели и ухищрениях "злоумной жены Марфы". Она стала героиней сочинений Н.Карамзина, П.Сумарокова, Ф.Иванова, К.Рылеева, М.Погодина, В.Аскочского, Н.Жандра, А.Навроцкого, Д.Балашова и других.

Сама Марфа никогда не бывала в отдаленном Николо-Корельском монастыре, но прекрасно знала о нем: рядом с обителью простирались обширные владения семьи Борецких. Печальная судьба старших сыновей Марфы посадницы прочно связала ее с монастырем, затерявшимся на Корельском (Летнем) берегу Белого моря, левой стороне Пудожского устья Северной Двины.

Точная дата основания Николо-Корельского монастыря неизвестна. По преданию, эту обитель заложил преподобный старец Евфимий - просветитель корел. Назван монастырь в честь Николая Чудотворца, покровителя рыбаков и мореходов, - особо почитавшегося на Севере. В Подвинье вообще было много церквей и монастырей в честь этого святого: "От Холмогор до Колы тридцать три Николы."

Первое упоминание о монастыре Святого Николая встречается в Двинской летописи, в которой под 1419 годом записано: "Пришедше мурманы 500 человек с моря в бусах и в шняках, и повоеваша в Варгузе погост Корельский, и в земли Заволоческой погост в Неноксе, и Корельский монастырь святого Николы, и Онежский погост, Яковлю Курью, Андреановский берег, Кеч остров, Княж остров, Архистратига Михаила монастырь,

Цыгломино, Хечимино, три церкви сожгли, а христиан и чернцев всех посекали. И заволочане две шняки мурман избиша, а иные убегоша на море."¹ Об этих событиях упоминает также и Новгородская летопись. Это краткое сообщение в летописях позволяет отнести время возникновения монастыря к концу XIV века, поскольку для появления обустроенной монашеской обители, в особенности на Крайнем Севере, необходимо как минимум 25-30 лет.

Сожженный Николо-Корельский монастырь не был заброшен. Трудом монахов возобновлены церковь и монашеские келии. Восстановление разоренного монастыря и его дальнейшее процветание обязано пожертвованиям Марфы Борецкой. Согласно монастырской хронике, в 1471 году сыновья Марфы от первого брака - Антон и Феликс, осматривая свои поморские вотчины, погибли в море. Разразилась ли буря, или, может быть, неопытного кормщика обманул ложный прилив, так называемая "маниха", предание молчит. Тела братьев на двенадцатые сутки были вынесены к берегу у запустевшего монастыря, где и были похоронены. В благодарность Марфа одарила монастырь первыми вотчинами, сенокосными лугами, рыбными тонями и солеварнями, принадлежавшими ее первому мужу боярину Филиппу Григорьевичу. На пожертвования Марфы Борецкой построена новая деревянная Никольская церковь, часовня над могилой ее сыновей и некоторые хозяйственные постройки.

В тот же год или вскоре Марфа посадница дала Николо-Корельскому монастырю заветательную грамоту для вечного поминовения своих сыновей: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се аз раба Божия Марфа списах рукописание при своем животе, поставила есми церковь храм Святого Николы куплю мужа своего Филиппа на Лявле острове село, да в Конечных два села и по Малокурью пожни и рыбные ловища, а по церковной стороне и до Кудмы и вверх по Кудме и до озера и в Неноксе место засенником и дворища и полянка, а приказываю дом Святого Николы господину своему деверю Федору Григорьевичу и его детям и Лентею Обакумовичу, и зятю своему Офромею Васильевичу, а то Бог послух и отец мой духовный игумен Василий Святого Спаса, а кто се рукописание преступит или порудит, а наши памяти залягут, сужюся с ним перед Богом в день страшного суда."²

Текст этой грамоты сохранился в копии, но епископ Архангельский и Вологодский Макарий в своем описании Никольского Корельского монастыря отмечал, что до

МАРФА БОРЕЦКАЯ И НИКОЛО-КОРЕЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Такой ее увидели автор памятника
1000-летию России Михаил Микешин
и наш художник

1552 года была еще подлинная грамота "на хартьях со свинцовыми печатями Марфы Посадницы Новгородские".³ В описи 1601 года, составленной стрелецким сотником Богданом Нееловым по указу Бориса Годунова, упоминается только о наличии "двух духовных Марфы посадницы списки".⁴ В переписной книге 1674 года упоминались "две крепости харатейные Марфы Посадницы за вислыми печатями, да с них четыре списка, да духовная память, а с ней список Марфы же Посадницы".⁵ Однако в донесении благочинного монастырей архимандрита Кирилла от 9 мая 1816 года сообщалось: "Хранившаяся в Николаевском монастыре в особой от большого под соборной церковью состоящего архива каменной палатке грамота или духовная новгородской посадницы Марфы, писанная на пергаменте, в случившемся 1798 году мая 26 дня в оном монастыре от молнии пожаре, вместе со всеми прочими письменными делами погорела... Что мне совершенно известно, ибо я в то время находился в оном монастыре игуменом."⁶

В отличие от официальной монастырской хроники местный историк-краевед М.Заринский в статье "Борецкие", опубликованной в "Архангельских губернских ведомостях" в 1884 году, отрицал вообще какое-либо отношение Марфы посадницы к Николо-Корельскому монастырю. Он полагал, что дарительницей была какая-то другая богатая новгородка по имени Марфа.⁷ Но его предложения основаны на еще большем количестве натяжек и допущений. К тому же почти все источники единодушно называют именно Марфу Борецкую в качестве "восстановительницы" монастыря. Принимая, таким образом, традиционную версию личности дарительницы наиболее значительных вкладов и вотчин, полагаем, что нет сомнений и в подлинности существовавших дарственных грамот Марфы посадницы.

Второй муж Марфы - Исаак Андреевич Борецкий также имел земли в Заволочье. Его предки издревле владели обширными волостями в Подвинье и почитались известнейшими из бояр и посадников двинских. Им принадлежали Кемь, Сумский посад, земли в Заонежье по Двинской губе и по Двине. Борецкие с давних пор обладали в Двинской земле волостью Борком, упоминавшейся уже в 1138 году в Уставе Святославом, а что это Борк двинской - видно из того, что следом за ним называлась Тойма - также волость подвинская. В начале XIV века на Ваге и Двине насчитывалось 13 новгородских боярщин, одна из важнейших называлась "Исаковской", а в ней была волость "Борецкая", или Борк.

С определенной достоверностью можно утверждать, что отец Исака Борецкого был Андрей Иванович, дед - Иван Васильевич, прадед - Василий Данилович и прадед - Даниил, бояре новгородские и двинские. Ни отец, ни дед, ни прадед в Двинской летописи еще не именуются Борецкими. Прозвище это летописец дал только Исаку Андреевичу, бывшему посадником в Великом Новгороде, вероятно, в 1427-1433 годах. В браке с Марфой Исаак Борецкий имел двух сыновей - Дмитрия и Федора. Год смерти Исака Андреевича неизвестен, но в 1470 году его уже не было в живых.

Недолго посадница Марфа Борецкая оставалась покровительницей Николо-Корельского монастыря. 14 июля 1471 года в битве на реке Шелони новгородское ополчение, возглавляемое сыном Марфы степенным

посадником Дмитрием Исаковичем Борецким, было разбито московским войском. По свидетельству летописца, новгородцев погибло 12 тысяч, две тысячи попали в плен, в их числе - посадники и бояре. По приказу Ивана III были казнены "отсечением головы" Дмитрий Борецкий, Василий Селезнев-Губа, Еремей Сухощок, Киприан Арбузьев.

Вся земля Новгородская, по словам летописца, до самого моря была "пожжена и поплена". В Заволочье Иван III послал воевод Бориса Слепца с вятчанами и Василия Федоровича Образца с устюжанами, у которых было менее 4000 войска. 6 июня 1471 года на Двине они разгромили 12-тысячное войско заволочан и двинян под командованием последнего служилого новгородского князя Василия Васильевича Шуйского-Гребенка. С другой стороны вологодский воевода князя Андрея Васильевича Меньшого "повоевал" Кокшеньгу. Овладев Двинской землей, ее жителей привели в подданство Москвы.⁸

Опустошали новгородские земли не только войска великого князя, но и многочисленные "шайки вольницы". Из всех земель московских вооруженные толпы ходили грабить в новгородские волости.

По условиям перемирия, заключенного в селении Коростыни, самостоятельность Новгорода была существенно ограничена. По договору 1471 года к Москве была присоединена часть Заволочья по Пинеге и Мезени, а другая осталась за Новгородом.

В 1471 году другой сын Марфы - Федор Исакович Борецкий, по прозвищу Дурень, обвинен в "разбое и грабеже" и по распоряжению Ивана III в оковах сослан в Муром, где был пострижен, а в мае того же года умер.

В 1478 году Новгород был окончательно присоединен к Москве и утратил свои права. По указу Ивана III вывезен в Москву новгородский колокол. Марфа Борецкая вместе с малолетним внуком Василием Федоровичем схвачена и в феврале 1478 года отправлена в Москву, а оттуда в Нижний Новгород. Там она пострижена под именем Марии в Зачатейном монастыре, где, вероятно, и умерла. По другой версии боярыня Марфа, не доехав до Москвы, в селе Млеве Тверского княжества умерла или была казнена. Судьба внука Марфы неизвестна, но в списках служилого класса XVII века встречается фамилия Борецких.

Огромные владения Борецких были отписаны на государя. Родовая вотчина Борк была пожалована им одному из московских воевод Илье Ивановичу Квашнину, а при Иване Грозном вошла в опричнину.

Перемены, произошедшие в Новгороде, не могли быть безразличны для Николо-Корельского монастыря, владевшего по дарственной Марфы Борецкой землями, которые отходили под власть Москвы. Государи московские, видя в монастырях опору в колонизации северных земель, не только сохранили за обителью Святого Николая все прежние владения, но и подтвердили их новыми грамотами. Одних великокняжеских и царских грамот от Василия Ивановича до Петра Алексеевича, данных по разным случаям, насчитывалось более 150.⁹

Особенно благосклонно относился к Николо-Корельскому монастырю Иван IV. Даже после Стоглавого собора, когда были ограничены старые монастырские права и владения, обитель продолжала получать царские жалованные грамоты. Милостью этой монастырь был обязан английскому капитану Роберту

Ченслеру, судно которого "Эдуард Бонавентура" ("Эдуард Благое Предприятие") 24 августа 1553 года бросило якорь в устье Северной Двины. Обнаружив напротив Николо-Корельского монастыря удобную закрытую стоянку для корабля, Ченслер назвал ее "Рейдом Святого Николая".

О прибытии англичан сообщили сначала в Холмогоры, а оттуда в Москву. По указу Ивана IV "английского короля Эдварда посла Рыцарта" отправили в Москву, где он был торжественно принят русским царем.¹⁰

Перезимовав в России, весной 1554 года Ченслер отплыл в Англию. Привезенные им сведения о Московии оказались настолько впечатляющими, а данная царем Иваном IV грамота на право свободной торговли в Российском государстве столь привлекательной, что в 1555 году в Лондоне была основана знаменитая "Московская компания". В состав этого акционерного общества вошли 1 эрл, 6 лордов, 22 рыцаря, 13 эсквайров, 8 алдерменов, 8 джентльменов, остальные - крупные и средние купцы. В том же году "Московская компания" снарядила новую экспедицию в Россию - вновь "Эдуарда Бонавентура" под командованием Р.Ченслера. 23 июля 1555 года судно вошло в гавань Святого Николая. На этот раз Ченслер привез королевскую грамоту Ивану IV, которую доставил в Москву. Вместе с ним прибыли английские купцы Грей и Киллингворс - агенты компании для организации торговли в России.

Через год, после переговоров в Москве, в Лондон вместе с Ченслером было отправлено первое русское посольство во главе с вологодским наместником Осипом Григорьевичем Непеей. На одном из английских судов, груженных русскими товарами, плыли холмогорские купцы Михайло Григорьев и Феофан Макаров. Это плавание закончилось трагически. Корабль с русскими купцами пропал без вести. А "Эдуард Бонавентура" уже у берегов Шотландии попал в шторм и разбился о прибрежные скалы. Погибли царские подарки, утонуло много людей, в том числе семеро русских и сам Роберт Ченслер с сыном. Московскому послу Осипу Непее удалось спастись, и в феврале 1557 года он с поредевшим русским посольством был доставлен в Лондон.

Так было положено начало торговым и дипломатическим связям России с Западной Европой через Белое море. После заключения торгового договора между Россией и Англией "Московская компания" ежегодно посылала к устью Северной Двины корабли с английскими товарами. Количество их с каждым годом увеличивалось: в 1557 году прибыло 4 корабля, в 1581 году - 13.¹¹ Напротив Николо-Корельского монастыря на острове Ягры была сооружена пристань для иноземных кораблей, получившая название: порт Святого Николая. На старых английских картах он отмечен также как рейд, бухта или гавань Святого Николая. Даже основанный в 1584 году Архангельск англичане некоторое время называли этим именем.

Вслед за англичанами в устье Северной Двины прибыли голландские, немецкие и французские корабли.¹² С потерей в 1581 году Нарвы пристань Св.Николая оставалась единственным выходом России к морю. В течение 40 лет до основания Архангельска она была главным морским портом России.

Докатались до побережья Белого моря отголоски

Смутного времени. В конце 1613 года в поисках легкой добычи к Николо-Корельскому монастырю подошел полторатысячный отряд ракошан под командованием полковника Барышпольца. Не встретив серьезного сопротивления, они разграбили и сожгли обитель Святого Николая.

После "литовского разорения" монахи неоднократно жаловались в Москву на свою тяжелую судьбу и молили о помощи. Михаил Федорович не остался безучастным к мольбам и жалобам монахов, и монастырь получил новые льготы и пожалования. Вслед за царем поспешили выразить свою благосклонность обители и многие московские бояре. В монастырском поминальном списке ("вечнем синодике") перечислены представители знатнейших русских родов: Прозоровские, Салтыковы, Голицыны, Стрешневы, Нарышкины, Милославские и другие именитые фамилии, которые своими вкладами помогли восстановить монастырь. На полученные средства Никольский монастырь не только отстроился вновь, но и превратился в один из самых значительных и богатых монастырей. В 60-80 годах XVII века в монастыре приступили к каменному строительству. Первой в 1664-1667 годах была воздвигнута пятиглавая Успенская церковь, в 1670-1674 годах - соборная церковь Святителя Николая. В 1684 году между церквями были построены каменные переходы. В 1700 году была выстроена каменная колокольня, на которой установлены старые часы с боем и десять колоколов.

Вокруг подаренного царем Федором Алексеевичем набатного колокола, снятого со Спасских ворот московского Кремля, сложилась легенда. Полагали, что отлит он был известным мастером Федором Моториным из расплавленного новгородского вечевых колокола. Пошел ли на него металл вечевых колокола, неизвестно. По какой-то причине он не понравился царю Алексею Михайловичу, и тот велел его снять. Колокол имел две надписи: "Лета 7182 июля в 25 день вылит сей набатный колокол в Кремле городе у Спасских ворот весу 150 пуд" и "7189 года марта 1 дня по имянному великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великая и Малая и Белая России самодержца указу дан сей колокол к морю в Николаевский Корельский монастырь за государское многолетнее здравие и по его государским родителям в вечное поминовение неотъемлемо при игумене Арсении".¹³

Все это время монахи Николо-Корельского монастыря хранили память о новгородской посаднице Марфе Борецкой и ее детях. Сыновья Марфы местно почитались праведными и память их отмечалась 16 апреля. Над их могилами в 1719 году была построена деревянная церковь Сретения Господня с больницей при ней и приделом преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев.¹⁴ Позже она сгорела, и вновь построена часовня. В центре этой часовни находилась гробница с чугунной плитой, на которой была надпись: "Когда слава жизни бывает непричастна печали, одно мгновение и все это смерть отнимает от нас! Дети знаменитой Марфы Новгородской посадницы Антон и Феликс".¹⁵

Дело доходило порой до курьеза: монахи показывали якобы прижизненный, но подновленный портрет Марфы. Довольно больших размеров, написанный красками, он хранился в настоятельских кельях до конца XIX века. Трудно сказать, представлял ли портрет сходство с исторической личностью Марфы Борецкой, но видевшие

его отмечали, что "при взгляде на портрет сразу же припоминается ее суровая властность".¹⁶

Отдаленность и уединение Николо-Корельского монастыря делали его удобным местом ссылки опальных или неугодных "государственных преступников". В разное время узниками монастыря были соловецкие старцы, участники известного бунта Митрофан, Лаврентий и Плещеев, член царского кружка ревнителей благочиния Иван Неронов, князь Дмитрий Хованский, бывший архиепископ Новгородский, настоятель Александро-Невской Лавры и первый вице-президент Синода Феодосий Яновский, бывший митрополит Ростовский Арсений Мацеевич, бывший архиепископ Коломенский Игнатий Смола и другие.

С 1540 до 1707 года Никольским Корельским монастырем управляли игумены, до 1768 года - архимандриты, затем до 1848 года - снова игумены. По сохранившимся монастырским записям с XVI века обитель имела более 50 игуменов и 13 архимандритов. В лучшие времена насчитывалось до 60 человек братии, не считая чернорабочих и прислужников. В синодике XVIII века в списках братии перечислено около 480 схимников и до 750 монахов.¹⁷

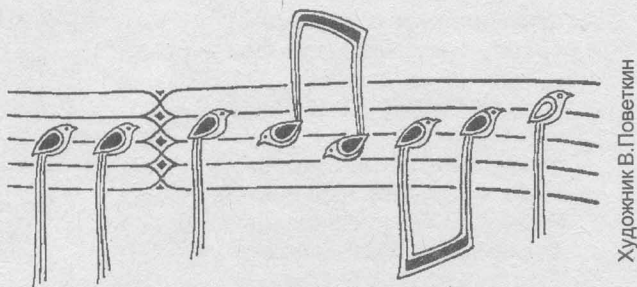
Обширные угодья, дарованные Николо-Корельскому монастырю, оставались в его владении до 1764 года. Особая комиссия, учрежденная Екатериной II из светских и духовных лиц, изъяла все монастырские и церковные вотчины в пользу Коллегии экономии. Из завещанных Марфой посадницей земель монастырь сохранил покосы по реке Малокурье и остров Шатун. По штату Никольская обитель была приписана к разряду третьеклассных монастырей, которым полагалось иметь не более 8 человек братии, а их настоятелем мог быть только игумен. Содержание, отпускавшееся из казны, было невелико - 848 руб. 61 1/4 коп. в год.¹⁸ С этого времени начинается оскудение монастыря. В 1848 году по указу

Синода Николо-Корельский монастырь поступил в ведение епархиальных архиереев, назначавших для управления обителью своих наместников.

В 1917 году в монастыре проживало всего 6 дряхлых стариков. В 1921 году Николо-Корельский монастырь национализирован. Монахов к этому времени уже не было. В пустующем монастыре сначала создана детская колония, затем в 1929 году крестьяне села Вагино организовали там коммуны "Искра", а в 1936 году к стенам монастыря прибыли первостроители города Северодвинска.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Титов Л.Л. Летопись Двинская. - М., 1889. С.7.
- 2 Макарий, епископ Архангельский и Холмогорский. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского монастыря. - М., 1879. С.2,7.
- 3 Там же. С.6.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Григорьевский М. Николаевский Корельский третьеразрядный монастырь. Исторический очерк. - Архангельск. 1898. С.8.
- 7 Заринский М. Борецкие\ Архангельские губернские ведомости. - 1884. - №27, 30,32,32,35.
- 8 Летопись Двинская. С.7-8. Соловьев С.М. Сочинения. - М., 1989. Кн.III, Т.5. С.20-21.
- 9 Макарий. С.14-15.
- 10 Летопись Двинская. С.10-11.
- 11 Шмигельский Л.Г. Город в устье Двины\ Северный рабочий. - 1988. С.36.
- 12 Летопись Двинская. С.12.
- 13 Макарий. С.5.
- 14 Там же.
- 15 Григорьевский М. С.36.
- 16 Там же.
- 17 Макарий. С.10-15. Григорьевский М. С.26.
- 18 Григорьевский М.С.27.

Художник В. Поветкин

Валерий ДЕМИДОВ,

преподаватель
Новгородского училища искусств
им. С.В.Рахманинова

ИЗВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Великий Новгород, как известно, был одним из истоков русской государственности, а в период средневековья - и крупнейшим центром культуры, музыкальной в том числе. По-видимому, два эти обстоятельства сыграли роль в том, что новгородский "след" в памятниках художественной культуры оказался особенно отчетливым и долговечным.

В области музыки тема Новгорода представлена в различных жанрах.

В русском народно-песенном творчестве наиболее часто встречается однократное, как бы мимоходом, упоминание о Новгороде, говорящее, однако, о широкой известности этого русского города. В качестве примера можно указать на песню "Ивушка, ивушка зеленая моя" в "Собрании русских простых песен с нотами" В.Трутовского. Сборник этот, вышедший в четырех частях в 1776, 1778, 1790 и 1795 годах, включает песни не только XVIII века, но и более ранние.

*"...Ехали дворяне из Нова города,
Срубили ивушку по самой корешок..."*

Такие упоминания, как правило, подчеркивают особое значение Новгорода, а их количество, по сравнению с упоминаниями других географических пунктов России, свидетельствует о своего рода культе Новгорода. Отголоски этого наблюдаются и в позднейших изданиях. Так, в сборнике "Традиционный фольклор Новгородской области" (издательство "Наука", Ленинград, 1979 г.) находим:

*"Не по бережку лебедушка плывет,
Выше берега головушку несет,
На головке кашемировый платок,
А рубашка - косой вороток,
Мы поедem во Новой Городок,
Мы поищем таких мастеров,
Чтобы сделали по-прежнему любовь."
Или в другой песне:
"Уж ты сокол-соколец,*

Ты удалой молодец, -

Ты увел-увел девицу со Нового Города..."

В сборнике "Песни Карельского края" (издательство "Карелия", Петрозаводск, 1977 г.) Новгород упоминается в плясовой:

*1. "Что во городе кровать,
Ехи-ехи, да.
2. В Новгороди тесова,
Ехи-ехи, да.
3. Там перина пухова,
Ехи-ехи, да." и т.д.*

В некоторых песнях Новгород представлен действующими лицами, как, например, в песне "Голытьба ты, голый молодец" из уже цитировавшегося сборника "Традиционный фольклор Новгородской области":

*"Сама, сама девица пришла,
Лебедь белая пожаловала, -
Целовала-миловала молодца,
Горазно выхваливала:
- Из породы в городе молодец
Новгородский Макарушка -
Бравый мастер огни высекать!.."*

Или в песне "Я поеду во базар, во базар" из того же сборника:

*"...А Иринья, бела барыня,
Новгородская сударыня,
Набелилась, нарумянилась,
Добру молодцу понравилась..."*

В другой песне из этого же сборника новгородская примета - уже географического порядка:

*"Шел я улицей Варваринской,
Спи-ко ты, мужик комарицкой..."*

Варваринская улица - теперешняя Десятинная.

В годы юности довелось мне слышать от моей бабушки, Агриппины Семеновны Шаклуновой, рассказы о свадебном обряде на ее родине, в селе Переслегино, что под Великими Луками. В одной из свадебных песен красота невесты была такова, что за нее "отдал бы Новгород да с подгородочком".

Как легко заметить, такие упоминания о Новгороде обычно свойственны либо наиболее старым песням, либо менее "политизированным" (свадебные, игровые и т.д.), либо, наконец, просто бытовавшим в населенных пунктах, не слишком удаленных от Новгорода (вотчинные земли Господина Великого Новгорода).

В песнях же, созданных в XV-XVIII веках, Новгород упоминается на равных с Москвой, как, например, в песне "По морю, морю" из сборника М.А.Балакирева "Русские народные песни", изданном первоначально двумя книжками в 1866 и 1900 годах:

*"13. Уж как другой-то окунь во тысячу
рублей.
С-за Дунай!
Уж как третьему-то окуню цены ему нет.
14. Есть ему цена да во Нове-городе
С-за Дунай!
Во Нове-городе да в каменной Москвы."*

Или же противопоставляется столице, как в свадебной песне "Звонили звоны в Новгороде" из сборника Н.А.Римского-Корсакова "Сто русских народных песен", изданного в 1877 году:

*"Звонили звоны в Новгороде,
Звончей того во каменной Москве..."*

В позднейших из этих песен встречается уже упоминание Новгорода в ряду других российских городов.

В качестве примера приведем песню "Ах ты душечка красная девица" из того же сборника В.Трутковского:

*"...Ты куды, мой друг, снаряжаешься,
Во которую дальню сторону,
Во которую незнакомую.
Во Казань город или в Астрахань,
Или в Нов город, или в Петербург,
Или во матушку в каменну Москву..."*

В одной из немногих исторических песен, связанных с темой данной статьи, - "Скопин-шуйский" из сборника П.К.Симони "Великорусские песни, записанные в 1619-1620 годах для Ричарда Джемса" Новгороду также уделено внимание:

*"...Побежали немцы в Нов-город,
И в Нове-городе заперлися,
И многой мир-народ погубили,
И в латынскую землю превратили."*

Этот сборник был издан в Петербурге в 1907 году.

Гораздо богаче представлен Новгород в былинах так называемого новгородского цикла, где главными героями выступают Садко и Василий Буслаев. Здесь мы наблюдаем яркие картины новгородского быта, обычаев, праздников и обрядов, а также приметы развитых ремесел и торговли. Коллективная память народа сохранила названия новгородских улиц и предместий и даже собственные имена новгородцев. Вот несколько примеров из "Сборника Кириши Данилова", наиболее раннего из известных сборников русских народных песен (середина XVIII века).

"ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И МУЖИКИ НОВГОРОДСКИЕ":

*"В славном великом Нове-граде
А и жил Буслаи до девяноста лет,
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперек словечка не говорил.
Живучи, Буслаи состарелся,
Состарелся и переставился.
После его веку долгова
Аставалася его житье-бытье
И все имение дворянское
Асталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофевна,
И аставалася чадо милая,
Молодой сын Василеи Буслаевич."*

"ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ МОЛИТЦА ЕЗДИЛ":

*"Под славным Великим Новым городом,
По славному озеру по Илменю
Плавает-поплаывает сер селезень,
Кабы ярой гоголь поныривает;
А плавает-поплавает червлен корабль
Кабы молода Василья Буслаевича."*

"САДКО БОГАТОЙ ГОСТЬ":

*"По славной матушке Волге реке
А гулял Садко молодец тут двенадцать лет,
Никакой над собой притки и скорби
Садко не видывал,
А все молодец во здоровье пребывал.
Захотелось молодцу побывать во Нове Городе,
Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил его,*

*Ай да в Волгу ну да опустил:
А спасибо тебе, матушка Волга река..."*

"ГОСТЬ ТЕРЕНТИША":

*"В стольном Нове городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентиша.
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинки по маковке,
А и есть по земчюженке."*

Последний пример интересен еще и тем, что представляет собой фрагмент былины сатирического содержания, как называемой "скоморошины".

В профессиональной музыке одним из первых произведений, связанных с Новгородом и дошедших до нас, является комическая опера-балет Е.И.Фомина (1761-1800) "Новгородский богатырь Боеславич" на текст императрицы Екатерины II. Премьера оперы состоялась 27 ноября 1786 года в Санкт-Петербургском театре "Эрмитаж". К сожалению, произведение дошло до нашего времени только в виде оркестровых голосов (без вокальных партий), и то частично. Содержание трех больших балетных картин в начале 1, 2 и 4 действий определяется следующими пояснениями в либретто:

"Феатр изображает улицу Рогатицу в Нове-городе; балет изображает кулачный бой. Василий Боеславич тут же действует с усатыми, с бородатыми и прибьет всех; чернь взволнуется и сделается драка. Василий с помощью Потанюшки прогонит всех с феатра."

"Василий, получа дозволение от своей матушки, делает празднество у своего дворца белокаменна, у своих широких ворот. Балет, в котором чаны дубовые, наливают в них зелена вина и пива пьяного."

"Феатр представляет площадь перед дворцом Амелфы. Утро лишь приспело; балет: идет сила новгородская, окружили посадники и люди новгородские широкий двор Василия Боеславича. Выбивают они широко ворота из петы, валяются они на широкий двор..."

Драматическая история утраты Новгородом былого имущества, независимости и республиканских вольностей передана в романсе "Новгород" русского композитора, датчанина по происхождению, О.И.Дютша (1823-1863). Романс, написанный на слова Э.И.Губера в середине XIX века, пользовался широкой известностью как среди интеллигенции и студенчества, так и среди исполнителей-баритонов вплоть до начала XX века.

*"Время пролетело, слава прожита,
Вече онемело, сила отнята.
Город воли дикой, город буйных сил
Новгород великий тихо опочил.
Слава отшумела, время протекло,
Площадь опустела, вече отошло.
Вольницу избили, золото сvezли,
Вече распустили. колокол снесли..."*

Десятивековой юбилей русского государства, отмечавшийся в 1862 году, нашел отклик в симфонической увертюре М.А.Балакирева "1000 лет", замысел которой сложился под влиянием В.В.Стасова. В письме Балакиреву от 21 марта 1861 года он пишет о том, что подтолкнуло его к созданию этого произведения: "И при обозрении старой русской истории опять, еще раз выплыл светлым, лучшим куском России - наш любезный Новгород, который мы с вами инстинктивно так давно любим... Там мы находим опять-таки, и с новой точки зрения, все, что было самого умного, талантливого, душевного, стремящегося вперед в древней России, точно так, как в проклятой царской Москве - все, что было самого нелепого, ограниченного, тупого, болотного и деспотического."

В основе увертюры лежат три русские народные песни, записанные Балакиревым на Волге в 1860 году. Одна из этих песен, "Подойду, подойду", имеет в текстовом варианте упоминание о Новгороде. Это позволяет рассматривать песню как военно-историческую в связи с покорением Новгорода Москвой. В начале 1880-х годов Балакирев создает вторую редакцию увертюры под названием "Русь".

* * *

Более других русских композиторов был связан с темой древнего Новгорода Н.А.Римский-Корсаков (1844-1908), родившийся в г.Тихвине Новгородской губернии. Одним из первых его симфонических произведений была музыкальная картина "Садко" (1867), написанная под впечатлением былин о новгородском торговом госте.

Эта тема получила свое развитие почти тридцать лет спустя в одноименной опере (1896) - опыте своеобразной музыкальной "реставрации" древнерусской жизни. Действие оперы, состоящей из семи картин, происходит в древнем Новгороде (картины первая, третья, четвертая, на берегу Ильмень-озера (картина вторая), у стен новгородского кремля (картина седьмая).

Однако новгородские мотивы звучали в оперном творчестве композитора задолго до этой оперы. Действие оперы "Псковитянка", завершенной в 1872 году, происходит во Пскове и округе в 1570 году. В первой картине первого действия одна из мамок резвящихся в саду девушек, Власьева, в беседе с другой сообщает: "Вот вести-то из Новгорода и не слышать бы лучше. Ведь царь Иван Васильевич на Новгород прогневаться изволил, пришел со всей опричниной. Казнит по всем концам и посадам; кто виновен, кто не виновен, без разбора, без жалости, без милости казнит. Стои стоном, говорят, по городу стоит; три тысячи на площади казнено было за день".

В той же картине боярин Матута вопрошает князя Юрия Токмакова: "А что, князь Юрий, не к ночи сказать... что если царь из Новгорода прямо свернет на Псков..."

Да гневный-то, да грозный?"

Во второй картине первого действия фигурирует уже новгородский гонец Юшко Велебин, извещающий псковичей: "Поклон и слово Новгорода. Ваш брат старший открасовался, велел вам долго жить да править по нему поминки." На это присутствующие горестно отзываются: "Ох, Господи! Новгород великий, родимый, ужель тебе конец пришел?"

В этой же картине князь Юрий Токмаков ищет основание для того, чтобы свести к мирному исходу предстоящий приезд государя: "Ведь мы не то, что наша братья новгородцы: с Литвой аль с Мистром перевет не держим..."

Наконец, во второй картине второго действия речь держит сам царь Иван Васильевич: "Все государи мы, и государь наш Псков и Новгород! А кто ж против Бога и Новгорода Великого? Цари Иваны, дедушка и внучек..."

События в "волшебной" опере-балете "Млада", созданной в 1890 году, происходят в IX-X веках в славянских землях Балтийского поморья. Новгород в ней представлен двумя действующими лицами - Новгородцем и его женой во время праздника Купалы в сцене торга.

В опере "Царская невеста" (1898) Римский-Корсаков говорит о Новгороде устами главной героини, Марфы, в ее арии из второго действия, начинающейся со следующих слов речитативом: "В Новгороде мы рядом с Ваней жили. У них был сад такой большой, тенистый." В этой арии Марфа рассказывает о детстве, проведенном в Новгороде в обществе сверстника, а теперь и возлюбленного - Ивана Лыкова.

В 1909 году была написана фантазия для фортепиано "Воскресное утро в древнем Новгороде", изданная петербургской фирмой "А.Иогансен". Автор произведения, Владимир Корсунский, в Новгороде известен был как учитель истории в мужской и женской гимназиях Владимир Митрофанович Иванов-Корсунский.

(В литературе не обнаружено сведений о его жизни и творчестве. Известно, что он был учеником и другом М.А.Балакирева).

Музыка фантазии "Воскресное утро в древнем Новгороде" основана на двух темах. Первая из них - песенная с элементами архаики, вторая - хоровая духовного характера. Темы на всем протяжении пьесы сопровождаются имитированием колокольного звона.

В кантате С.С.Прокофьева (1891-1953)

"Александр Невский" (1939) имя нашего города звучит в самом конце второй части - "Песне об Александре Невском":

"Не уступим мы землю русскую.

Кто придет на Русь, будет насмерть бит.

Поднялася Русь супротив врага,

Поднимись на бой, славный Новгород!"

Кантата была создана на основе музыки к одноименному кинофильму С.Эйзенштейна (1938).

СКАЗКА ДОЛЖНА БЫТЬ В ДЕТСТВЕ

Вы заметили, как изменились российские города? Яркие, ранее невиданные вывески магазинов, пестрота рекламы, которую даже поют, бары, казино, рестораны уже никого не удивляют. Ничего плохого в этом, конечно, нет. Но меня почему-то мучает ностальгия по исчезнувшему детскому кафе, куда в детстве каждое воскресенье нас с братом водил отец. Особым праздником для меня было посещение "СКАЗКИ", хотя в те годы "СКАЗКА" приходила во все больший упадок: ободранные стены, грязные туалеты, сломанные игровые автоматы.

Алексей Котов, нынешний директор "СКАЗКИ", подобрал команду из людей, знающих свое дело. Благодаря им кафе встречает юных горожан и их родителей чистотой и разнообразием блюд в меню.

К.Д.: Алексей Иванович, я слышала, что вы намереваетесь превратить "СКАЗКУ" в центр культурного отдыха детей.

А.К.: Вы правы, у нас возникла идея обновить "СКАЗКУ", сделать из нее своеобразный интеллектуальный детский центр, чтобы родители и их дети приходили сюда не только вкусно поесть, но и активно отдохнуть: поотгадывать загадки, ребусы, поиграть в игры. Для этого мы ввели должность культорганизатора. Уже сейчас в нашем кафе школы проводят уроки хорошего тона, справляют торжества. Многие новгородцы участвовали в праздниках "Дары осени", "День близнецов", "Праздник семейного пирога". Не скрою, теплых слов в наш адрес сказано немало.

К.Д.: А по карману ли будет простой семье поесть в кафе?

А.К.: Сегодня не каждая семья позволит себе пообедать в дорогом ресторане. "СКАЗКА" всегда была и будет семейным очагом, а значит и цены в новой "СКАЗКЕ" мы установим невысокие. Для меня одинаково важны и прибыль, и сплочение семьи. Знаю сам, как нынче разобщены люди. Родителям, занятым зарабатыванием денег, не до детей, а значит дети страдают от недостатка родительского тепла, внимания. Вот почему у нас в планах - создание семейного клуба.

К.Д.: Требуется ли в связи с этим реконструкция помещения?

А.К.: Разумеется. В конце октября мне принесут эскиз реконструкции, над которым сейчас работают дизайнеры и архитекторы НовГУ. Надеюсь, что "СКАЗКА" заметно преобразится. Здесь важно утвердить еще и свою неповторимую атмосферу таинственности, сказочности. Поэтому я задумал создать в большом зале композицию из старых игрушек, сделанных из дерева, папье-маше, сшитых из лоскутков.

К.Д.: Алексей Иванович, а как же молодежь? Ведь она тоже частый гость вашего кафе.

А.К.: Не хочу, чтобы мои слова обидели молодых людей, но в Новгороде есть немало мест, где можно развлечься с друзьями. Давайте подарим "СКАЗКУ" только малышам. Несомненно, для кафе было бы выгоднее превратить игровой зал в дискозал. Но нам больше по душе придерживаться традиции. Пускай детвора уплетает наши традиционные крем "Лебедушка", холодную закуску "Зайчик", блинчики "Сказка", а потом радостно бежит к игровым автоматам или танцует под музыку "сказочного" инструментального оркестра. Ведь сказка непременно должна быть в детстве.

Провела интервью

Карина ДАВТЯН,

студентка отделения журналистики НовГУ.

д/з 96г.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, г.Новгород, ул.Льва Толстого (Чудинцева улица), д.6/64

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Рег. номер 013934.

Подписано в печать 16.12.96. Заказ № 1847.

Бумага книжно-журнальная. Формат 60x84 1/8. Объем 11 усл. печ. л.

Тираж отпечатан в типографии "Виконт"

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Над номером работали:

Редактор-менеджер - Татьяна Судьева

Редактор отдела культуры - Елена Зайцева

Инженер-программист - Ирина Александрова

**Редакция благодарит Новгородскую молодежную биржу труда,
выставочный салон "София", типографию "Виконт"
и всех, кто помог в выпуске этого номера**